

СОЧИНЕНИЯ
ДМИТРИЕВА
Часть I. 2 и 3

Москва
1810 года.

СОЧИНЕНІЯ

ДМИТРИЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе пріе.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи.

1810.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Император-
скаго Московскаго Университета.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, Древность, мнѣ!
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иршышъ: крушинѣ, сзеркастѣ,
Шумитѣ, и пѣной подмываетѣ
Высокой берегѣ и крушой;
На немѣ два мужа изнуренны,
Какъ пѣвни, въ адѣ заключенны,
Сидятѣ, склонясь на длань главой;
Единый младѣ, другій съ бородой
Сѣдою и до чреслъ висащей;
На каждомъ вижу я народѣ,

Во ужасъ сердце приводящей!
 Съ булашныхъ шлемовъ ихъ висятъ
 Со всѣхъ споронъ хвосты змѣины
 И вѣютъ крылія совины;
 Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
 Вся грудь обвѣшена ремнями,
 Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
 На поясъ широкій ножъ;
 У стопъ же два лежатъ шимпана
 И два повержены копья. —
 То два Сибирскіе Шамана,
 И ихъ слова внимаю я.

С л а р е ц ъ.

Шуми, Иртышъ! реви ты съ нами,
 И вшоръ плачевнымъ голодамъ!
 На вѣкъ отвержены богами!
 О горе намъ!

М л а д ы й.

О горе намъ!
 О страшная для насъ невзгода!

С л а р е ц ъ.

О ты, кошорыя вѣнецъ
 Поддерживали при народа (1),
 Гремѣши міра по конецъ —
 О сильна, древняя Держава!
 О матеръ нѣсколькихъ племенъ!
 Прошла швоя, исчезла слава!
 Сибирь, и ты познала павъ!

---

(1) Татары, Остяки и Бегудичи.

М л а д ы й.

Твои народы разпоченны,
Какъ вихремъ возмященный прахъ!
И самъ Кучумъ (1), гроза вселенны,
Твой Царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

С л а р е ц ь.

Священные твои Шаманы
Скипаютъ въ глуши лѣсовъ.
На толь судили бы, Шайшаны (2),
Доспитнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столбный вашъ служишель,
Сненаъ и въ прахъ, бывши зришель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ!

М л а д ы й.

И опъ когожъ, о боги, пали!

С л а р е ц ь.

Опъ горести Русскихъ! . . . Моръ и гладъ,
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучшебъ трусъ, пошопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ бытъ поправной Ермакомъ!

М л а д ы й.

Бичемъ и ужасомъ Природы! . . .
Кляните вы его всякъ часъ,
Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ просеръ на васъ!

---

(1) Кучумъ изъ царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и
убилъ ими.

(2) Такъ назывались Сибирскіе кужирны.

С т а р е ц ъ.

Онѣ шелѣ , какѣ столпѣ , огнемѣ палящій ,
 Какѣ люшый мразѣ , все вокругѣ мершвящій !
 Куда стрѣлу ни посылалѣ —
 Повсюду жизнь предѣ ней блѣднѣла
 И спрашна смерть во слѣдѣ летѣла !

М л а д ы й.

И Царскій братѣ предѣ нимѣ упалѣ.

С л а р е ц ъ.

Я зрѣлѣ сѣ нимѣ бой Мегмеша - Кула (1) ,
 Сибирскихѣ спранѣ богатыря :
 Разсыпавѣ стрѣлы всѣ изѣ пула
 И вящимѣ жаромѣ возгоря ,
 Извлекѣ онѣ саблю смертоносну ;
 „Дай лучше смерть , чѣмѣ жизнь поносну
 Влачишь мнѣ вѣ плѣнѣ ! онѣ сказалѣ —“
 И вмигѣ на Ермака напалѣ.
 Ужасный видѣ ! они сразились !
 Ихѣ сабли молніей блестящѣ ,
 Удары тяжкіе шворащѣ ,
 И обѣ разомѣ сокрушились.
 Они вѣ ручной вступили бой :
 Трудѣ сѣ грудью и рука сѣ рукой ;
 Ошѣ вопля ихѣ дубравы воющѣ ;
 Они шопами землю роющѣ ;
 Уже сѣ нихѣ сыплещѣ потѣ , какѣ градѣ ;
 Уже вѣ нихѣ сердце спрашно бьещѣ ,

---

(1) Царскій братѣ , котораго Ермакѣ плѣнилѣ и отпра-
 салѣ къ Царю Іоанну Васильевичу ; ошѣ него произе-
 шли Князѣ Сибирскіе.

И ребра обонхъ прещашъ;
 То сей, то оный на бокъ гнется;
 Крутяшся, и — Ермакъ сломилъ!
 „Ты мой теперь! онъ возопилъ,
 И все отнынь мнѣ подвластно!“

М л а д ы й.

Сбылось пророчество ужасно!
 Палъ, попалъ Сибирь Ермакъ! . . .
 Но что! ужели спонъ сердечный
 Гонимыхъ будетъ . . . .

С л а р е ц ъ.

Вѣчный! вѣчный!

Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
 Глухихъ лѣсѣвъ я углубился,
 И шамо съ пламенной душой
 Надъ жертвою Богомъ молился —
 Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой;
 Съ деревьевъ листья полетѣли;
 Столѣтні дубы заскрипѣли,
 И вихрь заклятыхъ сермъ унесъ!
 Я палъ, и слышу гласъ съ небесъ:
 „Неукротимъ, ужасенъ Рагъ (1),
 Когда казнишь вселенну онъ.
 Сибирь, отвергши мой законъ!
 Пребудь возбѣ, споная; плача,
 Рабыней Бѣла: Царя!
 Да свѣшная тебя заря

---

(1) Главной Остяткой Идсѣ. Кучумъ, родившійся въ
 Магомъ танской вѣрѣ, частію угасовилъ, частію же
 принудилъ большую половину Сибири вѣратъ Алкорану.

И черна ночь въ цѣпяхъ застанешъ !

А слава грозна Ермака

И чадъ его да вѣкъ не вянешъ ,

И будешъ подъ луной громка !“

Умолкнулъ гласъ , и громъ прикрашно

Прошекъ по бурнымъ небесамъ. — —

Увы ! погибли невозвратно !

О горе намъ !

М л а д ы й.

О горе намъ !“ —

Пошомъ , съ глубокимъ сердца вздохомъ ,

Возставъ съ камней , обросшихъ мохомъ ,

И , снявъ орудія съ земли ,

Они вдоль берега пошекли ,

И вскорѣ скрылися въ шуманъ.

Миръ праху швоему , Ермакъ !

Да увѣнчаютъ Россіае

Изъ злата вылишый швой зракъ ,

Изъ ребръ Сибири изшоченна

Твоимъ булашнымъ копіемъ !

Но что я рекъ , о шбѣ забвенна !

Что рекъ въ усердіи моемъ !

Гдѣ обелискъ швой ? — Мы не знаемъ ,

Гдѣ даже прахъ швой былъ зарышъ.

Увы ! онъ вепремъ попираемъ ,

Или Остякъ по немъ бѣжитъ

За ланью быстрой и рогашой ,

Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернашой.

Но будь ушѣшенъ ты , Герой !

Царящій стихотворства Геній

Всякъ день съ Аворою злою ,
 Въ часы божественныхъ явленій ,
 Надъ прахомъ плаваешъ твоимъ
 И сладку пѣснь гласишъ надъ нимъ :

„Великій ! гдѣбъ ты ни родился ,
 Хошя бы въ варварскихъ вѣкахъ
 Твой подвигъ жизни совершился ,
 Хошябъ исчезъ твой самый прахъ ,
 Хошябъ сыны твои , пошомки ,
 Забывъ дѣянья предка громки ,
 Скипались въ дебряхъ и лѣсахъ ,
 И жили съ алчными волками :
 Но ты , великій человѣкъ ,
 Пойдешь въ ряду съ Полубогами
 Изъ рода въ родъ , изъ вѣка въ вѣкъ ;
 И славы лучъ твоей зашмится ,
 Когда померкнетъ солнца свѣтъ ,
 Со прескомъ небо развалится ,
 И Время на косу падетъ.“

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е М О С К В Ы.

Примише, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою пишомца Музѣ!
Не шумны пѣнь хочу забавы,
Не сладости Цигерскихъ узѣ;
Но да возрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ —
И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, Царствѣ великихъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстрою пошока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любящцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтущи!

Но нѣкогда и ты спенала
 Подъ бременемъ различныхъ золъ;
 Едва корону удержала
 И твой клонившійся престолъ;
 И ты съ лица земнаго круга
 Едва не скрылась онѣ очесъ!
 Сарматъ просперъ къ тебѣ длань друга,
 И остро копье вознесъ!
 Вознесъ — и храмы воспылали,
 На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
 И кровъ ихъ братьевъ пошекла!
 „Я гибну, гибну! ты рекла,
 Вращая утраченно око;
 Спасай меня, о Геній мой!“ — —
 Увы! молчанье вокругъ глубоко,
 И мечъ висящій надъ головой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
 Проснись, возстань, Россійска мочь!
 Москва въ плѣну, Москва уныла,
 Какъ мрачная осенняя ночь. —
 Возспала! все восколебалось!
 И Князь, и ратникъ, сшаръ и младъ,
 Все въ крѣпкую броню ополчалось!
 Перуномъ возблисталъ булатъ! —
 Но кто изъ тысячи видимъ мною,
 Въ сѣдинахъ, бодръ и сановитъ?
 Онъ долженъ быть вождемъ, главою —
 Пожарскій то, Россіи щитъ! . . .
 Восшоргъ, восшоргъ я ощущаю!
 Пылаю духомъ и лечу!

Гдѣ лира? Смѣло начинаю!
Я подвиговъ предка пѣшь хочу!

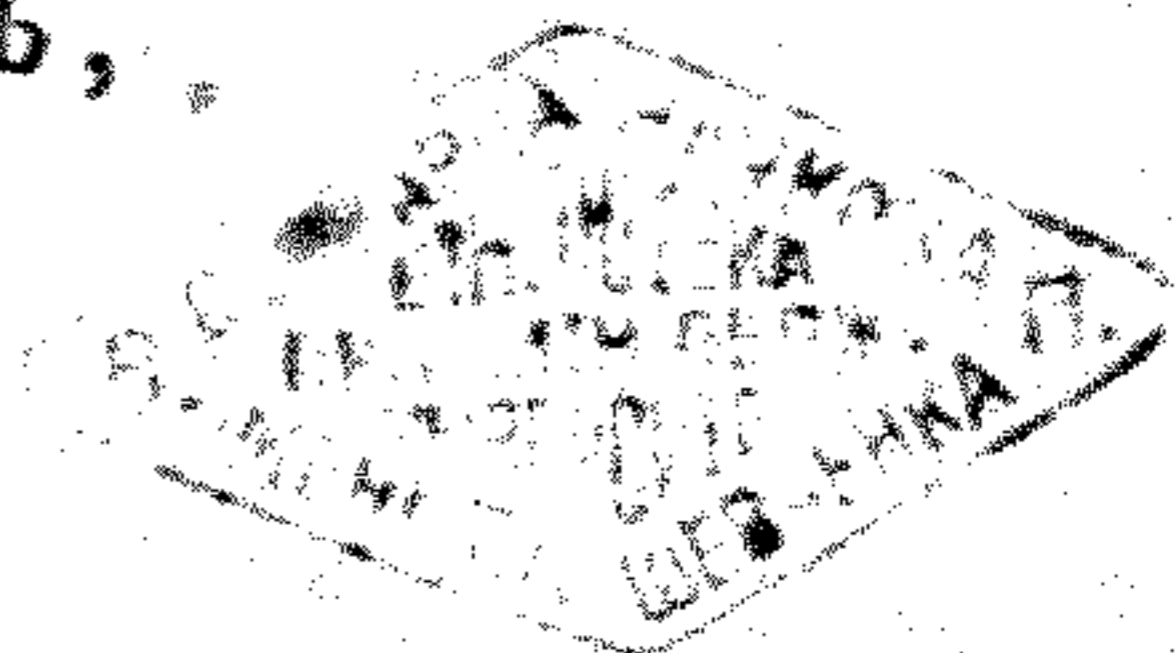
Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль вспааетъ столпомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мершвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летишь — и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летишь, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою въ слѣдѣ!

„Откуда шумъ? приникши ухомъ
Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.“
Взглянулъ — и блѣденъ, съ робкимъ духомъ,
Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ.
„Къ щитамъ, къ щитамъ, гласишь, Сарматы!
Погибель намъ минута прапы!
Я видѣлъ войско Сопоспашъ:
Какъ змій, хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось врагъ,
Хвостомъ всё поле покрываетъ.“ —
Вдругъ стогны ратными сперлись —
Мяшущся, строятся, дѣлясь,
У врагъ, бойницъ, вокругъ стѣнъ толпясь;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ на вспрѣчу.

И се — зрю зарево кругомъ,
 Въ дыму и въ пламѣ спрашну сѣчу!
 Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ —
 И разомъ сильнаго не стало!
 Ядро во мракѣ зажужжало,
 И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
 Тамъ вождь добычею Эревъ;
 Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
 Вскочивши на дыбы, заржалъ,
 И навзничь грянулся на землю,
 Покрывши всадника собой;
 Отвсюду прескъ и громы внемлю,
 Глушащи скрежетъ, стонъ и вой.

Пируетъ Смерть, и ужасъ мещетъ
 Во градъ, и въ доли, и въ лѣса!
 Тамъ дѣва юная препенетъ;
 Тамъ спарецъ сморитъ въ небеса
 И къ хладну сердцу выю клонитъ;
 Тамъ пушника страхъ въ дебри гонитъ;
 И ты, о пруженикъ свяшой!
 Живымъ погребшійся въ могилъ,
 Еще вспомнилъ міръ земной
 При блѣдномъ днѣ твоихъ свѣтилъ,
 Вспомнилъ горестъ, и слезой
 Ланишу блѣдну орошаешь,
 И къ Богу, сущему съ тобой,
 Дрожащи руки простираешь!

Трикрашы день възсіявалъ,
 Трикрашы ночь его смѣняла,
 Но бой еще не преснавалъ

И Смерть руки не упомляла ;
 Еще Пожарскій мечетъ громъ ;
 Вездѣ летаетъ онъ орломъ —
 Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
 Ударъ ударомъ умножаетъ,
 Колебля мощь Липовскихъ силъ;
 Сторукій исполинъ прясется —
 Падетъ — издохъ! и вопль несется:
 „Ура! Пожарскій побѣдилъ!“
 И въ градъ отдалось стократно:
 „Ура! Москву Пожарскій спасъ!“

О утро памятно, пріятно!
 О вѣчно-незабвенный часъ!
 Кто дастъ мнѣ кисть живошворящу,
 Да радость напишу горящу
 У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ;
 Да яркой изражу чертою
 Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
 На кровахъ, — и съ высотъ къ Герою
 Вѣнки лепящи на главу;
 Сигклилъ, побѣдну пѣснь поющій,
 Съ Хоругви въ сѣшенъе идущій,
 И въ пальмахъ свѣтлую Москву! . . .

Но гдѣ Герой? Куда сокрылся?
 Гдѣ сонмъ и Князей и Бояръ?
 Ошеуда звучный кликъ пустился?
 Не Царство ль онъ пріемлетъ въ даръ? —
 О! что я вижу? Побѣдитель,
 Москвы, Ошечества спаситель,

Забывши дрезнось, подвигъ дѣя,
 И вокругъ его гремящу славу,
 Вручаешь юношѣ державу,
 Предъ нимъ колѣно преклоня!
 „Ты кровь Царей! вѣщалъ Пожарскій:
 Опецъ твой въ узахъ у враговъ;
 Прими вѣнецъ и скипетръ Царскій;
 Будь Русскихъ радость и покровъ!“

А ты, Герой, пребудешь вѣки
 Ихъ честью, славой, образцомъ!
 Гдѣ горы небо пруть челомъ,
 Тамъ шумныя помчашся рѣки;
 Изъ блатъ дремучій выйдетъ лѣсъ;
 Въ снѣгахъ возникнутъ верхограды;
 Родятся и исчезнутъ грады;
 Намъ новаго тѣмъ чудесъ
 Оширитъ взору изумленну;
 Осѣбитъ новый лучъ вселенну:
 И воинъ, отъ твоей крови,
 Тебя вспомнитъ, возгордится,
 И паче, паче утвердится
 Въ прямой и Ошечеству любви!

К ъ В О Л Г ъ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рѣкѣ, озерѣ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости! . . . Но прежде удоспой
Склонишь свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой!

Исполнены мои обѣщанья;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣтны,
Когда я руки простиралъ
Къ тебѣ изъ отческія кущи,
Взирая на суда бѣгущи
На быспрыхѣ, бѣлыхъ парусахъ!
Свершилось, и блажу Судьбину!
Великолѣпну зрѣлъ картину! —
И я былъ на твоихъ волнахъ!

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
 То ревомъ бури и валовъ
 Подъ черной тучей оглушаемъ
 И опывомъ твоихъ береговъ,
 Я плылъ, скакалъ, летѣлъ спрѣлою —
 Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
 И спрашивалъ: который вѣкъ
 Заспалъ ихъ въ молодости сущихъ?
 Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
 И дикихъ пустыней я текъ.

Тамъ веси, нивы благодатны,
 Спада и кущи рыбаей,
 Цвѣты и травы ароматны,
 Растущи средь твоихъ зыбей,
 Влекли попеременно взоры;
 А тамъ Сирень пернатыхъ хоры,
 Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
 Проспранство пѣньемъ оглашали —
 И два Сайгака имъ внимали
 Съ крутыхъ стремнинъ, не шевелясь.

Тамъ кормчій, руку простирая
 Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
 Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
 „Здѣсь Разиновъ былъ, други, спанъ!“
 Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
 Холодный потъ по немъ разлился,
 И перстъ на воздухъ дрожалъ.
 А твой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
 На крыліяхъ воображенья,
 Въ прошекшихъ временахъ лешалъ.

Леталъ, и будто сквозь шумана
 Я видѣлъ твоей веселый токъ
 Подъ рашью Грозна Іоанна,
 И видѣлъ Астрахани рокъ.
 Вопще Ордынцы безотрады
 Бѣгутъ на холмы виноградны,
 И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
 Безстрашный Россъ на брегъ спускаетъ —
 И гордо Царство улаждаетъ
 Со шрепешомъ къ его стопамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдова
 Пророческій, громовый гласъ:
 „Спрашишесь, Персы, рока злова!
 Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
 Его и Югъ и Нордъ шрепещетъ;
 Онъ тысячами перуны мечетъ,
 Запмилъ Луну и Льва сразилъ! . . .
 Внемлите шумъ: се Волжски волны
 Несутъ его, гордыни полны!
 Увы, Дербеншъ! . . . Идетъ Царь силъ!“

Прорекъ — и хлынули рѣками
 У бога воды изъ отесъ;
 Вдругъ море вздулось бутрами,
 И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
 О какъ ты, Волга, ликовала!
 Съ какимъ восторгомъ поднимала
 Побѣдоноснаго Царя!
 Въ сию минушу предъ тобою
 Казался малою рѣкою
 И Бѣлъ, и Каспій, всѣ моря!

Но менѣ ль ты знаменита
 Въ благодѣлїяхъ своихъ!
 Почто безсиліе Пїиша
 Начатый прерываетъ стихъ!
 О естлибѣ вдохновенъ былъ Фебомъ,
 Ты бѣ первою рѣкой подъ небомъ,
 Знапѣйшей Гангеса была!
 Ты бѣ славою своею зашмила
 Величіе Эфраїма, Нила,
 И всю вселенну прошекла.

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Уныль внезапно лавръ зеленый,
Уныль, и долу преклоненъ!
Возспани, свыше вдохновенный,
Возспани, Бардъ, сынъ всѣхъ временъ!
Бери' обвиншу крепомъ лиру;
Гласи на ней, повѣдай міру
Печаль чувствительныхъ сердецъ,
Спои войновъ непобѣдимыхъ,
Въ слезахъ днесъ на трофеяхъ зримыхъ;
Гласи . . . Пошемкина конецъ!

О коль ужасную картину
Печальный Геній мѣ открылъ!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крылъ
Ни здѣсь, ни шамъ любимца Флоры;
Все шомно, что ни вспрѣпятъ зоры!
Поникнулъ знакъ, ручей молчитъ,
И шомъ, кого весь Югъ спрашится,
Увы! простершъ на холмъ зрится,
Простершъ, главу склоня на щипъ!

Герой геройски умираетъ
 Въ виду поправныхъ имъ градовъ,
 И духъ свой Небу возвращаетъ
 Среди ратниковъ, своихъ сыновъ!
 Почилъ, и вопль вокругъ раздался,
 И шумный гласъ молвы помчался
 Вливать въ сердца печаль и страхъ!
 Синилъ (1), Бендеры изумленны,
 Героевъ слыша вопль плачевный
 Въ поверженныхъ ошъ нихъ стѣнахъ;

Очаковъ, гордый и подъ прахомъ,
 Чудишся, и сомнѣнья полнъ,
 Чтѣбъ шѣбъ, кшо былъ дракону страхомъ
 Въ шепяхъ, вершепахъ, среди волнъ,
 Кшо рану далъ ему глубоку,
 Былъ общему подвластенъ року!
 И черный Поншъ, надувъ хребетъ,
 Валишъ, реветъ во слухъ Селиму,
 Объяшу думой, нерѣшиму:
 „Воспрянь! уже Перуна нѣшъ!“ . . .

Но чѣи шамъ слышу томны лиры
 Съ Днепровыхъ зланныхъ береговъ?
 Чей сладкій гласъ несутъ Зефиры?
 То гласъ не смертныхъ, но Боговъ!
 То вопіють Херсонски Музы:
 „Увы! разшорглись наши узы,

---

(1) Древнее названіе Измаила.

Любезный Князь, на вѣкъ съ тобой!
 Давноль бесѣдовалъ ты съ нами
 И лиру изпещрялъ цвѣтами (1),
 Готовясь въ кровопитный бой?

„Давноль Херсонъ, тобой украшенъ,
 Цвѣтушъ на брегѣ быспрыхъ водъ,
 Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
 На швой со славою приходъ?
 Давноль тебя мы здѣсь встрѣчали
 И пушь швой лавромъ устилали?
 Давноль?“ . . . и болѣ не могли;
 Изъ рукъ цѣвницы покапились,
 Главы къ колѣнамъ ихъ склонились,
 Власы упали до земли.

Гдѣ, гдѣ не плачутъ и не спонутъ
 Во мзду Иракловыхъ заслугъ?
 Въ слезахъ тамъ родственники жонутъ;
 Тамъ одолженныхъ спраждетъ духъ;
 Тамъ, подъ соломеннымъ покровомъ,
 Зрю воина въ вѣнкѣ лавровомъ
 Среди родимыя семьи;
 Онъ жадно-внемлющей супругѣ
 Рассказываетъ: „какъ на Югѣ
 Князь подвиги шворилъ свои;“

---

(1) Кн. Пошешкинъ подъ спѣнами Очакова писалъ, сказывающъ, Спихи, и переводилъ Церковную Исторію Абаба Флѣри.

„Какъ въ полѣ бился съ сопѣстатомъ,
 Какъ во стѣнахъ его каралъ,
 Какъ кончилъ жизнь“. . . Тупѣ бѣлымъ плащомъ
 Текущи слезы уширалъ.
 Слеза безцѣнная, священна,
 Изъ сердца чиста извлеченна! —
 О Витій! что твоя хвала!
 Но сеюль жершвою одною
 Воздашь, Россія, днесь Герою,
 Которымъ славима была?

Нѣтъ! сынъ твой вѣчно будетъ громокъ!
 Пошемкина Геройскій ликъ
 Увидишь поздній твоей попомокъ,
 И возгласитъ: „Онъ былъ Великъ!“
 И вольный Грекъ, забывъ желѣзы,
 Прольетъ предъ нимъ сердечны слезы;
 И самый Туркъ, нахмуря взоръ,
 Сынамъ своимъ его покажетъ —
 „Се бичъ нашъ былъ!“ вздохнувъ онъ скажетъ —
 И Музъ его прославитъ хоръ.

ГЛАСЪ ПАТРІОТА

на взятіе Варшавы.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
Смутившіе Аспреи дни?
Спремглавъ низвержены, попраны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла, . . . и гдѣ они?
Воли, союзница лукава,
Опнынѣ сшавшая рабой:
„Изчезла *Собіесковъ* слава!“
Ходи съ псникшею главой;
Шатайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ спѣвъ,
Въ шерзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И зѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

А Ты, гремѣвшая со шрона,
Любимица самихъ Боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтѣ Своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернашы,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрышы пылью лапы,
На коихъ кровь еще видна!

Воззри : се идутъ въ ратномъ строѣ !
 Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ !
 Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ ?
 Не всякъ ли рока властелинъ ?
 Они къ спонамъ Твоимъ бросающъ
 Лавровы, свѣжіе вѣнки ;
 „Твои они, Твои ! вѣщающъ :
 Съ Тобой намъ рвы не глубоки ;
 Съ Тобою низки страшны горы !
 Скажи, скажи, о Матерь ! намъ,
 Склоня величественны взоры :
 Куда еще летѣтъ орламъ ?“ —

Куда летѣтъ ? Къто днесъ возстанетъ,
 Всей Польши зря ужасну часть ?
 Твой громъ вошше нигдѣ не грянетъ :
 Страшна Твоя, Царица, власть !
 Страшна Твоя и прозорливость
 Врагу, злодѣю Твоему !
 Вездѣ найдетъ его строптивость
 Препонѣ неодолимыхъ пѣму ;
 Вездѣ обрящуща преграды :
 Твои, какъ мѣдною стѣной,
 Бойницами прикрыты грады,
 И каждый въ оныхъ стражъ герой ;
 Предѣлы царствъ Твоихъ щитами,
 А седьмь, рабынь Твоихъ, морей
 Покрыты быстрыми судами,
 И жезлъ судьбы въ рукѣ Твоей !
 Речешь — и двинется полсвѣта,
 Различный образъ и языкъ :

Тавридець , чшипель Магомета ,
Поклонникъ идоловъ , Калмыкъ ,
Башкирець съ мѣшками спирѣлами ,
Съ булашной саблею Черкесъ ,
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами
И прахъ-поднимутъ до небесъ !
Твой Россѣ весь міръ дрожатъ заспавишъ ;
Наполнишь громомъ чудныхъ дѣлъ ,
И шамъ столпы свои поспавишъ ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ !

СТИХИ

на Высокомонаршую милость, оказанную
Императоромъ Павломъ Первымъ
полкомству Ломоносова.

О радость! дайше, дайше лиру!
Я вижу Пинда Божество!
Да возебщу въ восшоргѣ міру
Славянской Музы торжество,
И новый блескъ Монаршей славы!
Талантамъ возвратились правы:
Герой, Вельможа, Судія!
Не презирайте днесъ Пѣвцами:
Самъ Павелъ ихъ равняетъ съ вами,
Щедры лучъ и къ нимъ лія.

Се гласъ Его, гласъ благотворный,
Несется до морскихъ валовъ,
При коихъ, жребію покорный,
Кидаетъ мрежи рыболовъ;
„Возвысь чело! ему вѣщаетъ:
Царь его съ плечъ своихъ снимаетъ;
Твой предокъ Ломоносовъ былъ!“ —
О Павелъ! Ты единымъ словомъ,
Не потрясая міра громомъ,
Себя къ бессмертнымъ приобщилъ.

Падутъ надмѣнны пирамиды
Съ размаху Кроновой руки ;
Сотрутся обелисковъ виды ;
Изчезнутъ Ксерксовы полки
И Царства , ими покоренны :
Но дарованіа неплѣнны !
Въ потомствѣ Сѣверный Орфей ,
Вшорый возникнетъ Ломоносовъ , —
И поздный родъ узнаетъ Россю
О благости души Твоей.

П Ъ С Н Ъ

на день коронованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА, Государя Императора
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

П о э т ъ.

И я, питомецъ Аполлоновъ,
Не умолчу въ сей важный часъ!
Судьба рѣшится милліоновъ;
Взоръ міра обращенъ на насъ
И; свыше Громовержецъ внемлетъ;
Младый Сподвижникъ воспріемлетъ
Обѣтъ, который всѣхъ святей:
Быть спражемъ и опцемъ Полсвѣта! —
Утѣшь насъ радугой завѣта,
О Богъ судебъ! о Царь Царей!

Х о р ъ.

Даруй Твой судъ Царю младому,
Да будешь другомъ правды Онъ;
Любезенъ добрымъ, грозенъ злему,
Дальнѣйшаго услышитъ стонъ;
Народовъ разныхъ Повелитель,
Да будешь Гений-просвѣтитель,

Краса и честь Своимъ странамъ!
 Да будутъ дни Его правленія
 Для Россіи днями прославленія
 И преданы ошъ нихъ вѣкамъ!

П о э т ъ.

МОНАРХЪ! подъ сими небесами,
 На семъ же мѣстѣ Іоаннъ
 Пріѣхъ геройскими руками
 Вѣнецъ, которымъ Ты вѣчанъ.
 Благоговѣй къ Своей порфирѣ:
 Ее носилъ Великій въ мірѣ,
 Самъ Пётръ на мочныхъ раменахъ!
 Благоговѣй предъ сей державой:
 Она горитъ, блистаетъ славой
 Премудрыя, одной въ женахъ!

Х о р ъ.

Да низпошлетъ Безсмертна Внуку
 Свой даръ сердцами обладать;
 Да укрѣпитъ Монаршу руку
 Кормиломъ Царства управлять!
 О вѣшъ, о кровь Екатерины!
 При Ней корабль нашъ (1) чрезъ пучины
 Ошважно къ счастью летѣлъ;
 При Ней Россіянинъ, сынъ славы,
 Вселенной подавалъ уставы
 И жребіемъ ея владѣлъ.

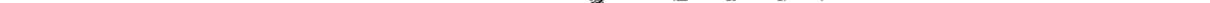
(1) Корабль правленія.

П о э м а.

Не измѣнимся и съ Тобою :
 Тебѣ душа Ея дана !
 Я вижу , вижу предъ собою ,
 МОНАРХЪ ! грядущи времена :
 Россія въ силѣ возрастаетъ
 Иobeliski воздвигаетъ
 Во мзду заслугъ своихъ сыновъ ;
 Гремятъ въ ней Пиндары , Платоны —
 О дни златые ! . . . Миліоны ,
 Несите сердце емѣсто словъ !

Х о р ь.

Гряди на тронъ Россіи съ Богомъ ,
 Гряди , Ошечества Ошецъ !
 Будь счастья нашего залогомъ
 И утѣшеніемъ сердецъ !
 Цари всемоchnы и священны :
 Хотятъ — и смертныя блаженны ,
 И на земли вкушаютъ рай ! —
 Имъ Небо власть свою вручило :
 Входи , о новое Свѣтило !
 И благостью въ вѣкахъ сіяй .

Парю душой къ Тебѣ , Всечтимый ,
 Превѣчно Слово , Трисвятый !
 Блажу Тебя , Непоспѣжимый ,
 Всемо́щный , Безначальный , Сый !
 Блажу , и сердцемъ восхищаюсь ,
 Зря шмы , куда ни обращаюсь ,
 Въ швореніи Твоемъ чудесъ !
 Великъ равно Ты въ насѣ́комомъ ,
 Какъ въ буряхъ , къ намъ ревущихъ съ громомъ
 Съ недосыгаемыхъ небесъ !

Гдѣ пукшѣ начатія Вселенны ?
 Что въ солнцѣ огонь питаетѣ Твоей ?
 Чѣмъ звѣзды въ шверди ушвержденны ,
 И что вращаетѣ шарѣ земной ?
 Откуда сонмы водѣ пустились
 И вокругъ земли совокупились
 Въ неизмѣримый Океанѣ ?
 Что внѣ его , что внѣ эфира ?
 Кто въ тайнахъ сихъ , о Творче міра ,
 Участникомъ Твоимъ избранъ ?

Никто, никто въ Твоемъ свѣтѣ!

Непроницаемъ Твой покровъ!

Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ,

Надъ міриадами міровъ,

Ты взоромъ солнца возжигашь,

Ты маніемъ міры вращаешь,

Ты духомъ Ангеловъ шворишь,

И словомъ, мыслію одною —

Сію пылинку предъ Тобою —

Громаду Свѣша изтребишь!

РАЗМЫШЛЕНІЕ

по случаю грома.

Гремишь! . . . благоговѣй, сынъ персти!
Се *Ветхій деньми* съ небеси
Изъ крошкой, благотворной длани
Перуны сбѣшь по зѣмли! —
Всесильный, съ шрепешомъ младенца,
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И . . . исчезаю предъ Тобой!

Что человекъ! парилъ ли къ солнцу,
Смирено ль идешь по земли:
Увы! шамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанъ жизни
Пловецъ, на ушлой ладѣ,
Опдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ, и мчится на скалу.

Ты дхнешь — и двигнешь Океаны!
Речешь — и всплывъ они текутъ!
А мы! . . . Одной волной подвѣшны,
Одной волной поглощены!

Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучь блѣдный утренней зари.

ПРЕЛОЖЕНІЕ 49 ПСАЛМА.

Кшо въ блескахъ молніи низходишь,
Колеблешь гласомъ горъ сердца,
И взоромъ въ трепещъ все приводишь?
Природы ль вижу я Творца? —
Онъ! Онъ! се мечъ въ десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчныя вѣсы;
Се къ вамъ, народы, Онъ вѣщаетъ — —
О страхъ! о грозные часы!

„Не мни, гласишь, о родъ спропшивый
Загладить жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изречь на смертныхъ всѣхъ!
Что Мнѣ до вашихъ всесожженій,
До вашихъ жертвъ и шучныхъ спадъ?
Богъ пьетъ ли кровь своихъ твореній?
Безсмертный чувствуешь ли гладъ?

„Я всю Вселенную обѣмлю
И въ длани жизнь ея ношу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
Хочу — и солнце погашу!
Пожри же Мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ успѣхъ хвалою
Да будешь славимъ Богъ боговъ!

„Но да прильпнешъ языкъ къ горшани
 Твоей, о грѣшный человѣкъ!
 Не просирай ко Мнѣ ты длани
 И не блажи Меня во вѣкъ!
 Тебѣ ли Бога пѣснословишь,
 Коль духомъ не живешь о Немъ,
 Коль адъ спѣшишь себѣ гошловишь
 Въ порочномъ жишii швоемъ?

„Изъ устѣ твоихъ печешъ адъ лесни
 И злоба ухищренныхъ змѣй;
 Ты брашу ковъ шворишь изъ мести,
 Корысти раздѣлялъ шапей.
 О лицемѣры! вѣчно ль стану
 Я громъ удерживать въ рукахъ?
 Возпрепещише! гряну, гряну,
 И уничтожу яко прахъ!“

КЪ ГАВРІЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ (1).

Бардъ безвѣстный! тебя ль не узнаю?
Орлѣ издавна знакомъ мнѣ полетѣ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суешѣ.

Тщепно Поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ;
Тщепно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой Геній
Близъ свѣшлыхъ ручьевъ.

Тамо вспрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
Рдяныхъ Сатириковъ (2) и Вакховыхъ жрицъ,
Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ оплывъ
Вкругъ древнихъ гробницъ.

---

(1) Это былъ оповѣстѣ на Спихи, присланные въ Ест-
никъ Европы. Почтенный Авторъ ихъ, неподписавшій
своего имени, думалъ, что я въ деревнѣ, и пенялъ
мнѣ за мою лѣность.

(2) Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки, которые во все
лѣто промышляютъ въ Марьиной рошѣ пѣснями и пля-
скою. Для тѣхъ, кои не жили въ Москвѣ, можно при-
бавить, что въ этой рошѣ было кладбище для ино-
странныхъ; теперь же надгробные камни служатъ гу-
ляющимъ вмѣсто сѣнцовъ и стульевъ.

Гулѣ ихѣ Эвое (1) несется вдоль рѣчи,
 Тонитѣ пернашыхѣ скриваться въ кустахѣ;
 Даже далече наводитѣ средѣ нощи
 На пушника спрахѣ.

О Пѣнопѣвецѣ! одинѣ ты способенѣ
 Пѣшь, и подѣ шумомѣ сердишыхѣ валовѣ,
 Какѣ и при нивѣ — себѣ лишь подобенѣ —
 Языкомѣ Боговѣ!

---

(1) Эвое, или Эванѣ, былѣ употребительной припѣвѣ Бакханокѣ, при отправленіи ихѣ Оргій. Это примѣчаніе для дѣтей, незнающихѣ еще Мифологіи.

ПОДРАЖАНІЯ ГОРАЦІЮ.

ОДА VII ИЗЪ КНИГИ XIII.

Пловецѣ, годѣ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды ему свѣщившей,
Покоя проситѣ у Боговъ.
Къ покою просшираютѣ длани
И Мидіи роскошный сынѣ,
И мужественный витязѣ въ брани
Проспранныхъ Фракіи долинѣ.

При старости и жизни въ цѣлѣ
Всегда въ оспраду намѣ покой,
Непокупаемый на свѣтѣ
Ниже и пурпура цѣной!
Не рѣдко грусть и сильныхъ гложетѣ
Въ ихъ позлащенныхъ теремахъ;
И ревность Ликторовѣ не можетѣ
Ошгнать ошъ нихъ заботы спрахъ.

Но кто же болѣе проводитъ
 Въ покоѣ кругъ лепящихъ дней ?
 Кто щастіе свое находишь
 Среди семейства и друзей ;
 Приютной хижиной доволенъ,
 Наслѣдствомъ скромнымъ отъ отца ;
 Въ желаньяхъ строгъ, въ дѣяньяхъ воленъ,
 И безъ боязни ждешь конца ;

Чуждъ зависти, любостыжанья,
 Днемъ веселъ, въ ночь покойно спишь !
 Почто намъ лишнія желанья,
 Коль смерть внезапно насъ разишь ?
 Почто отъ приспани пускаешься
 Во тревоженный Океанъ,
 Бездомнымъ сиротой скинешься
 Подъ небосклономъ чуждыхъ спранъ ?

Мать-родину свою покинешь,
 Но отъ себя не убѣжишь :
 Сердечной власти не опринешь,
 Ни чѣмъ ее не заслужишь !
 Ни день, ни часъ не въ нашей волѣ ;
 Щастливцевъ совершенныхъ нѣтъ :
 Такъ будемъ же въ смиренной долѣ
 Сносишь равно и мракъ и свѣтъ.

Ахиллъ шоль рано жизнь оставишь,
 Тишанъ два вѣка будешь жишь ;
 Кто знаешь, чью изъ насъ прибавишь,
 Иль укоротишь Парка нишь ?

На пажитяхъ твоихъ красивыхъ
 Пестрѣетъ стадомъ каждый лугъ,
 И ржаніе коней спроптивыхъ
 Разноситъ гулъ далече вокругъ.

Тебя богатство, знатность рода
 Въ червлену ризу облекли;
 А мнѣ фортуна и природа
 Послали въ даръ клочокъ земли;
 Таланта искру къ пѣснопѣнью
 На ладъ любимыхъ мной творцовъ,
 И равнодушіе къ сужденью
 Толпы Зоиловъ и глупцовъ.

О Д А Ш ИЗЪ І КНИГИ.

Лети, корабль, въ свой путь съ Виргиліемъ моимъ!
Да сохранятъ тебя свѣшиллы благошворны:
И Поллуксъ и Касторъ, и шотъ, кому покорны
Всѣ вѣтры на водахъ; и та, кошору чтимъ
Богиней красоты, всѣхъ радостей душою!
Лети! и принеси безвредно по волнамъ
Ты друга моего къ Апшическимъ брегамъ:
Дражайшу часть меня я оппустилъ съ тобою!

Конечно твердою, дубовою корой,
Тройнымъ булатомъ грудь была вооруженна
Того, въ комъ перва мысль родилась дерзновенна:
Невѣрной поручать стихіи жребій свой!
Ни дожденосныя, зловѣщія Гіады,
Ни Африканскій вѣтръ, ни бурный Аквилонъ,
Ни Нотъ, незнающій пощады,
Не сдѣлали ему препонъ —
И что они! какой родъ смерти былъ ужасенъ
Тому, чей смѣлый взоръ былъ неподвиженъ, ясенъ,
Когда зіяла хлябь, горой вздымался валъ,
Изъ волнъ чудовища скакали,
И стрѣлы молній обвивали
Верхи Эпирскихъ грозныхъ скалъ?

Сонъ сладкій только данъ орашамъ въ опраду ;
 Онъ любитъ ихъ смиренный кровъ ,
 Тѣнистой рощицы прохладу ,
 Цвѣты и злакъ долинъ , журчанье ручейковъ .

Пусть грозный Океанъ клокочетъ подъ валами ;
 Пусть буря черными крылами
 При блескѣ молній возшумитъ :
 Мудрецъ на брань сшихъ спокойно съ берега зритъ .

Одинъ громадами стѣсняетъ рыбъ и давитъ ,
 Казною пропасши бушитъ ,
 И на зыбяхъ чертоги спавитъ —
 Но гдѣ онъ отъ заботъ , печали будешь скрытъ ?

Безумецъ , ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно :
 Тиранъ швой сердца въ глубинѣ ;
 Она съ тобою повсечасно

Летитъ на корабль и скачетъ на конѣ .

Чтожь пурпуръ , ароматъ и мраморы Фригійски ?
 Къ чему Фалерское вино ?

Почто возносишь мнѣobeliski ,
 Когда спокойствія намъ съ ними не дано ?

Нѣтъ ! злату не бываешь души моей кумиромъ ;
 Мои желанья : скромно жить ,

Не съ зависью — съ сердечнымъ миромъ ,
 И счастье въ уголку Сабинскомъ находишь .

О Д А І ИЗЪ ІІ КНИГИ.

Служитель Музъ, хошу я истинны воспѣшь
Въ стихахъ — неслыханны до нынѣ:

Фебъ движетъ — прочь, враги Святынѣ!

А вы, о юноши! . . . внимать, благоговѣть!

Царямъ подвластенъ міръ, Цари подвластны Богу,

Тому, Кто съ облачныхъ высотъ

Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу;

Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Владѣй по всей земли ты рудами златыми;

А ты народовъ будь опцомъ;

Хвались ты предками своими,

А вы талантами, геройствомъ и умомъ —

Умрете всѣ! законъ Судьбины не преложенъ:

Ктобъ ни былъ — малъ, или великъ,

Предъ смертью всякъ равно ничтоженъ;

Въ сосудъ роковымъ ибшъ жребіямъ опликъ!

За Царскою ль себя трапезой насыщашъ,

Пернашымъ внемлетъли весной,

Ко сну ль главу на пухъ склоняешъ:

Злодѣй всегда зрѣшъ мечъ висящій надъ собой.

С М Ъ С Ъ.

Ужь прямо самая шоржешивенная Ода!
 Я не могу сказать, какого это рода;
 Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
 Судитежь, сколько штукъ хорошихъ есть стиховъ!
 Къ томужь, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступ-
 пление,
 Тутъ предложенье, а тамъ и заключенье —
 Точь въ почъ, какъ говорятъ учены по церквамъ!
 Со всѣмъ шѣмъ нѣтъ чищать охоты, вижу самъ.
 Возьму ли, на примѣръ, я Оды на побѣды,
 Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
 Всѣ штукъ подробности сраженья нахожу,
 Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
 Въ стихахъ реляція! прекрасно! ... а зѣваю!
 Я бросивши ее, другую разкрываю,
 На праздникъ, иль на что подобное тому:
 Тутъ найдешь то, чего бѣ нехитрому уму
 Не выдумаешь и въбѣ: *зари багряны персты,*
И райскій кринъ, и Фебъ и небеса отверсты!
 Такъ громко, высоко! ... а нѣтъ, не веселишь,
 И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелишь!“ —

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной про-
 споною

Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною;
 Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
 Которыхъ дѣйствию дивился онъ стиховъ,
 Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
 Но, къ счастью — ежели назвать то счастьемъ
 можно,

САТИРЫ.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

„Что за диковинка? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напратши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все Оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ!
Уже ли выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь! . . . вчера случилось мнѣ слышать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ . . . нечего читать!
Листочикъ, много три, а любо какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы лещаешь!
Судя по крапкостямъ, увѣрсилъ, что они
Писали ихъ рѣзвась, а не чешыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ щастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилѣжнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то все забавы прочь!
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ опвагу,
Что цѣлой годъ сидитъ надъ Одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!

Изътомъ опятьъ домой : здѣсь холься да рядись ,
А шамъ въ спектакль , и такъ со днемъ опятьъ
прощись !

„Къ томужь , у древнихъ цѣль была , у насъ
другая :

Горацій , на примѣрѣ , восторгомъ грудь пишалъ ,
Чего желалъ ? О ! онъ — онъ бралъ не съ высока ,
Въ вѣкахъ безсмертія , а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ , иль изъ миртъ , чѣмъ Делія сказала :
Онъ славенъ , чрезъ него и я безсмертна стала !
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ ,
Не рѣдко сто рублей , иль дружество съ Князькомъ ,
Который отъ роду не чинывалъ друга ,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова ;
Иль похвала своихъ пріятелей , а имъ
Печатный всякой листъ бытъ кажется святымъ .
Судяжь , сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды ,
Навѣрно лзя сказать , не дѣлая обиды
Решивымъ господамъ , питомцамъ Русскихъ Музъ ,
Что долженъ бытъ у нихъ и особый вкусъ ,
И въ сочиненіи Лирической Поэмы
Другіе способы , особые приемы ;
Какіе же они , сказать вамъ не могу ,
А только объявлю — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворишель ,
Котораго трудовъ *Меркурій* нашъ и *Зритель* (1)
И книжный магазинъ и лавочки полны :
„Мы съ приемами на свѣтъ , онъ мыслилъ , рождены ;

---

(1) П. Б. Журналы.

Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

„На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю:
Я самъ языкъ боговъ, Поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшеніе также мало;
Однакожь здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — Лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ спражъ — народъ всё нужный, должно-
стиной;

Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни ризѣ лишь прибрать едва
успѣешь,

За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣешь.
Лишь только мысль къ нему щастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ,
Пора въ театръ, а шамъ на балъ, а шамъ къ
Ліону (1),

А шумъ и ночь . . . . когдажь забхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроешь — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ . . . . куда же? Въ
модный свѣтъ,

Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю;
До Оды ль шумъ? Тверди, скажи два раза къ Кролю (2);

---

(1) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ Маскерадовъ.

(2) Петербургской першмой.

„Где ловко что-то всё. — Да просто напишу :
 „Ликуй Герой! ликуй! Герой ты! возглашу :
 „Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
 Скажу: кто заѣсу мнѣ вѣчности разторгъ?
 „Я сижу молній блескъ! Я слышу съгорня, вѣти
 „И то, и то... А шамъ?... Известно: много лѣтъ?
 „Брависсимо! и плакъ и мысли, всё ужь есть!
 „Да здравствуетъ Поэтъ! осталось пристѣсть,
 „Да только написать, да и печатать смѣло!“ —
 Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
 И Оду ужь его шисненью предають,
 И въ Одѣ ужь его намъ ваксу продають.
 Въспѣ какъ пиндариа онѣ, и всё ему подобны,
 Едва ли вывѣски надписывать способны!
 Желалъ бы, чтобы Фебъ хоща во снѣ имѣ рекъ :
 „Кто въ громкой славою Екатерининѣ вѣкъ
 Хвалой ему сердецъ другихъ не косищаетъ,
 И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
 Тотъ брось ее, разбей, и знай: онѣ не Поэтъ!“ —

Да вѣдаетъ же всякъ по Одамъ мой клеветѣ,
 Какъ дерзоспный языкъ безславилъ насъ, ничто-
 жилъ,
 Какъ Лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
 Товарищи, къ сѣлоу, за перья! Опомшимъ,
 Надуемся, напрумъ, ударимъ, поразимъ!
 Напишемъ на него предлинную Саширу,
 И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

Такъ не смѣшно ли намъ Поэтамъ согласиться
 На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѣенъ, забишься,
 Чишать да думать всё, и то, что вздумалъ самъ,
 Рассказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
 Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
 Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
 Науки будущъ всё науки, а не даръ;
 Потребный же запасъ: отвага, ризмы, жаръ.“ —
 И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный Оду:
 Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
 Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
 Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
 Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *Ода!*
 Потомъ, въ одинъ присѣсъ: *такого дня и года!*
 „Тутъ какъ? . . . Пою! . . . Иль нѣтъ, ужь это
 старица!
 „Не лучше: *даждь мнѣ, Фебъ?* . . . Иль такъ:
 не ты одна
 „Попала подъ пята, о чалмоносца Порта?
 „Но что же мнѣ прибравъ къ ней въ ризму, кромѣ
 чорна?
 „Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
 „И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.“ —
 Пошелъ, и на пуши такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
 „Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
 „Что хочешь, то мѣли! Вотъ штука, какъ хвалишь
 „Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнишь?
 „Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ
 Орловымъ?
 „Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ но-
 вымъ —

Возможно ль Фабію гордиться только тѣмъ,
 Что предъ Иракловымъ (1) взлелѣянъ олшаремъ,
 И съ жизнью получилъ названье Альборога,
 Когда сей правнучекъ законный полубога
 Честолюбивъ и гордъ лишь славой праотца,
 А самъ вяле, чѣмъ Падуйская овца?
 Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславишъ,
 Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давишъ,
 Коль тѣни самыя дрожащъ Героевъ сихъ
 Съ досады, видя ликъ его между своихъ?
 Надмѣнный! шиплы, родъ... пусное превосходство!
 Но духъ, великій духъ — вотъ наше благородство!

Будь Кассій, Павелъ, Друзъ, но буди по дѣламъ;
 Показывай ихъ духъ, а не поршрешы намъ!
 Когда въ тебѣ ихъ умъ, ихъ дѣльность, добры нравы:
 То, Консулъ ты, иль нѣтъ, достоинъ вѣчной славы;
 Ты знашенъ! и тогда съ Силаномъ на-равни
 Ты честь Опечеству, и милъ, безцѣненъ мнѣ;
 Тогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду (2)!
 Но чшобы, истиннымъ Героямъ я въ обиду,
 Ихъ недосстойное исчадіе почтилъ?
 Не будешъ! я бѣ себя тѣмъ вѣчно посрамилъ.
 Что имя? Развѣ нѣтъ вседневнаго примѣра,
 Что говорятъ, сойдясь съ старухой: вотъ Венера!
 А съ карлой: вотъ Ашланшъ! и кличущъ шигромъ,
 львомъ
 Негоднаго щенка съ обрубленнымъ хвостомъ?
 Рубеллій! шрепещи гордишься предковъ чиномъ:
 Не долго и тебя прозвашъ намъ Камериномъ.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ ЮВЕНАЛОВОЙ САТИРЫ О БЛАГОРОДСТВѢ.

Скажи мнѣ, Понтикиусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами;
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?
Здѣсь Галба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ, въ торжественной Эмилиѣ колесницѣ,
Съ лавровой вѣщей и копьемъ въ десницѣ;
Иль Куріи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ!
Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ иль хлыстикомъ на вѣшкіе портреты,
Которы у тебя копьялися многи лѣты,
Надувшись, говоришь: „смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ Римскихъ войскъ — великій былъ Герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ Дикшаторъ!
А это дѣдушка, вотъ прямо былъ Сенаторъ!“ —
А самъ ты внучекъ что? Герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пирахъ;
А ты ложишься спать тогда, какъ тѣ вставали
И къ бою со врагомъ знамена развивали;

Которыми твои прапрадѣды сіяють,
 Лишь только намъ твою ничтожность озаряють.
 Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
 Онъ зданья огниими столпы, — оно падетъ;
 А скромный плющъ растетъ безъ страха, и не
 гнется,
 Хотя и срубишь вязъ, вокругъ коего онъ вьется.

И такъ желаешь ли уваженъ быть, любимъ?
 Знай долгъ свой: въ брани будь искусенъ и рѣшимъ,
 Въ семействѣ другъ, въ судѣ покровъ, защитникъ
 правыхъ;
 И лжесвидѣтелей, ктобъ ни были, лукавыхъ,
 Забывъ и родъ и санъ и мощь ихъ, обличай;
 За истинну на все безпрепечтно дерзай!
 Хотя бы Фаларидъ, подвигнутъ адскимъ гнѣвомъ,
 Грозилъ тебѣ за то вола разжженнымъ чревомъ:
 Нѣтъ нужды! извергъ тотъ, уродъ, не человекъ,
 Кто думаетъ продлить безчестіемъ свой вѣкъ!
 Пускай для нихъ полетъ свой основанъ время;
 Но жизнь, должайша жизнь безъ чести тяжко бремя!
 Такъ жизни ль жертвовать, симъ нѣсколькимъ
 часамъ,
 Тѣмъ самымъ, для чего и жизнь любезна намъ?
 Рубелій! тотъ ужь меривъ, кто казни спалъ
 достоинъ,
 Хотя онъ и по днесъ надъ устрицами воиновъ,
 Которыхъ сошнями глошаетъ на пирахъ;
 Хотя всякой день еще купаешься въ водахъ,
 Настоенныхъ цвѣтковъ и амбры ароматомъ.

Ты столь возносишься порокою своею,
 Какъ будто самъ и блескъ и знашность придалъ ей.
 Я родъ мой, говоришь, съ Цекропа начинаю;
 А ты изъ подлости, изъ черни! Уступаю;
 Честь предку пвоему и должная хвала!
 Однакожь эта чернь намъ Витію дала,
 Защишника въ правахъ безграмошна дворянства;
 Однакожь эта чернь, скажу еще безъ чванства,
 Даетъ блюшителимъ законовъ намъ, судей,
 Которы щцаніемъ и тонкостью своею
 Для пользы общества ихъ узлы разрѣшающъ,
 Иль темный оныхъ смыслъ не рѣдко обьясняя;
 И ежели Ефрашъ среди своихъ береговъ
 Мяшешся и дрожишъ отъ имени Орловъ;
 Когда Вселенная покорствуетъ Римлянамъ:
 То шбмъ одолжены мы храбрымъ Плебеянамъ.
 А ты, скажи мнѣ, чемъ Отечеству служилъ,
 И что отъ древняго Цекропа сохранилъ?
 Лишь имя . . . о бѣднякъ! о знашный мой повѣса!
 Ты то же для меня, что испуканъ Гермеса:
 Тотъ мраморный, а ты, къ безславію, живой —
 Вотъ вся и разница у спашуи съ тобой.

Чѣмъ опашчаются живошны, какъ не силой?
 Одинъ конь быстръ, горячъ; другой лѣнивой, хилой;
 Того, который всѣхъ на скачки передишъ,
 Слѣдами сыплешъ огонь и вихремъ пыль крушишъ,
 Мы хвалимъ, бережемъ и ежедневно холимъ;
 А клячу за ничто продашъ на торгъ опшводимъ,
 Хошябъ Гирпинова опродіа была:
 Равно и ты презрѣнъ, коль знашныя дѣла,

Безстыдна Варреса съ Антоніемъ въ суда.
 Несчастнымъ симъ принесъ миръ болѣе вреда,
 Чѣмъ самая война! Но что похитишь нынѣ?
 Заросшія поля, подобныя пустыни,
 Съ десятокъ кобылицъ, иль пары двѣ воловъ . . .
 Быть можешь, пастуха, опеческихъ боговъ,
 Быть можешь, индѣ бюстъ — кумиръ уединенный:
 Добыча бѣдная! но имъ уронъ безцѣнный,
 За тѣмъ, что это ихъ послѣднее добро!
 Грабитель! смѣло грабь и злато и сребро
 Трусливыхъ Родіанъ, Коринѳянъ умощенныхъ —
 Чего боишься ихъ, всѣхъ въ роскошь погруженныхъ?
 Но пощади жнецовъ, питающихъ нашъ градъ,
 Спюлицу праздности, позорищъ и прокладъ!
 Но Галла ты не тронь, Иберіа также бойся;
 И что взяшь въ Африкѣ? О! тамъ, не безпокойся,
 Давно ужъ Марій (3) былъ. Страшись, стра-
 шись привесить
 Въ опчяныя людей, въ которыхъ сердце есть!
 Ты можешь захватить и дома ихъ и селы;
 Но вырвешь ли изъ рукъ ихъ щипъ, ихъ мечъ и
 стрѣлы?
 Булавъ, булавъ еще останется при нихъ.

Но обратимъ къ тебѣ, о Поншикусъ! нашъ
 стихъ.

Когда подвластные въ тебѣ увидятъ друга,
 Отца и судю; когда швоя сукруга
 Не будетъ города и веси обшекать,
 Чшобы, какъ Гарпія, несчастныхъ хлѣбъ снѣдать:
 Тогда хоть Пикусовъ будь внучекъ, я согласенъ;
 Пожалуй выбирай изъ повѣстей и басенъ

Когда же, наконецъ, ты хитростью, иль
 златомъ,
 Иль и заслугами взойдешь на верхъ честей,
 Славъ, на примѣръ, главой обширныхъ областей:
 Не будь, не будь своимъ предмѣстникамъ подобенъ,
 Толикожь, какъ они, мздоименъ, гордъ и злобенъ;
 Не лей союзныхъ кровь, смягчай ихъ горьку часть,
 И въ правосудіи являй свою лишь власть;
 Твори, что гласъ тебѣ законовъ возвѣщаетъ,
 И помни, что Сенатъ въ возмездье обѣщаетъ:
 Оплику, или громъ! Такъ, громъ! которымъ онъ,
 За слезы вдовъ, сиротъ, за ихъ сердечный стонъ,
 Сразилъ Нумитора съ жестокимъ Капитономъ,
 Сихъ алчныхъ кровопійцъ . . . Увы! что пользы въ
 ономъ,
 Коль Панса грабитъ то, что Натта пощадилъ?
 Не долго ты, Керипъ, спокойствіе хранилъ;
 Неси скорби, бѣдникъ, домашніе уборы,
 Весь скарбъ подъ молошокъ, пока не придутъ воры;
 Продай все и молчи, а съ прозьбой не щацись;
 Иль и съ послѣдними ты крохами простишься.
 Хотя и въ старину не болѣе щадили
 Друзей, которыхъ мы мечемъ усыновили;
 Но имъ сноснѣй была опеческая власть;
 Въ то время было что у дѣтокъ и украсъ;
 Дома ихъ красились Мировою работою,
 Сіяли золотомъ еще, не позолотой;
 Гдѣ кисть Парразія, гдѣ Фидія рѣзецъ
 Ославили вѣкамъ въ изящномъ образцѣ,
 А Верресу соблазнъ; такъ! все сіе богатство
 Украдкой перешло — какое символическое! —

Срокъ буйства юныхъ лѣтъ быть долженъ коротокъ,
 Согласенъ я и въ томъ, что слишкомъ томъ
 жестокъ,
 Который молодость ни въ чемъ ужь не прощаетъ;
 Но Консула прѣспитъ? Тоголь, кто посѣщаетъ
 Всѣ подлыя мѣста, какія въ Римѣ есть,
 Тогда, какъ молодость, порода, долгъ и честь
 Зовутъ его на Рейнъ, на берега Дуная,
 Въ Арменію, на Нилъ, гдѣ, лавры пожиная,
 Онъ могъ бы заслужить безсмертія вѣнецъ?
 О Цезарь! гдѣ найдешь вождей ты наконецъ?
 Ищи, ищи ихъ впредь не въ сонмѣ отличенныхъ,
 Не въ Остіи — въ мѣстахъ, разврату посвященныхъ;
 Тамъ, тамъ ты ихъ найдешь въ толпѣ бродягъ,
 рабовъ,
 Между Цибелиныхъ неистовыхъ жрецовъ,
 При бубнахъ на полу простертыхъ и крапящихъ;
 Всякъ пердый, всякой бракъ въ вершинахъ сихъ
 — смердящихъ,
 И все тамъ общее: снопъ, чаша и посселя;
 Забыть самихъ себя, есть главная ихъ цѣль.
 Когдабъ ты, Понтикусъ, узналъ, что твой слу-
 житель,
 Послѣдній самый рабъ, попалъ въ сію обитель,
 Скажи мнѣ, какъ бы съ нимъ за это поступилъ?
 Конечно бы его на долго заключилъ
 Въ Луканію, или въ Тосканскія (5) темницы!
 Чтожь тѣмъ, которые безчестятъ багряницы?
 О вѣкъ! что и бойцу вѣняющъ въ срамъ и стыдъ,
 Тѣмъ могутъ щеголять Воллезіусъ и Брутъ!

Любова въ прадѣды: пусть будетъ онъ Тишанъ,
Хоть самый Промисей — почту швой родъ и санъ.
Но естѣли, ослѣпясь своимъ высокимъ саномъ,
Ты будешь, не судьей, мздоимцемъ и тираномъ;
Когда ты Ликторовъ сбѣкиры прищупишь
И пуки кровію союзныхъ обagriшь —
Тогда швой знашнй родъ прошивъ тебѣ въз-
станешъ,
Онъ первый на тебѣ прокляшнемъ спрашнымъ гря-
нешъ,
И первый мерзосщи, ты коими покрышъ,
Какъ яркій пламенникъ, предъ міромъ озаршъ.
Пресшупникъ чемъ знашнѣй, шѣмъ болѣе онъ виненъ!

Смотри, какъ Дамазипъ и гнусенъ и безчиненъ:
Вдоль мѣста, гдѣ его почіеиъ предковъ прахъ,
Лешитъ на шестеряхъ, имѣя бичъ въ рукахъ!
Смотри, какъ званіемъ возницы онъ гордится!
И кто же? Консулъ самъ! Кто болѣ осрамился?
Конечно въ ночь его не сторожитъ никто;
Но мѣсяцъ съ небеси, но звѣзды видятъ то!
Увидимъ, погоди, и всѣ, коль скоро минетъ
Срокъ Консульству его; тогда онъ тогда скинетъ
И въ блѣдный день во всей предстанетъ слава намъ,
Возжами бѣя коней успалыхъ по бокамъ;
Тогда онъ сплзнетъ самъ ходить уже за ними,
И клясться будешь онъ богами не иными,
Какъ лишь Гипоною (4), висящей на стѣнѣ
Въ конюшнѣ у него! Онъ молодъ, скажутъ мнѣ;
„И мы вѣдь были тоже.“ — Я и не спорю, были!
Но съ первой бородой себя перемѣняли.

Примѣчанія къ Ювеналовой Сатирѣ.

(1) *Что предъ Иракловымъ возлебянь олтареиъ.* Эзандръ въ честь Геркулесу воздвигнулъ храмъ, препоручи снопобѣи надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ отъ сего Полубога.

(2) *Тогда возражуетъ тебѣ, какъ Озириду.* Египтяне обожали Озирида въ образѣ своего Аписа, или вола; когда они его находили, то все кричали въ голосъ: радость! радость! нашли его!

(3) *Давно ужъ Марій былъ и проч.* Сей Марій — не тотъ, который разбилъ Тевтоновъ и Кимвровъ, — былъ Проконсуломъ въ Африкѣ. Сенатъ осудилъ его за грабительство въ ссылку; но область, имъ разоренная, никакого болѣе удовлетворенія не получила; половина изъ похищеннаго у него сокровища описана была въ казну, а другая осталась у Марія, и онъ, будучи въ ссылкѣ, жилъ еще великолѣпнѣе, нежели въ своей Губерніи.

(4) *Гипона, богиня покровительствующая конскимъ заводамъ.*

(5) *Въ Луканію, или въ Тосканскія темницы.* Это были подземелья, называвшіяся у Римлянъ *ergastulae*; почти каждый Римскій владѣлецъ имѣлъ въ помѣстьѣ своемъ подземелье, куда онъ, въ наказаніе, сажалъ своихъ невольниковъ.

(6) *Маркъ Тулліусъ и проч.* Цицеронъ родился въ мѣстечкѣ Арпинумъ. Римляне называли *новичками* всѣхъ тѣхъ, которые вышли въ знатность сами по себѣ, а не по предкамъ.

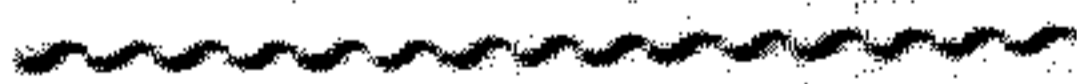
(7) *По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Теренція.* Это былъ безобразный и малодушный Князь, упоминаемый въ Иліадѣ.

Кто родомъ былъ знаменитъ Цезега, Капилины?
 Казалось, не было завиднѣй ихъ судьбины!
 Какой прославленный былъ имѣемъ славъ предковъ славъ!
 Но чтожь? Въ свирѣпости и Галловъ превзошедъ,
 Они оспрягавъ мечи и раздуваютъ пламя,
 Чтобы ночью, развернувъ мятежнически знамя,
 Разрушивъ, сжечь дома и храмы, и весь Римъ!
 Но Консулъ бодрствуетъ, преграды спавивъ имъ;
 Стрежеть ихъ всѣ шаги, согражданъ ободряетъ,
 И, словомъ, не мечемъ республику спасаетъ.
 Ктожь этакъ, кто отвелъ отъ насъ враждеб-
 ный рокъ?

Маркъ Тулліусъ, пришлецъ Арпинской, *новичокъ* (6)!
 Но Римъ его почтилъ не шѣми именами:
 Онъ лавры Августа всегда кропилъ слезами,
 А Туллія ошчемъ опечесива нарекъ.
 Ктожь, *Понтикусъ*, теперь твой знаменитъ че-
 ловѣкъ?

По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Терсита (7),
 Но съ мужествомъ, съ душой Ахилла именища!

IV.

Я разорился снѣ воровѣ!
 „Жалѣю о всемѣ я горѣ!“
 Украли пукѣ моихъ сниховѣ. —
 „Жалѣю я сбѣ ворѣ!“

V.

Увы! Дамонѣ кричишь, мнѣ Нина невѣрна!
 Лукавый полѣ! твой дарѣ лишь только лицебришь!
 Давно ли *мужемѣ* мнѣ своимѣ клялась она? —
 И *мужемѣ*? . . . пожалуй не повѣришь!

VI.

О Бардусѣ! не глуши своимѣ насѣ лирнымѣ зво-
 номѣ (1);
 Молвь прѣсно: *человѣкѣ* . . . смѣсь Бардуса сѣ
 Невшономѣ.

VII.

Хорошѣ бы Фока былѣ, да много говоришь;
 Привыкши Турковѣ бить, снѣ и своихъ моришь.

VIII.

„Онѣ врэлѣ — теперь не врешѣ.“ —
 Вошѣ эпишадѣ, когда Буруиѣ умрешѣ.

---

(1) Авторѣ поэмы на человѣка.

Э П И Г Р А М М Ы.

I.

Мнѣ Лѣкаръ говорилъ: Нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной! —
„Конечно, думалъ я, ни что того не скажетъ!
Смерть всякому языкъ привяжетъ!“

II.

За что Ликаста осуждаютъ,
Что вѣло пишетъ онъ!
Имъ изданъ только Сонъ —
Когда же складны сны бывають?

III.

Завидна, я сказалъ, Терсипова судьбина:
Чинъ знатный, и что годъ, то дочь ему или сына! —
Да! онъ не безъ друзей, отъбѣстствовали мнѣ,
И при дворѣ и при женѣ.“

XII.

Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
 Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнилъ —
 Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ,
 И эпиграмму на Венеру!

XIII.

Что легче перышка? — „Вода, я отвѣчаю.“
 А легче и воды? — „Ну, воздухъ!“ — Доброй знакъ!
 А легче и его? — „Кокетка.“ — Точно такъ!
 А легче и ее? — „Не знаю.“

XIV.

Какъ! Риѳминъ живъ еще и тѣломъ и душой?
 А я уже сказалъ: ему и намъ покой!

IX.

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
 Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
 „Ошнынъ будетъ всѣмъ Поэтамъ моднымъ смѣна!
 Всѣ Классики уже переводимы мной,
 Такъ я и самъ ученымъ свѣтомъ
 Досшойнъ признанъ быть классическимъ Поэтомъ!“
 Такъ, Бавій, такъ! стихи конечно и твои
 На лекціяхъ пойдутъ въ примѣръ галиматши.

X.

*На дурныя оды, по случаю рожденія
 именной Особы.*

О тяжелой жизни договоръ!
 О дочь Полубоговъ! нѣтъ и тебѣ свободы!
 Едва родилась ты, что твоей встрѣчаетъ взоръ?
 Свивальники, сыропъ и оды!!

XI.

Кто какъ ни говори, а Нина безподобна!
 Прелестна — въ сторону; но какъ она умна!
 Съ какимъ познаньемъ! какъ скромна!
 Какъ горлипка незлобна!
 Какая добра мать! какъ любитъ всѣхъ друзей! —
 „И мужа?“ — Ну . . . онъ сносенъ ей.

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

К н я з ь и К н я ж н а.

К н я ж н а.

О Князь! и такъ ты мой!

К н я з ь.

А ты моя, Княжна!

Актъ кончился, и ты со мной сопряжена!

О боги! о судьба! о щастіе! о сладость!

Народъ! пляши и пой! дѣли со мною радость!

Х о р ь.

Воспляшемъ, воспоемъ, докажемъ нашу радость!

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е.

К н я ж н а.

Ты болѣишь, милый Князь.

К н я з ь.

Ознобъ во мнѣ и жаръ!

К н я ж н а.

Увы!

К н я з ь.

Прости! . . . прости!

(умираетъ)

К н я ж н а.

Несноснѣйшій ударъ!

Завистливая смерть! о рокъ безчеловѣчной!

Народъ! пляши и пой, въ знакъ горести сердечной!

П Л А Н Ъ Т Р А Г Е Д І И съ Х О Р А М И.

С о д е р ж а н і е.

Лапландской Князь, женихъ Гренландскія Княжны,
Въ день свадьбы просудясь, горячкой умираешъ.
Тревога, брачныя свѣчи потушены,
Сшонъ, слезы; наконецъ любовникъ оживаетъ.

П Р О Л О Г Ъ

(Музыкантъ, приближаясь къ кулисамъ,
даетъ Актерамъ знакъ къ выходу.)

Внемли и выступи, народъ,
Попарно свой устрой ходъ! —

(къ Актерамъ.)

Вы помнишь роль свою старайшесть!

(къ фигурантамъ)

А вы! — вы съ такшы не сбивайшесть!

.....

ТРИССОТИНЪ и ВАДИУСЪ.

Отрывокъ изъ Мольеровой Комедіи:
Les Femmes savantes.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ V.

В а д і у с ъ.

Вы истинный Поэтъ! скажу я безпристрастно.

Т р и с с о л и н ъ.

Вы сами рѣмы плеснь умѣете прекрасно.

В а д і у с ъ.

Какой высокій духъ въ Поэзіи у васъ!

Я часто вашу мысль ошгадываю съ часъ.

Т р и с с о л и н ъ.

А вашъ въ Эклогахъ стихъ какъ простъ, невиненъ, плавенъ!

И самый Теокритъ едваль вамъ будетъ равенъ.

В а д і у с ъ.

Ахъ, въ вашихъ Басенкахъ не меньше красоты;

Мы какъ условились срывать одни цвѣты.

Т р и с с о л и н ъ.

Но ваши *бу-риме* ... о! это верхъ искусства!

Х о р ъ.

Воспляшемъ, воспоемъ, въ знакъ горести сердечной!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Геній слускается съ облаковъ посреди
ерома и молніи.)

Г е н і й.

Супругъ твой оживетъ: прерви, Царевна, стонъ!
Невинною трехъ Паркъ ошибкой умеръ онъ.
О Царь! будь паки живъ!

К н я з ѣ. (встаетъ)

Мои ли это ноги?

Княжну ль еще я зрю? ... О милосерды боги!

К н я ж н а.

Дражайшій Князь! подемъ, подемъ скорбе въ храмъ!
Народъ! пляши и пой похвальну пѣснь богамъ!

Х о р ъ.

Воспляшемъ, воспоемъ похвальну пѣснь богамъ!

Триссолинъ.

А я и имъ и вамъ еще скажешь гошовъ,
Что славный пошъ Сонешъ собрание — риѣмъ и
словъ.

Вадіусъ.

Не много зависиши. . . .

Триссолинъ.

Во мнѣ? Избави Боже!
Завидовашъ глупцамъ, и бышь глупцомъ — все щожѣ.

Вадіусъ.

Сонешъ, сударь, хорошъ! скажу вамъ наконецъ;
А доказательство . . . я самъ его шворецъ.

Триссолинъ.

Вы?

Вадіусъ.

Я.

Триссолинъ.

Не можешь бышь; по чесши это чудо!
Конечно мнѣ его чишали очень худо,
Иль я былъ развлеченъ. — Но кончимъ эшотъ споръ;
Я вамъ прочту Рондо.

Вадіусъ.

Парнасскій, старый соръ,
Надъ коимъ лишь себя Педаншамъ сродно мучишь.

Триссолинъ.

Такъ слѣдственно и вамъ не можешь онъ наскучишь.

Вадіусъ.

Прошу, сударь, своихъ именъ мнѣ не давай.

В а д і у с ь.

А вѣ вашихъ Мѣлочахъ какой языкъ и чувства !

Т р и с с о л и н ь.

Когда бѣ отечество хотѣло васъ цѣнить . . .

В а д і у с ь.

Когда бѣ нашъ вѣкъ умѣлъ таланты ваши чинить . . .

Т р и с с о л и н ь.

Конечно бѣ васъ листомъ похвальнымъ наградили.

В а д і у с ь.

А вамъ бы монументъ давно соорудили !

Т р и с с о л и н ь.

Дождемся, можетъ быть. — Хошите ль, мой Поэтъ,
Послушать строфы двѣ ? . . .

В а д і у с ь.

Прочесали вамъ Сонетъ

На прыщикъ Деліи ?

Т р и с с о л и н ь.

Ахъ, мнѣ его читали.

В а д і у с ь.

Извѣстенъ Авторъ вамъ ?

Т р и с с о л и н ь.

Прозванья не сказали ;

Но видно по стихамъ, что онъ семинаристъ ;

Какія плоскости ! языкъ довольно чистъ ,

Но вкуса вовсе нѣтъ ; вы согласитесь сами.

В а д і у с ь.

Однакожь онъ хвалимъ былъ всѣми знашоками.

В а д і у с ь.

Но ни одинъ Журналъ меня не оглашалъ,
А ты уже давно добычей критикъ сталъ.

Т р и с с о л и н ь.

Я шѣмъ-то и горжусь, риѣмачъ, передъ побѣю;
Во всѣхъ Журналахъ ты пренебреженъ съ толпою
Вралей, которые не стоятъ и суда;
А я на вострѣѣ пера ихъ завсегда,
Какъ ихъ опасный врагъ!

В а д і у с ь.

Такъ будь и мой оппозитъ;
Сей часъ иду писать въ спискахъ о Триссотинѣ!

Т р и с с о л и н ь.

И только ихъ прочитавъ зѣваячи друзья;
Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я,
И гряну самъ въ спискахъ!

В а д і у с ь.

А мы имъ посмѣемся.

Т р и с с о л и н ь.

Довольно! я молчу; на Пиндѣ разочтемся!

Триссолинъ.

Прошу и васъ равно меня не унижать!

Вадіусъ.

Пошолъ, тащись, шугой, надушой умоборецъ!

Триссолинъ.

Пошолъ, ползи ты самъ, водяной рнѣмошворецъ!

Вадіусъ.

Пачкунъ!

Триссоликъ.

Вѣщаникъ!

Вадіусъ.

Враль!

Триссолинъ.

Ругашель подъ рукой!

Вадіусъ.

Когда бы не былъ трусъ, ты былъ бы самъ такой.

Триссолинъ.

Пошолъ провѣшривать лежалыя шворенья!

Вадіусъ.

А ты ступай, бѣги просишь у Музъ прощенья
За нестерпимый свой, проклятый переводъ,
За изувѣченъе Горація . . .

Триссолинъ.

Уродъ!

А ты каковъ съ твоимъ классическимъ позномъ?
Спыдись предъ справщикомъ, спыдись предъ цѣ-
лымъ свѣтомъ!

Гонимый голодомъ и спужей съ чердака ,
Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба съѣсть куска !

То подлый стиховраль , въ кошоромъ , безъ
рожденья
Иль смерти богача , нѣтъ силы воображенья ;
То крупный господинъ , слагашель мѣлочей ;
То авторъ въ чепчикѣ , то бѣдный дуралей ,
Который , бывъ лишенъ чернильницы , въ замѣну
На привязи углемъ исписывалъ всю стѣну ;
То молодой судья , на мѣсто чтенья правъ ,
Кропающій *Экспролатъ* , до полночи не спавъ :
Всѣ , всѣ — кто , возгордась моими похвалами ,
Ктожь не доволенъ мной — дождашъ въ меня
стихами !

И лжъ еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ :
Артуру , для чего охоты въ дѣшяхъ нѣтъ
Къ судейству ! всё спяхи мои тому виною !
А Корну , для чего онъ не прельщается Клою.

О ты , безъ коего не могъ бы мнѣ узнать ,
Что спанушъ на меня и за меня писать ,
Спасишель дней моихъ ! яви еще услугу
Ты нынѣ своему признашельному другу :
Скажи , какъ съ этой мнѣ раздѣлаться чумой ?
Какое зблѣе глупцовъ отгонитъ рой ?
И что опаснѣй мнѣ , ихъ дружба , или злоба ?
Ахъ , видно не имѣшь оправды мнѣ до гроба !
Какъ другъ , боюсь ихъ одъ , какъ недругъ , клеветы :
Тамъ скука , здѣсь вражда — и всё спрадаешъ ты !

ПОСЛАНИЯ.

I.

*Отъ Англійскаго Стихотворца Пола къ
Доктору Арбулнолу.*

Иванъ! запри ты дверь, защолкни, заложи,
И кто бы ни стучалъ, отпказывай! Скажи;
Что очень болѣнъ я; скажи, что умираю;
Увѣрь, что умеръ я! Какъ спрячашься, не знаю!
Откуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ?
Я вижу весь Парнассъ, весь сумасшедшихъ домъ!
И тамъ, и здѣсь они встрѣчаются толпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловящъ, всѣхъ къ себѣ и швынувшъ и тащущъ,
И слушай ихъ или нѣтъ, а оду прокричатъ!
Какой стѣной, какой древъ стѣною защитишься,
Чтобъ этотъ скучный рой не могъ ко мнѣ про-
бишься?

Безперестанно онъ копышется вездѣ;
Гоняется за мной на сушѣ, до водѣ;
Заползываетъ въ гробъ, встрѣчаешься въ алеѣ;
Я въ церковь, онъ шудажъ! и что всего мнѣ злѣе,

И съ просьбой ошѣ него: вы съ Герцогомъ въ союзѣ;
 Склоните взорѣ его Дамона къ бѣдной Музѣ!“ —
 Но вашѣ почтенный другѣ сто разѣ меня бранилѣ. —
 „Ахѣ, сколькожѣ онѣ и слезѣ раскаянія лилѣ!
 Уважьте прозьбу вы, илѣ гнѣвѣ его опасный:
 Дамонѣ издашелемѣ Журнала: *Безпристрастный*,
 И къ Курлову (1) столу бываешѣ приглашенѣ.“ —
 Чшо за пакетище! еще ли не взбѣшенѣ?
 Посмотримѣ: „скудныхѣ силѣ се плодѣ новорож-
 денный,
 Трагедія! Пока отецѣ ея смиренный
 Во мракѣ принужденѣ ошѣ всѣхѣ себя шайшѣ,
 Благоволи ошцемѣ сиротки этой бышѣ!“ —
 Опляшѣ забота мнѣ! За правдубѣ онѣ озлился;
 Я промолчалѣ. Съ другой онѣ просьбою явился:
 Ошдашѣ ее играшѣ! Я ожилѣ; съ давныхѣ лѣшѣ
 Межѣ скоморохами и мною связи нѣшѣ;
 Трагедіи ошказѣ. Писатель раздраженный
 Кричишѣ: „да гибнешѣ весь актеровѣ родѣ пре-
 зрѣнный!
 А я сей часѣ въ печать трагедію ошдамѣ,
 Пусть судишѣ Публика!... Еще я съ просьбой къ вамѣ:
 Не лзя ли слова два сказашѣ ошѣ ней Линшоту?“
 — Какѣ, эшому спрамцу? И онѣ свою щедроту,
 Чшо не взялѣ за печашѣ, всѣмѣ станешѣ возносишѣ! —
 — „Ну, хошѣ поправше же — вамѣ скучно можешѣ
 бышѣ!
 Но я — (мнѣ на ухо) — чшо выручу, всё съ вами!“ —
 Признатъся, шущѣ его обѣими руками

---

(1) Лондонской книгопродавецѣ.

Но кто тамъ? — „Кодръ.“ — Конецъ съ моею головою!

Съ стихами, какъ съ ножомъ, стоишь онъ надо мною.

Вообрази, мой другъ, къ чему я осужденъ!

Ты знаешь, что я лгашь и льстишь не сотворенъ;

Молчашь мнѣ тяжело; назвашь чистосердечно

Писателя въ глаза врагемъ безчеловѣчно;

А слушаешь вздоръ его, тотчасъ изобличусь.

Какая мука! Чтожь? Взявъ крошкой видъ, сажусь

Вздыхнувши передъ нимъ, съ учтивостью зѣваю,

Въ молчаніи бѣшусь, но наконецъ бросаю

Всѣ съ авторомъ чины, и прямо говорю:

„За вашу вѣжливостъ ко мнѣ благодарю.

Вы съ дарованіемъ, однако . . . подержите

Тетрадку вашу съ годъ.“ — Что вы скажете хотите?

Вскричалъ привыкшій въ перомъ своимъ чертить,

И по охотѣ врагъ, и по охотѣ жить;

Привыкшій ризовать вседневно съ раннимъ свѣтомъ,

Покояся еще подъ авторскимъ намешомъ,

Котораго мохры, не оплешая прочь,

Цѣлуютъ нѣжные Зефиры день и ночь.

Годъ цѣлый! повторилъ, такъ вамъ не полюбилась?

Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:

Возмите же ее, и что угодно вамъ,

Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ. —

„Могуль отрады ждешь въ моей суровой долѣ?

Другой мнѣ говоришь, дай милости, не боѣ!

Вопервыхъ, дружества — потомъ же — сто рублей!“ —

А вы кто? — „Я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,

Разстался ли Цибберъ съ кокешкой и папрономъ,
 Кошорому онъ льстилъ? Моръ меньше ль Франма-
 сономъ?

Не потъ ли же Генлей, орашоръ подлецовъ?

Не то же ль дѣйствіе Филипповыхъ стиховъ

Надъ сердцемъ и умомъ ученаго Прелата?

А Сафо — „Боже мой! оставишь ли хоть брата?

Не спрашно ли врѣзду навлечь такихъ людей?“ —

Спрашнѣ во сто разъ имѣшь изъ нихъ друзей.

Дуракъ, бранивъ меня, смѣшивъ, не досаждаешъ,

А ласкою своей бѣсишься принуждаешъ:

Одинъ мнѣ шомъ своихъ твореній приписалъ

И болъ спа враговъ хвалою своею ругалъ;

Другой, съ перомъ въ рукахъ, моею ставъ рыцаръ

славы;

Ведешъ съ Журналомъ бой; иной — какіе нравы! —

Укравъ мою шапрудъ, печашашъ отдаешъ;

Иной же ни на часъ покоя не даетъ,

Вездѣ передо мной съ поклономъ: *подлишися!*

А многіе еще, — шеперь, мой другъ, дивися,

Какъ часто съ глупостью сходна бываешъ лести —

И безобразіе мое мнѣ ставляшъ въ честь!

„Вашъ носъ Овидіевъ; вы также кривошея,

Какъ и Филипповъ сынъ, а съ глазъ ...“ — Не ль-

зя умибъ!

Довольно ужъ, друзья! И такъ въ наслѣдство мнѣ

Лишь недоспашки ихъ остались однѣ.

Не позабудете же, какъ слягу онъ безсилъ,

Представивъ шочно такъ лежавшаго Виргилъ;

А какъ умру, сказанъ, что также, наконецъ,

Скончался и Гомеръ, Поэзіи отецъ.

Я обернулъ къ дверямъ, примолвъ: вонъ поклонъ
Тебѣ за твой дѣлежъ! теперь же . . . просимъ вонъ!

Мнѣ часто говорятъ: ужь бышь бѣдѣ съ побою!
Не прочь ты шѣхъ и шѣхъ, не схватывайся
съ пою! —

Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей,
Что можешь сдѣлать онъ? — Что можешь онъ?
лягаться!

Таковъ-то и глупецъ. — Я колокъ, можешь спасться;
Но можноль говоришь о глупости слегка?
По крайней мѣрѣ мнѣ всё сноснѣй дурака.
Неустрашимый Кодръ! гдѣ есть тебѣ примѣры?
Весь свѣтъ прошивъ тебя: и логи и паршеры!
Со всѣхъ сторонъ бранящъ, зѣвущъ и свисающъ
И шляпы на тебя и яблоки летящъ.
Ни съ мѣста! ты сидишь! Чеснь Кодру испо-
лину!

Съ какимъ трудомъ паукъ мошаетъ паутину!
Смети ее, паукъ опятьъ начнешъ мошанъ:
Равно и риѣмача не думай обращать!
Брани его, спыди, а онъ доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, всё пишешъ, пишешъ,
И гордъ своимъ шканьемъ — нѣтъ нужды, что оно,
Дохни, такъ улетишъ — враль мыслишъ: мудрено!

Но впрочемъ, гдѣжь моя вина передъ глупцами?
Лишаю ль ихъ ушѣхъ моими я стихами?
Кодръ меньше ль опъ того доволенъ самъ собой?
Пресшаль ли надувать Милордъ подзобокъ свой?

И Болингброкъ, сей мужъ достойный вѣчныхъ хвалъ,
 Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
 Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта.

Цвѣщи же, мой вѣнокъ, ты безконечны лѣта!
 Я щастливъ! я къ себѣ склонялъ безсмертныхъ
 Взглядъ;

По нимъ и мой талантъ и сердце оцѣнятъ.
 Чшожь послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны:
 Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,
 А только находилъ утѣху рисовать
 Цвѣточки, ручеекъ, журчащій средь долины;
 Обидны ли кому столь милыя картины?
 Однакожь и тогда Гильдонъ меня ругалъ.
 Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За криптику моихъ стиховъ я не сержуся:
 Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся;
 Но кто нашъ Аристархъ? Кто важные судьи,
 Которыхъ шрепешать должны стихи мои?
 Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,
 Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.
 Терпѣньемъ, памяшью, они богаты всемъ,
 Окромъ разума и вкуса, — между тѣмъ
 И мершвымъ и живымъ судъ грозный изрекающъ,
 Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣвающъ,
 И сведеніемъ безвѣстныхъ сихъ именъ
 Съ славнѣйшими, дойдущъ до будущихъ временъ.
 Такъ въ амбрѣ червяковъ мы видимъ и солому.
 Но кромъ криптиковъ, уйду ли я отъ грому

Откуда на меня рокъ черный накачался ?
 Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался ?
 Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ ?
 О небо ! сколько мной пошраченныхъ чернилъ !
 Но лъзя ль пропивившись влеченію природы ?
 Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы ,
 Невиннымъ голосомъ на риѣмахъ лепеталъ.
 О возрастъ щастливый, въ кошоромъ я собиралъ
 Цѣбшны, не думавъ бытъ уколомъ ихъ шипами,
 И удовольствія не воспоминалъ съ слезами !
 Но стихотворшвуя, по крайней мѣрѣ я
 Не отправлялъ минутъ незлобнаго жишья
 Родителей моихъ. Моя младая муза,
 Со добродѣтелью ища всегда союза,
 Наспавила меня ее лишь только пѣшь,
 Въ бѣдахъ и горестяхъ терпѣніе имѣшь,
 Пишанъ признательность, ни чемъ незагладиму
 Къ тебѣ, о нѣжный другъ! за жизнь тобой храниму.

Но скажущъ: для чего жъ въ печать онъ от-
 даетъ ?
 Ахъ, съ щастіемъ моимъ кто въ слабостъ не впа-
 дещъ ?
 Вальсъ, шонкій сей знашокъ; Гренвилъ, сей умъ
 толь нѣжный,
 Сказали мнѣ: пиши, питомецъ Музъ надежный !
 Тальботъ, Сомерсъ меня не презрили внимать,
 И важный Аршебуръ улыбкой сѣодрятъ;
 Великодушной Гаршъ былъ мой пулеводитель;
 Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой ху-
 литель,

Въ словахъ пріятнымъ быть, въ твореніяхъ вы-
 сокимъ
 И ловкость сѣдинять съ ученіемъ глубокимъ;
 Онъ къ чести щекопчивъ, въ изящное влюбленъ,
 Рожденъ быть счастливымъ, для славы сотворенъ,
 Но думаетъ, какъ всѣ властители Эвфрата,
 Чшо крѣпокъ скиптръ въ рукахъ удавкой только
 брата;
 Надменъ къ соперникамъ, но въ сердцѣ къ нимъ
 ревнивъ;
 Бранитъ съ учтивостію, коварствуетъ хваливъ;
 Улыбкою грозитъ, лаская ненавидитъ;
 Украдкою язвитъ, но явно не обидитъ;
 Научамъ долженъ всемъ, а гонитъ ихъ въ другомъ;
 На Пиндѣ онъ Министръ, въ Виндзорѣ оспракомъ;
 Считаетъ кришину прослушкою уголовнымъ,
 Вершитъ и властвуетъ народомъ стихословнымъ
 Въ сенатикѣ своемъ, какъ другъ его Катонъ (1) —
 Сѣнешь? — Плачьте же: сей Авторъ... Аддисонъ.
 Ахъ, кто не пораженъ симъ жалкимъ сочетаньемъ
 Столь малыя души съ столь рѣдкимъ дарованьемъ!

На что притворствоваться? Я самъ самолюбивъ,
 И обществу скучать стихами не лѣнивъ;
 Конечно и мои различныя теорекья,
 Въ листахъ и мокрая, лишь только изъ шпененья,
 Гуляютъ въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ,
 И пышный ихъ титулъ приклеенъ на стѣнахъ
 По многимъ улицамъ; но не боюсь улички,

---

(1) Смерть Катона, Трагедія описываемаго здѣсь Автора.

Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасать?
 И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
 Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною,
 За то, что слишкомъ Тирсъ доволенъ самъ собою.
 Хваля писателя, пошребно намъ открышь
 Не то, каковъ онъ есть, но чѣмъ онъ хочетъ быть.
 Увядшія красы поршрешъ всегда несходенъ;
 Ея и лобъ и глазъ, а говоритъ: негоденъ:
 Одинъ каряишся, надувшись дичь несешъ,
 И то высокостыю Поэзіи зовешъ;
 Другой рисовкою быть хочетъ опличаемъ;
 Иной мешафорой, и вѣкъ непонимаемъ;
 А эпитъ, навсегда разсорся съ сшдомъ,
 До самой старости живетъ чужимъ добромъ;
 Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ
 съ десятокъ,
 И то, чтобъ показать въ талантѣ недостатокъ;
 Обновы Музъ шьетъ изъ разныхъ лоскутковъ,
 Щечится, прашитъ скупъ, а всё изъ бѣдняковъ!
 Скажи же, что они удачно выбираютъ:
 Какой поднимушъ вопль! — Вотъ какъ пѣвцовъ
 ругаютъ!
 Всѣ въ голосъ закричатъ; да и чего хотимъ?
 И самый Аддисонъ протрѣленъ будетъ имъ. —
 Пускай же мрушъ они въ безвѣстности презрѣнной!

Но еслии я скажу, что Авторъ есть по-
 чтенной:

Исполненъ разума, умѣющій равно
 Какъ мыслить, такъ и жить; которому дано

Не завтра, такъ впередъ вину свою познаешъ :
Онъ голодомъ моритъ, по царски погребаетъ.

Вельможи ! славьшеся хвалами риемачей ;
Дарите щедро шѣхъ, кто васъ еще шупѣй ;
Любите подлосъ, лость, невѣжество, Циббера,
Кричите, что ему не видано примѣра ;
Пускай онъ будетъ *вашъ* любимецъ и герой,
А добрый, милый Ге пусть остаеся *мой* ;
Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабоженъ! —
О естли бы я могъ, безъ рабства, обольщенъ,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считашъ весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ,
Для ушѣшенъ ихъ употребляшъ всѣ силы,
Чишашъ, что нравишся, а видѣшъ, кто мнѣ милы,
На знашнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣшъ,
И съ знашнымъ, иногда, свиданія имѣшъ !
Чего мнѣ болѣ ? я къ большимъ дѣламъ несроденъ,
Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ ;
Чишаю *Отче нашъ*, пишу, и по шрудахъ
Я, слава Богу, сплю, не бредя о стихахъ,
И живъ иль нѣшъ Деннисъ, не думаю ни мало.

Не написали ль вы что новаго ? бывало
Жужжатъ мнѣ: — Боже мой! какъ будто для писъма
Я только и рожденъ ! въ васъ право нѣшъ ума,
Ужель я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься ?
Приспироишъ сироту, о другѣ посшарашся.
— „Вы были съ Свифтомъ ? Онъ мнѣ вшпрѣшился
сей часъ ;
Ужъ вѣрно что нибудь гошовишся у васъ ?“ —

Чтѣбѣ, въ глупой гордости, хотѣлъ я самъ владыки
 Присвоить самъ собой надъ пишущей толпой ;
 Чтѣбѣ новые стихи собиралъ по мостовой ;
 Они родятся, мрутѣ, а я обѣ нихъ не знаю ;
 На лица Эпиграммѣ нигдѣ не разпускаю,
 И тайно ничего въ печать не отдаю ;
 Ни желчи на дѣла правительствъ не лью
 Въ кофейныхъ, праздности народной посвященныхъ ;
 Ни жребья не рѣшу пѣсѣ новорожденныхъ,
 Въ партерахъ заводя и въ ложахъ заговорѣ ;
 И проза и стихи, и самыхъ Музѣ соборѣ,
 Все мнѣ наскучило и все я уступаю
 Отъ сердца Бардусу. — Не кшаши воспоминаю :

Какъ Фебъ средѣ чистыхъ дѣвъ сілетѣ съ двухъ
 холмовъ,
 Дебелый Меценатѣ сидитѣ въ кругу льстецовъ,
 И услаждается куренія ихъ паромъ ;
 Святилище его, украшенно Пиндаромъ
 Съ отбитой головой, отверсто лишь тому,
 Кто пишетѣ вопреки и сердцу и уму,
 И каждый враль въ него вступаеѣ безъ препоны.
 Отъ вкуса Бардуса тамъ всѣ берутѣ законы ;
 И чтѣбы разѣ хоща попасѣ къ его столу,
 Иной по мѣсяцу поетѣ ему хвалу.
 Таковъ-то Бардусѣ нашъ! однакожѣ кто повѣритѣ,
 Чтѣбѣ поетѣ, кошорый всѣ дары такъ вѣрно мѣритѣ,
 Такъ ловитѣ, не нашелѣ ихъ . . . въ Драйденѣ од-
 номъ ?

Но знаиный господиѣ съ ученьемъ и умомъ,

Достойнѣль бабочка бытъ въ морѣ пошопленна ?
 Такъ раздавишь ногой ты червяка презрѣнна,
 Который, возгордясь, что ночью свѣтитъ онъ,
 Вездѣ ползетъ, язвитъ и смрадомъ гонитъ вонъ,
 Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ изсушаетъ;
 Съ утра до вечера Генлей перелешаетъ
 Отъ Пинда къ Пафосу, какъ въпренный Зефиръ:
 Но хладенъ близъ красотъ, но глухъ къ согласью
 лиръ.

Такъ выученный песъ предъ дичію вертитъ,
 Теребитъ, но вонзистъ зубовъ въ нее боится.
 Вглядись въ него: я бьюсь съ тобою объ закладъ,
 Какого рода онъ, не скажешь мнѣ въ попадъ!
 Мущина, женщиная? не то, и не другое,
 Едваль и человѣкъ, а шакъ . . . что-то живое,
 Которое всегда клеветитъ иль поетъ,
 Иль свиститъ, иль хулу и на Творца несетъ;
 Премѣничная шварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
 То философствуетъ, то мечетъ Эпиграммы,
 Предъ женщинами враль, предъ Государемъ льстецъ,
 Сердечкинъ и нахаль, и пышенъ и подлецъ.
 Таковъ прекрасная былъ Еввы искушитель,
 Невинности ея и рай погубитель:
 Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй,
 Но даже и красой онъ ужасалъ своей;
 Для видовъ гордости привѣтливымъ казался,
 И для щеславія смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
 Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,

Божусь, что ничего, болтунъ и самъ божишься:
„Не вѣрю! . . но вѣдь Попъ въ стихахъ не ушайни-
ся!“ —

И первый злой пасквиль, достойный быть въ огнѣ,
Чрезъ два дни мой знатокъ приписываетъ мнѣ!
Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,
Когда невинности смиренной вредоносенъ,
Злословишь добраго и вводишь въ краску дѣвъ;
Пусть грянешъ на меня не медля Божій гнѣвъ,
Коль скоро уязвлю въ словахъ или на лирѣ
Хотя одиножды честнаго мужа въ мѣрѣ!
Но баринъ съ рабскою и низкою душой,
Скрывающій ее подъ ленною цвѣтной;
Но злой, гошоващій ковъ пагубный, но скрышной
Таланшу, красотѣ невинной, беззащитной;
Но шаль, кошорый всѣмъ тщеславяся твердишь,
Что онъ мой Меценатъ, что я его Пинтъ,
Вездѣ мои стихи чищаетъ и возносишь;
Когда же кто меня отъ зависти поносишь,
Тогда онъ промолчишь, чтобъ не нажить враговъ;
Кошорый на часу и ласковъ и суровъ,
И ежели не золъ, такъ враль, всегда гошовой
И шайну разболтать для вѣсточки лишь новой,
И злой давая толкъ мной выданнымъ стихамъ,
Скажешь: *онъ жѣтилъ въ васъ*, придворнымъ гос-
подамъ. —

Вошъ, вошъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель;
Я бичъ, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.

Спрашисъ меня, Генлей! — Какъ! эшотъ часовой,
Минушный червячокъ подъ пылью золошой?

Подъ миршою ли онъ, иль просто въ клубъ;
 За краснымъ ли сукномъ сидишь, или въ шинкѣ;
 На колесницѣ ли торжественной гордится,
 Иль по икру въ грязи по мостовой щипишь,
 Предъ трономъ, иль съ доской на площади стоишь.

Однакожь, эшотъ бичъ, который всѣхъ спра-
 шивъ,
 Готовъ на самого Денниса въ томъ сослаться,
 Чшо право онъ не шоль ужасенъ. Можетъ спашься
 Призналсябъ и Деннисъ, когда бы совѣсть зналъ,
 Чшо даже и враля онъ бѣдность облегчалъ.
 Кричалъ: Попъ мстишеленъ, Попъ въ гордости
 примбромъ;
 А онъ шоль гордъ, чшо пилъ съ Тибальдомъ и
 Цибберомъ!
 А онъ шоль мстишеленъ, чшо и за цѣлый томъ
 Ругашельствъ, на него написанныхъ попомъ,
 Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
 Въ угодность милой, ~~мгла~~ бранишь его всечасно,
 А онъ въ опмщеніе желаетъ всей душой,
 Чшобъ эта милая была его женой.
 Но пусть Попъ виноватъ, и стойтъ осужденъ;
 Зачто жъ бранишь его виновниковъ рожденья?
 Кто смѣлъ обидчикомъ отца его называть?
 Злословилабъ объ комъ его смиренна мать?
 Не шроньше жъ, подлецы, вы родъ его почтенной;
 Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
 Воздастся должная, правдивая хвала
 За добрые стихи и добрыя дѣла.

И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
 Поэтъ. Онъ ни за что не будетъ другъ разврата,
 Всегда великъ душой и мыслями высокъ,
 Ласкавъ самимъ Царямъ счищаетъ за порокъ;
 Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
 И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
 Стыдился бытъ врагомъ совѣстниковъ своихъ,
 Талантомъ лишь однимъ смирятъ дерзость ихъ;
 Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну,
 На мщеніе кришки, на злость вредомъ обильну,
 На промахъ иногда коварства и хулы,
 На ложную пріязнь и глупыя хвалы:
 Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
 И глупости другихъ на счетъ его относятъ;
 Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не зная,
 Въ эстампъ видъ его, иль въ сочиненья правъ,
 И естли не стихи, порочитъ ихъ уроки;
 Пускай не преслаютъ сплеташъ хулы жестоки
 На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
 Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
 И самого Царя, шишикалы придворны
 И толки злыхъ объ немъ и небылицы вздорны;
 Пусть звѣкъ помятъ его въ плачевнѣйшей судьбѣ —
 О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ:
 Онъ оправдаетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ.
 — Но знатный мной бранимъ, но бѣдный прези-
 раемъ! —

Да! подлый человекъ, ктобъ ни былъ онъ такой,
 Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ мной:
 Колейкуль онъ укралъ, иль близко миліона,
 Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,

Прибавишь жизни ей, и на краю могилы
Поддерживать ея скудѣющія силы,
Покоишь, утѣшаешь до смертнаго часа,
И ошдалишь ея полетишь на небеса!

тенный,

Довольствуйся, мой другъ, безпечностью своей;
А мнѣ, лишенному спокойства невозвратно,
Мнѣ съ меланхоліей бесѣдовать пріятно.
О! если бы могла сыновняя любовь
Хотя у матери согрѣшь остылу кровь,

Пріятною ея бесѣдой научался,
 Дышалъ невинностью, и лучшимъ возвращался —
 Довольнѣй и добрѣй — въ смиренный домикъ мой!
 Бывало, ясною соуплсшвуемъ луной,
 И въ мысляхъ проходя всѣ наши разговоры,
 Къ жилищу твоему еще спремилъ я взоры,
 Спремилъ, и съ чувствіемъ сердечнымъ восклицалъ:
 Блаженъ ты, добрый мужъ! ты ангела снискалъ!
 И гдѣ жь сей ангелъ днесъ? и гдѣ твое блаженство?
 Увы! все въ мірѣ семъ мечта, несовершенство!
 Твой ангелъ къ своему началу воспарилъ,
 И рокъ печаль и плачь въ храмъ счастья поселилъ!
 Теперь ты во своихъ чертогахъ какъ въ пущынѣ,
 И въ людствѣ сирота! ужь не съ кѣмъ наединѣ
 И скуку и печаль и радость раздѣлишь;
 Къ кому сердечныя въ грудь тайинства пролишь?
 Кто ошягченный умъ заботами, шрудами,
 Утѣшишь, облегчишь нѣжнѣйшими словами?
 Кто первый поспѣшитъ дать искренній совѣтъ?
 Кто первый по тебѣ отъ сердца воздохнетъ?
 Кто первый ободритъ безсмертной лиры звуки,
 И прежде всѣхъ простретъ тебѣ, встрѣчая, руки?
 Къ кому шеперь, къ кому въ обѣщія лѣтъ?
 Что дѣлать, что начать? . . Крушиться и терпѣть!
 Конечно такъ судьбы всемоchnы предписали,
 Чтѣбъ счастье и напастъ позналъ ты, сынъ печали!
 Но воззримъ къ Вышнему — Кто маніемъ очесъ
 Волнуешь океанъ, колеблешь сводъ небесъ,
 И солнца и міры творишь и разрушаешь:
 Тотъ спсраждающихъ цѣлишь, упавшихъ поднимаетъ.

II.

КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ,

по случаю кончины первой супруги его.

Державинъ! пылъ сосудъ, печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И твой ли гласъ зовещъ безцѣнную Пѣниру?
Зовещъ ее, и вдругъ мускаетъ вопль и стонъ?
О участь горькая! о шатостный уронъ!
Разстался ты съ своею возлюбленною вѣчно!
Прости, сказалъ ей въ слѣдъ, веселіе сердечно!
Рыдай, пѣвецъ, рыдай! тебя ли умишашъ?
Ахъ! нѣтъ, я самъ съ тобою душой хочу спенашъ.

Достойна вѣчныхъ слезъ споль милая супруга:
Три люстра видѣлъ ты вѣрибшаго въ ней друга,
Три люстра ты ея прельщался красотою,
Умомъ и чувствами и Ангельской душой.
Сколь часто, бывъ ея дѣянiямъ свидѣтель,
Въ восторгѣ, мыслилъ я: „краса и добродѣтель!
Ахъ! естли бы всегда встрѣчались вмѣстѣ намъ!“
Сколь часто заставалъ сиротку и вдовицу,
Обзавшихъ щедрую Пѣнирину десницу!
Сколь часто, въ тишинѣ, по зимнимъ вечерамъ,

Когда твоей нѣжный гласъ ихъ будешь улаждать?
 Пускай они твое посланіе (2) читаютъ
 И розовой вѣнокъ любимцу соплетаютъ;
 Пускай Херасковъ, мужъ опъ дѣшства чшимъ мной,
 То въ міръ фантазіи путь кажетъ за собой,
 То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
 То на цвѣтущій брегъ Пеня провождаетъ,
 И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтѣя, —
 Манишь на лирный гласъ крылатое дитя,
 И съ крошечью влечетъ — нѣжнѣйшихъ чувствъ
 владѣтель —

Любить поэзію, себя и добродѣтель.

Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приводитъ
 духъ;

Пускай молодой Герой, къ нему склоняя слухъ,
 Пылаетъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взглядомъ
 Копья, чтобы лешѣть потрясти землей и адомъ.

Пришворства и въ стихахъ казать я не хочу:
 Поѣтся мнѣ, пою; невесело, молчу
 И слушаю другихъ; иль взявши посохъ въ руку,
 Въ поляхъ и по горамъ разбиваю скуку;
 Разнообразности Природы шамъ дивлюсь,
 И сколько слабые съ нее снимаю учусь.
 Какъ Волжанинъ, люблю близъ водъ искать про-
 хлады;

Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи бодзлады;
 Люблю и озера спокойный, гладкой видъ,
 Когда его стекло вечерній лучъ зашишилъ;

---

(2) Посланіе къ женщинамъ.

III.

КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней
новыхъ

Отъ Музы моя; ни Фавны рошъ дубовыхъ,
Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
Ни боги свѣтлыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ,
Не слышали еще имъ незнакомой лиры.
Подъ мракомъ грозныхъ тучъ играють ли Зефиры?
Поетъ ли зяблиця, какъ бури заревуетъ
И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорветъ?
До пѣсней ли и мнѣ подъ гнѣпомъ рока злова?
Еще дымится пепелъ отеческаго крова,
Еще смущенна мысль все бродитъ въ шѣхъ мѣстахъ,
Недавно гдѣ земля на вѣки преданъ прахъ,
Прахъ спарца (1), для меня шолко драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждешь отъ сердца огорченна?
Печальныхъ — но почто мнѣ Граціямъ скучашъ,

---

(1) Авторъ лишился тогда роднаго своего дяди П. А. Б.

Завоешѣ, закрушитѣ, кусты къ землѣ приклонитѣ,
Свинцовые валы на озеро нагонитѣ,
Вѣ пещерахѣ заревешѣ и засвисшитѣ вѣ дуплахѣ,
И съ воздухомѣ смѣситѣ и листвія и прахѣ;
День, два, и можетѣ быть цвѣточка не застану;
День, два, и можетѣ быть . . . какѣ знать? . . .
и самѣ увяну!

А временемъ идя — куда, и самъ не зная —
 Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
 Подъ сводомъ зелени, вдругъ на свѣтъ выхожу
 И новую для глазъ картину нахожу:
 Открытыя поля подъ золотою нивой!
 Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!
 Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
 Здѣсь взрослый, шумъ старикъ, съ нимъ рядомъ
 красота;
 Кто жнетъ, кто вяжетъ снопы, кто подбираетъ
 klasy;
 А дѣти между тѣмъ, Амуры свѣтловласы,
 Украдкой по снопу играючи берутъ,
 Крехтятъ подъ ношею, другъ друга ею прутъ,
 Валяются, вспаютъ, и усмотря цвѣточикъ,
 Всѣ врознь къ нему лезятъ, какъ Майской вѣте-
 рочикъ.

Ахъ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ ле-
 тѣть!

Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть;
 Уже я съ каждымъ днемъ чего-нибудь лишаюсь.
 Иду подъ тѣнь кустовъ: спущаю и возвращаюсь
 Съ поникшей головой: тамъ нѣтъ ужь соловья!
 Сего дня у пруда остановился я:
 И ласточки надъ нимъ кружились, вились,
 И сѣры облака по небесамъ неслись.
 Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Золъ
 Помчишься на крылахъ шумящихъ съ горъ на долъ,

Поверженныхъ градовъ Россіи ко стопамъ,
 Дрожащихъ Агарянъ, окованныхъ Сарматовъ
 И гибели по всѣмъ мѣстамъ
 Надмѣнныхъ сопоспатовъ ;

А естли ошъ такой каршины упомляюсь,
 Тогда я къ сыну обращусь ,
 И шопчасъ грустну мысль разсѣпѣ лучъ спокой-
 ства :

Забуду въ мигъ слѣды печальные геройства ,
 И сладостной плѣненъ мечтой,
 Увижу въ райскомъ восхищенъ
 Всеобще дружесшво , любезносшь , просвѣщенъе ,
 Весь міръ одной семьей , и всюду вѣкъ злашой.

IV.

КЪ ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ.

Что можетъ болѣе порадовать пѣвца,
Какъ въ лестный даръ принять отъ сына
Почтенный ликъ его безсмертнаго отца!
Мать не позволила судьбина
Быть подвиговъ его пѣвцомъ;
Въ то время, какъ металъ онъ молнію и громъ,
Я бѣдный ратникъ былъ, не болѣ,
И видѣлъ не Парнасъ, но ратное лишь поле;
Я только пѣнію Пешрова сопелескалъ,
Который звукою трубою
Сквозь мрачны вѣки пулъ Героя
Въ храмъ славы отверзалъ;
Но могъ либъ я и днесь быть чести сей достоинъ?
Довольно и того мнѣ жребілъ въ удѣлъ,
Что рядовой на Пиндѣ воинъ,
Давно желанный ликъ Героя пріобрѣлъ.
Украш у имъ свою смиренную обитель,
И глядя на него, я въ мысляхъ буду зритель

Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки слезной,
 Хотя однажды могъ совѣтъ подать полезной,
 Спокойствіе души вдовицъ возвратить,
 Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
 Спассти невиннаго, то все позабываетъ —
 Довольно, другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.

Но будуль я, друзья, по прежнему вамъ милъ?
 Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ,
 Уже въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежняя жи-
 вость!

Прощитель . . . иногда мою вы молчаливость,
 Мою уныніе? — Терпите, о друзья!

Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я,
 Что сердце приношу чувствительное, незлобно,
 И болѣе еще ко дружеству способно.

Теперь его ничто не отвлечетъ отъ васъ,
 Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ . . .

И самая любовь на вѣки оплелѣла!

И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;

Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему

И дайте вновь полетъ таланту моему.

Означимъ остальной нашъ-пути еще цвѣтами!

Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,

Гдѣ сердце на рукѣ (1), гдѣ разумъ не язвитъ,

Тамъ другъ вашъ и поднесъ веселья не бѣжитъ.

Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!

Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,

---

(1) Древніе предсказали Дружбу въ образѣ женщины,
 держащей на ладони сердце.

V.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ,

*по случаю перваго съ ними свиданія по-
слѣ моей отставки.*

Вѣ Москвѣль я, наконецъ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшенье!
И такъ еще имѣлъ я вѣ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родился,
И быть вѣ объятіяхъ родителей моихъ;
Не сонъ ли былъ и то? ... Увидѣлъ и простился,
И можешь быть уже вѣ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, эшотъ день не помрачимъ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вошъ моя рука, что буду вашъ оппныѣ.

Сколь часто я вѣ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго шерались какъ вѣ пусшынѣ,
И тайной грусти вѣ немъ никакъ не замѣчалъ!

Н А Д П И С И.

1.

Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова.

Съ цвѣтущей младости до сребреныхъ власовъ
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ;
Таланту каждому покровъ,
Почтенъ, дослуженъ и любезенъ,

2.

Князя Италійскаго.

Суворова здѣсь ликъ Искусство начершало,
Да вѣдають его грядущи времена:

Едина царства имъ не спало (1),
А премъ корона отдана,

3.

Къ его же портрету.

Се Россѣ, Агарянъ бичъ, Сарматовъ покоритель,
Защитникъ Австріи, Итали спаситель.

---

(1) Польша.

На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
 Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
 А я . . . хоть вашими дарами восхищаться.
 О други! я впередъ ужъ весель! можетъ спать,
 Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ;
 О естълибъ воспыла въ мнѣ Пермесскій жаръ!
 Съ какою бѣ радостью схватилъ мою я лиру,
 И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
 Да будетъ счастье и слава вѣчно съ нимъ!
 Ему я одолженъ приспанищемъ моимъ,
 Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закашится,
 И мой послѣдній взоръ . . . на друга устремится.

6.

*Къ портрету древняго Рускаго Историка
Неслора.*

Посстигнувъ съ юныхъ лѣтъ тщету и скоротеч-
ность,

Сей инокъ житіе пустынное избралъ,
И, кроясь отъ живыхъ, онъ взоромъ обнималъ
Минувшее и вѣчность.

7.

Михайла Малѣевича Хераскова.

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

8.

Гавріила Романовича Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ;
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для шѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Честь, правда и языкъ боговъ?

4.

*Къ бронзовой стѣлѣ Фельдмаршала Графа
Румянцова - Задунайскаго , поставленной
Грофомъ Завадовскимъ въ его деревнѣ.*

Почтенный ликъ! когдабъ ты былъ изображенъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
Гдѣ гордый Музульманъ разтерзанъ, низложенъ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ понула;
Тогда бы, на себя взирая, каждый рекъ:
Румянцовъ славный Вождь! — и мимо бы протекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
Здѣсь не Герой въ тебѣ блистаетъ,
Прославившій себя единою войной,
Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благошворный Геній!

5.

Къ памятнику мореходца Шелехова.

Какъ царства падали къ стопамъ Екашерины:
Россѣ Шелеховъ, безъ войскъ, безъ громоносныхъ
силъ,
Пустился въ новый свѣтъ чрезъ бурныя пучины,
И три народа (1) Ей, и Богу покорилъ.

---

(1) Ахмохменшы, Коряки, Афогнаки, которыхъ большая часть обращена въ Христіанскую вѣру.

НА ДГРОБІЯ.

I.

*Петру Дмитріевичу Ерапкину, бывшему
Московскому Градоначальнику.*

Здѣсь добрый Ерапкинъ, свершивъ свой жизни кругъ,
На время опочилъ, какъ солнце лучезарно;
Бышь можешъ, нѣкогда попомниво благодарно
Воздвигнетъ обелискъ во мѣду его заслугъ;
Бышь можешъ! . . . между тѣмъ смиренный Музъ
любителъ
Приноситъ въ дань ему, что въ силахъ: только
спихъ;
Москва! онъ говоритъ, се твоей вѣнчанный спасителъ! (1)
Москва! Римъ древній живъ . . . въ герояхъ лишь
своихъ.

---

(1) Надѣюсь, что всѣмъ читателямъ моимъ памятенъ
патріотическій подвигъ его, при случаѣ возмущенія
Московской черни въ 1771 году.

9.

Н ** А ** Бекелову.

Воспитанникъ любви и счастья богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ какъ Стоикъ жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

Но добрый, нѣжный сынъ всегда надъ нимъ воз-
стонетъ,
И сѣдлый . . . вспомнитъ часъ оправдъ.

VI.

И. Ѳ. Богдановичу, Автору Душеньки.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Гоаци! вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

VII.

Е м у же.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранила,
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

VIII.

Е м у же.

На урну преклоняясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, опягченъ шоекою:
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

II.

Не дрогнешь начертать на камнѣ семъ рѣзецъ:
 Здѣсь прахъ смиренныя жены, опшедшей къ Богу;
 Свѣтъ суешный объ ней забудетъ наконецъ,
 Но бѣдный и сюда откроешь къ ней дорогу,
 И теплую слезу въ уплашу принесешь:
 Плошь гибнетъ, но добро изъ рода въ родъ живетъ.

III.

Малери и сыну.

Здѣсь мать двухъ близнецовъ почилъ въ цвѣтѣ дней;
 Одинъ на часъ отцу, другой оставленъ ей.

IV.

Когда и дружество спруило слезъ потюки,
 На мраморъ сіи начертывая спюки;
 Чтожь должны чувствовашъ, увы! отецъ и мать?..
 О Небо! и дѣшей ужасно намъ желашъ!

V.

В — И — С.

Бышь можешь, мудреца сей памятникъ не про-
 нешь,
 Но другъ къ нему прострешь умильный, слезный
 взглядъ,

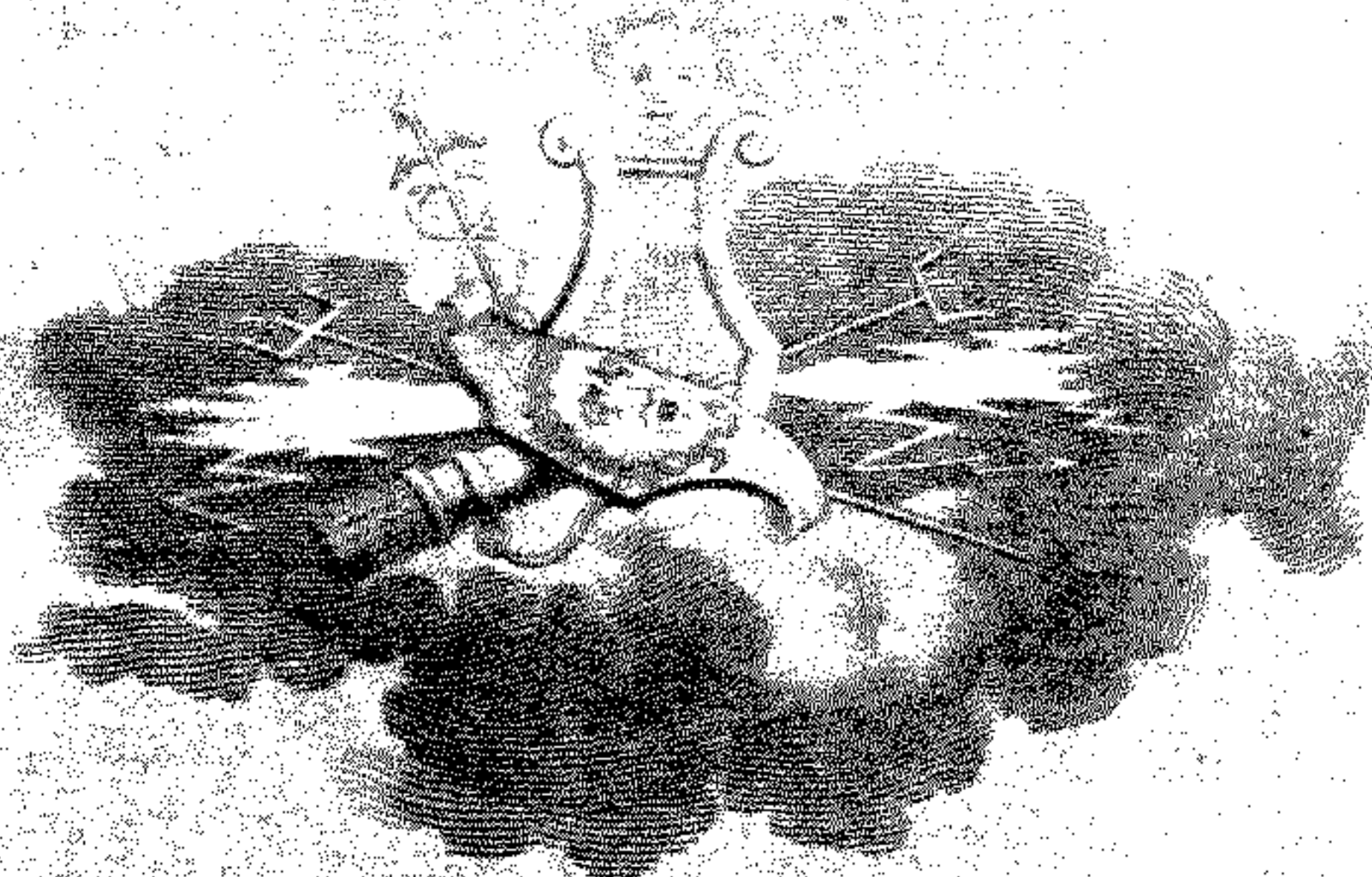
С Т И Х И

на кончину Фельдмаршала Графа И. П.
Салтыкова.

Къ Прасковѣ Ивановнѣ Мятлевой.

Спени, дочь нѣжная, надъ урною отца!
Я самъ въ смущеніи забылъ талантъ пѣвца:
Не въ силахъ пѣшь Вождя героевъ,
Достигшаго сѣдинъ подъ лаврами средъ боевъ;
Но доброму отцу, но другу лишь людей
Вдохъ сердца посвящаю,
И окомъ полнымъ слезъ со берега жизни сей
Тѣнь милую для насъ въ міръ лучшій провождаю.

IX.

Ө — М — Д.

Любезнаго и прахъ останешсяль безвѣстнымъ ?
 Дубянского былъ даръ : гармоніей прельщать ;
 Страсъ : дружба и любовь ; законъ : быть добрымъ,
 честнымъ ;
 А жребій : бурю жизнь въ пучинѣ (1) окончатъ .

X.

В — Г — В.

Здѣсь тихая могила
 Прахъ юноши взяла ;
 Любовь его сразила ,
 А дружба погребла .

---

(1) Онъ упонулъ въ Невѣ.

С М Ъ С Ъ.

С а т и р ы

	Спран.
Чужой полкъ. - - -	53
Сокращенной переводъ Ювеналовой сатиры о Благородствѣ. - - -	59
Примѣчанія къ Ювеналовой Сатирѣ. -	68

*

Эпиграммы. - - -	69
Планъ Трагедіи съ хорами. -	73
Триссошинъ и Вадіусъ. -	76

П о с л а н і я.

I. Оиѣ Англійскаго Стихотворца Попа къ Доктору Арбушношу. - -	81
II. Къ Г. Р. Державину, по случаю кон- чины первой супруги его. -	99
III. Къ Н. М. Карамзину. - -	101
IV. Къ Графу Николаю Петровичу Румянцову.	105
V. Къ друзьямъ моимъ, по случаю перваго съ ними свиданія послѣ моей описавки.	107

Н а д л и с и.

1. Къ портрету Ивана Ивановича Шувалова.	110
2. Князя Италійскаго. - - -	-
3. Къ его же портрету. - - -	-
4. Къ бронзовой статуѣ Фельдмаршала Графа Румянцова - Задунайскаго, посвященной Графомъ Завадовскимъ въ его деревнѣ.	111

СОДЕРЖАНІЕ

Первой Части.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Ермакъ. - - - - -	7
Освобожденіе Москвы. - - - - -	14
Къ Волгѣ. - - - - -	20
Смерть Князя Пошешкина. - - - - -	24
Гласъ Пашіюша, на взятіе Варшавы. - - - - -	28
Спихи на Высокомонаршую милость, оказанную Императоромъ Павломъ Первымъ пошомспиву Ломоносова. - - - - -	31
Пѣснь на день коронованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. - - - - -	33
Гимнъ Богу. - - - - -	36
Размышленіе по случаю грома. - - - - -	38
Преложеніе 49 Псалма. - - - - -	40
Къ Гавріилу Романовичу Державину. - - - - -	42
Подражанія Горацию : Ода VII изъ книги II. - - - - -	44
Ода III изъ I книги. - - - - -	47
Ода I изъ III книги. - - - - -	49

5. Къ памятнику мореходца Шелехова.	-	111
6. Къ портрету древняго Рускаго Историка Неспора.	- - - -	112
7. Михайлы Матвѣевича Хераскова.	-	—
8. Гаврилы Романовича Державина.	-	—
9. Н * * А * * Бекешова.	-	113

Н а д е р о б і я.

I и II. Петру Дмишріевичу Ерапкину, быв- шему Московскому Градоначальнику.	-	114
III и IV. Матери и сыну.	-	115
V. В — И — С.	-	—
VI. И. Ѳ. Богдановичу, Автору Душещки.	-	116
VII. Ему же.	-	—
VIII. Ему же.	-	—
IX. Ѳ — М — Д.	-	117
X. В — Г — В.	-	—
Списки, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова, въ Прасковью Иванову Мятлеву,	- - -	118

СОЧИНЕНІЯ
ДМИТРИЕВА
Часть II.

Москва.

1810 Гола.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Император-
скаго Московскаго Университета.

СОЧИНЕНІЯ

ДМИТРИЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе первое.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи.

1810.

С М Ъ С Ъ.

То гряды, не стыдясь, самъ заступомъ копаю ;
 А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю ;
 Иль весело бѣгу, съ барашкомъ на рукахъ,
 Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ.

Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные
 Всегодно приношу на олтари святые :
 Палесъ жертвую домашнимъ молокомъ,
 Помонъ каждымъ вновь родившимся плодомъ ;
 А предъ тобой всегда, Церера златовласа,
 Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа.
 О Лары ! нѣкогда я въ жертву приносилъ
 Прекрасныхъ вамъ тельцовъ, тогда . . . богатъ
 я былъ !

А нынѣ и овна считаю важнымъ даромъ.
 Но я и въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
 Любимаго изъ нихъ закланію предаю ;
 Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
 При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
 Просящей отъ Небесъ вина, иль жатвы зрѣлой !
 Услышите, боги, нашъ сердечный, кроткій гласъ,
 И скудные дары не презрите отъ насъ !
 Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный,
 Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу ;
 Безпечно дней моихъ остатокъ провожу ;
 Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
 Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
 Которая меня прохладою даритъ.
 Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шумитъ :

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ.

Пускай кто многими землями обладаетъ,
Въ день копишь золото, а въ ночь недосыпаешьъ,
Спращася и во снѣ военныя трубы:
Тибуллъ унизилсябъ, желавъ его судьбы;
Тибуллъ въ убожествѣ, не знаешь . . . . но доволенъ,
Когда онъ въ хижинкѣ своей, спокоенъ, воленъ,
Живешь съ надеждою, съ любовію, въ проемѣ,
И полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу, и дѣлаю; то въ скромномъ огородѣ
Душисты рву цвѣты и гимнъ пою Природѣ;
То шопки по шнуру прямая провожу,
То за прививками молодыхъ деревъ хожу,

Еще, готовясь на вѣчную разлуку,
 Дрожащею рукой сожмешь твою онѣ руку,
 Вдохнешь . . . и на твоей груди испустишь духъ.
 О Делія! душа души моей и другъ!
 Ужель на мой косперъ ни слезки не уронишь?
 Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
 Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
 Желаютъ моему подобнаго конца.

Изчезни грустная мысль! что будетъ, не
 минуетъ:

Почтожь душа моя до времени тоскуетъ?
 Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ;
 Еще я крѣпокъ, здоровъ, по благости боговъ;
 Не унывай, Тибуллъ, и пользуйся годами!
 Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами,
 И посвящи любви сей быстрый жизни часъ,
 Въ который жаркій споръ ушѣхою для насъ
 И смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ герой-
 ства,
 Опважность и любовь, то молодости свойства.
 Начальствую ль, какъ вождь, иль самъ я предвожидъ,
 Равно я въ сей войнѣ великъ, неутомимъ;
 Сверни же предо мной знамена, Марсъ кровавый!
 И не прельщай меня безсмертной въ мірѣ славой;
 Готовъ трофеи ты съ увѣчемъ для другихъ:
 Предъ ними всѣ вѣнцы! я счастливъ и безъ нихъ;
 Богатства не хочу, а нужное имѣю,
 И что всего милѣй — я Деліей владѣю!

Я слушаю его, по малу погружаюсь
 Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
 Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой,
 Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
 Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
 Пускай Мессалъ льстятъ оружія успѣхи,
 Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
 Пускай, подъ лаврами на гордомъ онъ конѣ,
 Съ полками плѣнниковъ, при плескахъ въ Римѣ
 вступаешь

И славы своея лучами поражаетъ;
 А я . . . пускай онъ всѣхъ остануся забвенъ!
 Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ;
 Но Делія возбѣ не огорчу разлукой;
 Одна ея слеза былабъ мнѣ тяжкой мукой.
 Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ;
 Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ:
 Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
 Съ тобою онъ гонимъ бытъ зноемъ пожигаемъ
 И ночи на сырой землѣ препровождать.
 Ахъ! можетъ ли покой и одръ богашій дать
 Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?
 О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою;
 Одинъ твой на меня умильный, спрашивъ взглядъ,
 Безцѣнный всѣхъ честей, триумфовъ и наградъ!

Но все пройдетъ . . . увы! и Делія не станетъ!
 Бытъ можетъ . . . и ты! пускай твой прежде
 другъ увянетъ,
 Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
 Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;

Жалѣла для цѣловъ своихъ Аврора слезъ?
 Нѣтъ! міръ свидѣтель въ томъ, что жилили небесъ
 И худо и добро, все сыплютъ къ намъ безъ мѣры.

А ты, совѣстница Венеры,
 Которой сынъ ея вручилъ такую власъь,
 Что взглядомъ можешь въ насъ рождать без-
 смертну спрасъь,
 Ты, Лиза, ты теперь . . . ахъ! можешь ли по-
 статься?

Ты хочешь хладной быть и съ богомъ симъ счи-
 таться!

Жестокая! скажи, считалъ ли я хоть разъ,
 Сколь много пролилъ слезъ опчаянья изъ глазъ;
 Сколь часто, посреди восторговъ и желаній,
 Я сердце надрывалъ отъ вздоховъ и стenanій?
 Сочти всѣ горести, стѣснявшія мнѣ грудь,
 И послѣ ты сама судьбою нашимъ будь.

Но, нѣтъ! смѣшаемъ все, и радости и муки;
 Пади, Любезная, пади въ мои ны руки!
 Позволь, чшобъ я тебя безъ счета цѣловалъ
 За столько, столько слезъ . . . которыхъ не счи-
 талъ.

С Ч Е Т Ъ П О Ц Ъ Л У Е В Ъ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самомъ полѣ,
Подъ тѣнью эпихъ листвъ, ты слово мнѣ дала
Сто поцѣлуевъ дать; но только сто, не болѣ.
Ахъ, Лиза! видно ты вѣкъ страстной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму — всё будетъ мало
Для сердца, что къ тебѣ любовью воспылало!
Послушай, Лизанька: который изъ боговъ
На расточеніе былъ скупъ своихъ даровъ?
Благотворить, не зная предѣловъ, вотъ ихъ мѣра!

Считала ли Церера

Всѣ класы, коими она

Чело Природы украшаетъ,

Когда ее обогащаетъ?

И Флора милая, съ которой ты сходна

Пріятностью, красою,

Не щедроюль, снажи, рукою

Кидаешь на землю душистые цвѣты?

Иль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефира ты:

Онъ вѣчно росписи не знаетъ

Всѣмъ розамъ, кои здѣсь въ кусточкахъ лобызаетъ.

По каплямъ падаетъ небесная вода

Для осыбженія полей, луговъ отъ зною?

Не правда ли, что иногда

Юпитеръ летъ ее рѣкою?

СИЛА ЛЮБВИ.

Кто въ страсти не ревнивъ? И можно ли дивиться ,

Что сердце, плѣнное тобой, всего страшится,
И думаетъ, что ты, душа души моей,
Не меньше, какъ и мы, мила Природѣ всей?
Такъ! все въ Природѣ духъ мой ревностью смущаетъ:
И солнце, кажется, ярчѣй къ тебѣ пылаетъ;
Нѣжнѣе, чѣмъ другихъ, и рѣзвый вѣтерокъ
Касается тебя сквозь флеровой плапокъ;
И даже воздухъ шепъ — пускай всю слабость
знаешь —

Который ты съ своимъ дыханіемъ мѣшаешь,
И воздухъ, словомъ — все, мы кажется, со мной
Прельщается тобой!

П Р И З Н А Н И Е.

Темира! виноватъ; ты точно отгадала.

Прости! всё лгалъ передъ тобой;

Любовь моя къ другой,

А не къ тебѣ пылала;

Другою день отъ дня,

Часъ отъ часу прельщался болѣ;

Другой по всѣмъ мѣстамъ искалъ я по неволѣ,

Жестокости ея кляня.

Равно и въ пѣсняхъ нѣтъ ни слова,

Которое бы я отъ сердца написалъ:

„Прелестная! мой богъ! жестокая! сурова!“

Всѣмъ этимъ я себя для рѣшмы называлъ.

Такъ точно; я вздыхалъ, лилъ слезы предъ тобою,

А въ сердцѣ занявъ былъ тогда совсѣмъ другою.

Да что въ тебѣ и есть? Согласенъ . . . . милый
взглядъ . . . .

Оптимъной бѣлизны зубовъ прекрасныхъ рядъ . . .

Густые волосы — какихъ конечно мало:

Для шрековъ бы Грацій ихъ достало;

Двѣ ямки на щекахъ, вмѣстилище заразъ;

Любезность, умъ — и всё туть было —

Пустое, чтобъ кому изъ насъ

Все это голову вскружило!

ГОРЛИЦА и ПРОХОЖІЙ.

П р о х о ж і й,

Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?

Г о р л и ц а.

Тоскую по моемъ дружочкѣ.

П р о х о ж і й.

Не ужель онъ тебѣ невѣрный измѣнилъ?

Г о р л и ц а.

Ахъ, нѣтъ! стрѣлокъ его убилъ.

П р о х о ж і й.

Несчастливая! спрашисъ и ты его руки!

Г о р л и ц а.

Что нужды! вѣдь умружь съ тоски.

Э Л Е Г І Я.

Коль надежду изтребила
Въ спрасномъ сердцѣ ты моемъ :
Хоть вздохни, пиранка мила ,
Ты изъ жалости по немъ !
Дай хоть эту мнѣ опраду ,
Чшобъ я жизнь мою влачилъ ,
Бывъ увѣренъ , что въ награду
Я щобой жалѣемъ былъ !

Естьлибъ въ нашей было волѣ
И любить и не любить :
Сталъ ли бъ я въ злосчастной долѣ
Пошаенно слезы лишь ?
Нѣтъ ! на ту , котора къ гробу
Веселясь мнѣ кажетъ пушь ,
За ея жестокость , злобу ,
Не хотѣлъ бы и взглянуть .

Но любовь непоспжима !
Будь злодѣйкою моею —
Будешь всё боготворима ,
Будешь сердцу всѣхъ милѣй !
О жестокая ! ... любезна !
Смѣйся , смѣйся , что терплю !
Я достоинъ — участь слезна !
Презрѣнъ , спражду , и ... люблю !

П Ъ С Н И.

I.

Видѣлъ славный я Дворецъ
Нашей Матушки - Царицы,
Видѣлъ я Ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ обѣщаньяхъ твоихъ
Меньше ль счастливъ я Владыки?

Царь одинъ веселій часъ
Миліономъ покупаетъ;
А Природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

СПОРЪ на ОЛИМПЪ.

Ю л и л е р ъ.

Прочь, слабое дышя! не будь въ моихъ очахъ;
Иль гряну громомъ, и ты прахъ!

А м у р ъ.

Для лука моего Перунъ твой не опасенъ:
Дышя, какъ я, и самъ ужасенъ!

Ю л и л е р ъ.

Надмѣнный! видишь ли Гигантовъ жребій злой,
Попранныхъ громовой стрѣлой?

А м у р ъ.

А ты, гремѣщій богъ! взгляни на прелесть Леды —
И будь же лебедь, въ знакъ побѣды.

II.

О любезный ! о мой милой !
 Гдѣ ты власть небесну взялъ ?
 Ты своей волшебной силой
 Нову жизнь и душу далъ.

Прочь печали и напасти !
 Прочь заботы ! — васъ ужъ нѣтъ.
 Покоряя нѣжной спрасши,
 Я гляжу на новый свѣтъ.

Всѣ въ немъ лучше, веселѣе,
 Всѣ объ миломъ говорятъ :
 Даже солнышко свѣтлѣе
 Для меня теперъ горитъ ;

Даже я сама кажуся,
 Милый, лучше отъ тебя :
 Величаюся, горжуся,
 Больше чувствую себя ;

Лучше, кажешся, играю
 И пріятнѣе пою :
 Все мнѣ рай и всемъ питаю
 Спращь, любовь къ тебѣ мою,

Спращь, на вѣки воспаленну —
 Что скажу я наконецъ ? . . .
 Ты украсилъ всю вселенну,
 Ты мой ангелъ, мой творецъ !

Пусть пѣвцы не будутъ плестъ
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ:
Ахъ! сравню ли я ихъ лесъ
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмишажъ мой — огородъ;
Скипетръ — посохъ; а Лизеша
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣща!

IV.

Юность ! юность ! веселися ,
 Веселись , пока цвѣтешь .
 Пой , пляши , люби , рѣзвися !
 Ахъ ! и ты какъ тѣнь прейдешь !

Други ! машери - Природы
 Слышите ль пріятный гласъ ?
 Составляйте жь хороводы ,
 Пойте , вашъ доколѣ часъ .

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ ;
 Пролетя , не придутъ вновь !
 Дайте руку играмъ , смѣхамъ ,
 Призовите и любовь .

А пѣвца , который съ вами
 Ужъ рѣзвисься усшарѣлъ ,
 Увѣнчайте хоть цвѣтами ,
 Чшобъ еще онъ вамъ пропѣлъ .

Юность ! юность ! веселися ,
 Веселись , пока цвѣтешь ;
 Пой , пляши , люби , рѣзвися !
 Ахъ ! и ты какъ тѣнь пройдешь !

III.

Други ! время скорошечно ,
 И не видишь , какъ лешитъ !
 Молодыми быть не вѣчно ;
 Старость въ мигъ насъ поѣшитъ .
 Что же дѣлать ? такъ и быть !
 Въ ожиданьи будемъ пить .

Пусть аракъ ума убавитъ
 Между насъ у оспряковъ !
 Онъ сердца за то заставитъ
 Говорить безъ колкихъ словъ .
 Лучшій способъ дружно жить :
 Меньше вражь , а больше пить .

Посмотрите , какъ уныла
 Вся Природа на земли :
 Осень рощи обнажила ,
 Ахъ ! и розы опцѣбли .
 Какъ же грусть намъ усладить ?
 Чаше пуншъ съ аракомъ пить .

О аракъ , аракъ чудесный !
 Ты весну намъ возвратилъ ;
 Ты согрѣлъ , какъ Май прелестный ,
 Щеки розами покрылъ .
 Чемъ же намъ тебя почтить ?
 Вдвое , вшрое больше пить .

Всё , всё посылало въ міръ !
И персты ужь мои
Не движутся на лирѣ ,
Лишь слезѣ текутъ струи. —
Престань же пѣть , несчастный !
И лиру ты разбей ;
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей.

V.

Безъ друга и безъ милой
 Брожу я по лугамъ;
 Брожу съ душой унылой
 Одиѣ по берегамъ.
 Тамъ шѣ же всё встрѣчаю
 Куспочки и цвѣтки;
 Но, ахъ! не облегчаю
 Ни чемъ моей шоски!

Срываю я цвѣточикъ,
 И въ мысляхъ говорю:
 Кому сплести вѣночикъ?
 Кого имъ подарю?
 Со вздохомъ шутъ вапшя
 Изъ сердца слезный токъ,
 И изъ руки вапшя
 Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена счастливы,
 Бывало, въ жаркой день,
 Развѣсисшыя ивы!
 Иду я въ вамъ подъ шѣнь.
 Пошлете ль днесъ ошраду
 Вы сердцу моему?
 Ахъ! сладко и прохладу
 Вкушать не одному!

VII.

Бѣдно сердце ! какъ рѣшишься :
 Забыватьъ , или любить ?
 Но любя ея , крушишься ,
 Безъ отрады слезы лишь ,
 Вѣчно мучишься , томишься ! . . .
 Даромъ , даромъ , говоришь ,
 И любишь ея велишь .

Ахъ ! люблю ея , пылаю !
 Разумъ , душу , милый взглядъ ,
 Все въ ней , всё я обожаю —
 Но къ себѣ я вижу хладъ ! . . .
 Полно , полно . . . . забываю !
 Разумъ ! ты меня вѣпишь ,
 И забываешь ея велишь .

Позабуду ! — Но доколѣ ? —
 Ахъ ! пока не встрѣчусь съ ней ;
 Я опять тогда въ неволѣ
 Милыхъ мнѣ ея цѣпей .
 Грустно , грустно бышь въ сей долѣ !
 Грустно ! сердце , ты швердишь ,
 А любишь ея велишь .

VI.

Тише , ласпочка болтлива !
 Тише , тише ; полно пѣшь !
 Ты съ зарею вновь счастлива ,
 Ахъ ! а мнѣ пришло терпѣшь.
 Я расстаюсь долженъ съ милой
 На зарѣ , къ моимъ слезамъ . . . .
 О луна ! швой свѣтъ унылой
 Краше солнышка былъ намъ !

Тише , ласпочка болтлива !
 Тише , тише ; полно пѣшь !
 Ты съ зарею вновь счастлива ,
 Ахъ ! а мнѣ пришло терпѣшь.
 Знаешь и сонная мечтала
 О любви ты своей :
 Ты къ утѣхамъ рано всшла ,
 А я къ горести моей !

Тише , ласпочка болтлива !
 Тише , тише ; полно пѣшь !
 Ты съ зарею вновь счастлива ,
 Ахъ ! а мнѣ пришло терпѣшь.
 О когда бъ и ты имѣла
 Участъ равную со мной :
 Тыбъ молчала и не пѣла ,
 И встрѣчала день съ шоской.

IX.

Пой , скачи , кружись , Параша !
 Руки вѣ боки подпирай !
 Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
 Ай , ай , ай , жги ! (1) припѣвай.

Милѣ , любезенѣ василѣчикѣ :
 Рви , доколѣ онѣ цвѣтешѣ ;
 Солнце зайдетѣ , и цвѣшочикѣ ,
 Ахѣ ! увянетѣ , опадетѣ !

Пой , скачи , кружись , Параша !
 Руки вѣ боки подпирай !
 Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
 Ай , ай , ай , жги ! припѣвай.

Соловей не умолкаетѣ ,
 Свищетѣ сѣ утра до утра :
 Другу милому , онѣ знаетѣ ,
 Пѣшь одна вѣ году пора.

Пой , скачи , кружись , Параша !
 Руки вѣ боки подпирай !
 Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
 Ай , ай , ай , жги ! припѣвай.

Кшо , бывѣ молодѣ , не смѣлся ,
 Не плясалѣ и не пѣвалѣ ,
 Тотѣ ни чѣмѣ не наслаждался ;
 Вѣ жизни не жилѣ , а дышалѣ.

---

(1) Извѣстный припѣвъ одной изѣ Цыганскихѣ пѣсенѣ.

VIII.

Ахъ , когда бѣ , я прежде знала ,
 Что любовь рождаетъ бѣды :
 Веселясь бы не встрѣчала
 Полнощныя звѣзды !
 Не лила бѣ отъ всѣхъ украдкой
 Золошова я кольца ;
 Не была бѣ въ надеждѣ сладкой
 Видѣть милаго льстеца !

Къ удаленію удара
 Въ люшой , злой моей судьбѣ ,
 Я слила бѣ изъ воска яра
 Легки крылошки себѣ ,
 И изъ родину вспорхнула
 Мила друга моего ;
 Нѣжно , нѣжно бы взглянула
 Кошъ однажды на него ;

А потомъ бы улѣтѣла
 Со слезами и шоской ;
 Подгорюнившись бы сбѣла
 На дорогѣ я большой ;
 Возрыдала бѣ , возопила :
 Добры люди ! какъ мнѣ бытъ ?
 Я невѣрнаго любила . . .
 Научите не любить .

XI.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
 Не слыхашъ швоихъ рѣчей;
 Всѣ вздыхаешь! а бывало
 Ты поешь какъ соловей.

„Съ милымъ пѣла, говорила,
 А безъ милова грущу;
 По неволѣ приуныла:
 Гдѣ я милова сыщу?“

Развѣ милова другова
 Не найдешь изъ пастушковъ?
 Выбирай себѣ любова,
 Всякъ тебя любишь гошовъ.

„Хотѣ Царевичъ мной прельсшился,
 Всѣ я буду горевать!
 Сердце съ сердцемъ подружится:
 Ужъ не власно выбирать.“

X.

Куда мнѣ, сердце страшно,
Куда съ тобой бѣжать?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняють,
Что я всегда унылъ:
Увы! они не знаютъ,
Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ
И я рѣзвась игралъ;
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ!

О грустно воспоминае!
Не медлимъ ни часа,
Пойдемъ сокрыть снѣжанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Никто не укоритъ;
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать;
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

XIII.

Всѣ ли, милая паспушка,
Все ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело ихъ разрывать!

Ахъ! по мнѣ и въ чужѣ больно
Видѣшь горестъ паспушка!
Любишь милое невольно;
Любишь прямо — не слегка!

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моею:
Я съ Филлидой и въ разлукѣ,
А она мнѣ всѣхъ милѣй.

XII.

Всѣхъ цвѣтчиковъ болѣ
 Розу я любилъ;
 Ею только въ полѣ
 Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
 Миѣ она была;
 Съ каждымъ днемъ алѣе,
 • Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
 Всякъ надежду кинь;
 Къ розѣ, какъ нарочно,
 Привилась полынъ.

Роза не увяла —
 Тотъ же самый цвѣтъ;
 Но не та ужь стала!
 Аромата нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
 Эшотъ намъ урокъ!
 Сколь, увы! опасенъ
 Для красы порокъ!

Плечемъ, стонемъ, сердцемъ ное,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но . . . увы! прелестна Хлоя! . . .
Не проснешся милый другъ!

XIV.

Стонетъ сизый голубчикъ,
 Стонетъ онъ и день и ночь;
 Миленькой его дружочикъ
 Оплетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ,
 И пшенички не клюетъ;
 Всѣ поскуетъ, всѣ поскуетъ,
 И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
 Перепорхиваетъ онъ,
 И подружку дорогую
 Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее . . . . увы! но тщетно;
 Знать судилъ ему такъ рокъ!
 Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
 Спρασшный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко правкѣ прилетаетъ,
 Носикъ въ перья завернулъ;
 Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ;
 Голубокъ — на вѣкѣ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
 Приунывъ издалека —
 Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
 Будишь, будишь голубка;

С Т А Н С Ы.

Къ Н. М. Карамзину.

~~~~~  
„Прочь отъ насъ Кашонъ, Сенека,  
Прочь угрюмый Эпиктетъ!  
Безъ утѣхъ для человека  
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ.  
Счастливъ тотъ, кошорый въ ней  
Пусть цвѣтами устилаетъ,  
Не предвидя грозныхъ дней!“

Такъ мою настроя лиру  
И призвавъ одну изъ Музъ,  
Дружбу, сердце и Темиру  
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ, не думая о славѣ,  
Не искавъ ни чьихъ похвалъ:  
Лишь друзей моихъ къ забавѣ  
Лиру я съ стѣны снималъ.

Всё въ глазахъ моихъ играло,  
Я въ волшебной былъ странѣ!  
Солнце ярче лучъ бросало  
И казалось Фебомъ мнѣ.

КЪ О. М. Д. \* \* \*

Сочинившему голосъ на лѣсню мою: Голубокъ.

~~~~~  
Нѣжный ученикъ Орфея!
Сколь меня ты одолжилъ!
Ты, смычкомъ его владѣя,
Голубка мнѣ возвратилъ.

Бѣдный, сизый голубчикъ
Долго всѣми былъ забвенъ;
Лишь друзей моихъ вѣночикъ
Голубку былъ посвященъ.

Вдругъ навѣяли Зефиры,
Гдѣ лежалъ онъ, на лужокъ,
Звукъ швоей волшебной лиры —
И воскреснулъ голубокъ!

Онъ вспорхнулъ, и очутился
Милой Граціи въ рукахъ:
На клавиръ ея спустился
И запрыгалъ на струнахъ.

Я глядѣлъ и сомнѣвался,
Точно ль онъ передо мной?
Мнѣ пригожѣй показался
И милѣй голубчикъ мой!

~~~~~

О любимый сынъ Природы,
Нѣжный, милый нашъ Пѣвецъ!
Скоро ль отческія воды
Насъ увидяшъ наконецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ брашской хоръ?

Съ нами тоже, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ! уклонимсяжь хоть лѣтомъ (*)
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: „древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ,
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ!

„Было время, что играли
Здѣсь подъ тѣнью мы густой —
Вы цвѣщете . . . мы увяли!
Дайте старости покой.“

(*) Т. е. въ лѣто жизни нашей.

Вижу ль розовой листочикъ :
Онъ меня ошановилъ ;
То Зефиръ, не вѣтерочикъ,
Крылышкомъ его сронилъ.

Въ рощѣ ль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья :
Сердце въ мигъ во мнѣ забьется —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю,
И доволенъ, что грущу ! —
Но почему я вспоминаю
То, чего ужъ не сыщу ?

Утро дней моихъ зашмилось,
И опять не разцвѣтешъ ;
Сердце съ счастьемъ проšloсь
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ Музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ какъ незнакомецъ,
И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
Прежній жаръ въ моей крови ;
А ужъ Граціямъ не смѣю
Воспѣвать я о любви.

Осужденъ, къ несносной скукѣ,
Грусть въ самомъ себѣ шайтъ —
Ахъ! и съ другомъ бытъ въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лишь ! . . .

Можешъ бышь, вѣ сію минушу,
Милый другъ, всесильный рокъ
Посылаетъ Парку люшу
Дней моихъ прервати токъ.

Ахъ! почто же медлишь болѣ
И съ поскою ждешь конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются вѣ насъ еще сердца:

Н А С Л А Ж Д Е Н І Е.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ —
Лавры! васъ я не ищу;
Я и миршочкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь Герой вселенной страхъ:
Раноль, поздно ли, Темира!
Всякъ испавѣтъ, будешъ прахъ.

Розыль дышущъ надъ могилой,
Иль полынь на ней растешъ:
Всё равно, о другъ мой милой!
Въ прахъ чувства въ ужь нѣтъ.

Прочь же скука! прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Б Ы Л Ь.

Даруй мнѣ, Муза, шонѣ согласный
Съ уныніемъ души моей;
А ты, о добрый, иль несчастный!
Склони свой слухъ и пожалѣй.

Дамонъ недавно былъ душою,
Ушѣхой въ дружескихъ пирахъ:
Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онъ взоромъ гналъ печаль и скуку,
Устами радость сообщалъ;
Друзьямъ своимъ давая руку,
Тогдажъ и сердце отдавалъ.

Вчера, при мѣсячномъ сіяньѣ,
Друзьямъ, прощаясь, говорилъ:
„Какъ грустно съ вами расставанье!“
И взоръ на нихъ остановилъ.

С Т А Н С Ы.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ;
О возрастѣ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не
вѣчной?

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
Дождуся ли опять столь сладостныхъ мечтаній?

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Кларисы взглядъ меня живошворилъ:
Однѣ желанія ужь были наслажденья!

Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь! Какъ я тогда любилъ!
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:

Я счастливъ былъ.

СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.

Баллада.

Какъ мило жили въ сшарину!
Бывало, въ перемахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ,
Пѣвцы поюшъ любовь, войну,
Любви и храбросши побѣды. . . .
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
И пѣнье смолкло въ перемахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ сшарину пѣвцы любили.
Бывало и меня хвалили!
Напомнимъ молодость свою.
Жилъ былъ когда-то Вождь великой
Съ своею дочкой Милоликой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояра, Вишязи, Князья
Вкругъ Милолики увивались;
Но щещно счастьемъ ласкались:
Никто не могъ пронуть ея,
Никто, кромѣ пѣвца млада!
Она шайлась — онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Бьетъ часъ, попомъ — и вѣсть несется,
 Печальна вѣсть: *Дамона нѣтъ!*
 Въ Дамонѣ сердце ужь не бьется,
 Изчезнулъ вмигъ весенній цвѣтъ.

Тутъ въ первый разъ еще познали
 Дамона къ Лизѣ жарку страсть:
 Онъ шаялъ, но увы! къ печали!
 Душъ прямо *нѣжныхъ* это часъ!

Ихъ слезы падаютъ на камень.
 Дамонъ, не могши потушить
 Снѣдавшій сердце лютый пламень,
 Рѣшился . . . самъ себя убить.

М Е Л А Н Х О Л И К Ъ.

Романсъ , подражаніе Французскому.

Какъ сынъ проклятія скишаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ ;
Уйми отъ горести стараюсь ,
Но горестъ всюду по слѣдамъ.
Увы ! лишь вспомню спроси несчастну. . .
Прости мой умъ ! прости покой !
Я вижу фурію ужасну !
Бѣгу ее — она за мной.

Всю молодость провелъ въ стенаньи ;
Состарѣлся , а все влачу
Любови цѣпь въ шокѣ , въ изгнаньи ,
И щещно смерти я хочу !
„Сступай далеко ! мнѣ сказали ,
Тамъ знаютъ жалость.“ — Чшожъ ? и тамъ
Безумца лишь во мнѣ искали ,
Смѣялись бѣднаго слезамъ !

О дѣши счастья ! грѣхъ смѣялся :
Я безъ ума , но я вашъ братъ ;

Пѣвецъ всѣдневно по утрамъ,
 Подъ тѣнію густой березы,
 Пѣлъ о любви своей сквозь слезы,
 Бряцая лиры по струнамъ;
 Душа изъ устъ его летѣла! —
 Онъ пѣлъ, а Милолика мѣла
 И воздыхала у окна.

Узналъ о страсти ихъ отецъ,
 И гордость въ немъ вострепещала:
 „Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
 О стыдъ! кто милъ тебѣ? . . . пѣвецъ!“
 Сказалъ, и въ теремъ запираетъ.
 Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
 Что знашность! сердцу всѣ равны.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
 И день и ночь на томной лирѣ
 Бряцаетъ: „Нѣтъ мнѣ счастья въ мірѣ!
 Наспалъ опрадамъ всѣмъ конецъ!
 Увижусь ли еще я съ милой?
 Выемли, о Небо! вопль унылой,
 Отдай ее, иль смерть пошли!“

Поетъ онъ день, поетъ другой,
 На третій — упренне свѣтило
 Несчастну жертву озарило:
 Отецъ изводитъ дочь съ собой;
 Она — едва на ступи въглянула,
 Увы! . . . въ послѣдній разъ вздохнула.
 Красавицы! пѣснь эта была.

Л Ю Д Ъ М И Л А.

И д и л л ѣ .

С т а р и к ъ .

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

П а с т у ш к а .

Я, дѣдушка; со стороны,

Иду до ближняго селенья

На праздникъ красныя весны.

С т а р и к ъ .

Чего же ищешь ты подъ тѣнью кусточковъ?

П а с т у ш к а .

Богатой лѣнны нѣтъ, такъ я ищу цвѣточковъ,

Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой нарядъ:

Тамъ есть красавица Людмила, говорящъ.

С т а р и к ъ .

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людмилы?

П а с т у ш к а .

Не вѣдаю. . . .

С т а р и к ъ .

Ты рвешь цвѣты — съ нея могилы.

Что мы предвидимъ ? Можетъ сшатся ,
Несчастнѣй будете шократъ .
Страшитесь любви опасной ,
И пожалѣйте вы о томъ ,
Кто розою плѣнясь прекрасной ,
Былъ уязвленъ ея шипомъ .

В а й н а.

Онѣ цѣловалѣ меня и въ очи и въ уста;
 Спалѣ на груди моей... онѣ въ сердцѣ и понынѣ.

А м л а н а н и.

Довольно: я хочу покорствовать судьбинѣ;
 Но, Вайна! вошѣ покровѣ: сокрой имѣ отѣ меня
 Ты прелести свои.

В а й н а.

Пускай пойду спеня
 Дражайшаго искашѣ средѣ труповѣ убиенныхѣ,
 Или скинешься съ нимѣ въ пустыняхѣ отдален-
 ныхѣ.

А м л а н а н и.

Сступай, куда тебя звѣзда швоя ведетѣ;
 Да будетѣ милая хранима Небесами!
 Да проклятѣ тотѣ, кому желаніе придетѣ
 Похишишь поцѣлуй, усступленный съ слезами!

МАДЕКАССКАЯ ПЛѢННИЦА.

А м л а н а н и.

Младая плѣнница! не проклинай войну;
Забудь обещанство: не ты, но я въ плѣну;
Твой взоръ мнѣ столькожъ милъ, какъ первый лучъ
денницы.

Но что! ты слезы льешь сквозь длинныя ресницы?

В а й н а.

Жаль друга, Государь!

А м л а н а н и.

А гдѣ же онъ?

В а й н а.

Убитъ,

Иль, можетъ быть, въ сію минушу онъ бѣжитъ.

А м л а н а н и.

Я замѣню его.

В а й н а.

Ахъ! другу нѣтъ замѣны!

Зри слезы, Царь, мои.

А м л а н а н и.

Онъ мнѣ драгоценны!

Что хочешь ты сказать, небесна красота?

То есть, какъ ночь на всю Природу
 Накинешь флеровый капакъ —
 Съ восторгомъ я въ тебя вступаю,
 И какъ могучій чародѣй
 Нашурою повелѣваю:
 Хочу, и зрю толпу людей,
 За *тридцать* земель лежавшихъ
 Два вѣка въ мать-сырой землѣ,
 Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
 Глазѣ моимъ въ прозрачной мглѣ.
 Вдохну, и вижу я Темиру,
 Въ ея объятія лечу,
 И въ потѣже мигъ, наладя лиру,
 Что придетъ на сердце, брянчу.
 Еще вдохну, и вмигъ предстанетъ
 Покрытый муравою лугъ;
 Съ улыбкой нѣжной солнце взглянешь,
 Вспорхнетъ Зефиръ, явится другъ
 Съ своею арфой сладкогласной,
 И Маю возгласитъ на ней:
 „Слѣши, слѣши, о Май прекрасной,
 Любезный вождь весеннихъ дней!
 Дохни къ намъ нѣжными устами,
 И ландышъ съ розой разцвѣшущъ;
 Тебя съ простертыми руками
 Прелестны Нимфы съ неба ждущъ.“ —

Но время, хоть никто не проситъ,
 На быстрыхъ крылахъ своихъ
 Мечты, ушѣхи всѣ уноситъ,
 И я почти лишенъ моихъ!

О Т Ъ Ъ З Д Ъ.

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и шы, волшебный край,
Въ кошоромъ Геніи крылаты
Казали мнѣ и въ дебряхъ рай;
Гдѣ я мечшами забавлялся,
Гдѣ люшый всѣхъ знобилъ морозъ;
А я лежалъ средь нѣжныхъ розъ,
И ароматомъ ихъ питался;
И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой;
Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
Казались мнѣ Гамадриадой;
А дьякъ, или и самъ судья,
Какой нибудь Цирцей жершвой.
Ахъ, какъ въ тебѣ былъ счастливъ я!
Бывало и живой и мершвой
Равно повиновались мнѣ,
И я, не выходя изъ дому,
Чудесилъ такъ, что врядъ другому
Увидѣшь даже и во снѣ.
Лишь мѣсяцъ ликъ успавитъ въ воду
И свѣтлу твердь застелетъ мракъ —

КАРРИКАТУРА.

Сними съ себя завѣсу,
Сбѣдая сшарина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты опкроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле;
Въ далижъ передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой въ калпакѣ,
Тряхъ, тряхъ, а индѣ рысью,
На сшаромъ рыжакѣ,

Въ изодранномъ колешѣ,
Съ кошомкой въ шорокахъ?
Палашъ его шяжелый,
Тащась, чершишъ песокъ.

Кто это? — Бывшій Вахмистръ
Шешминскаго полку,
Ошсшавку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣшъ.

Необходимою судьбою,
 Ахъ! скоро, скоро я съ побою
 Разстануся, волшебный міръ!
 Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ,
 И я уже на чистомъ полѣ
 Лечу на тройкѣ, какъ Зефиръ.
 Удалы мчатъ, закинувъ гризны,
 Земля бѣжитъ, и пыль столбомъ!
 Прощайте, дни мои счастливы!
 Прощай, опеческой мой домъ!
 Прощайте, Граціи и Музы!
 Увы! невольно сладки узы
 Я долженъ съ вами перервать . . .
 Прощай, прощай и ты, о Волга! —
 О Марсъ! о честь! о свяшность долга!
 Скачу, скачу . . . *маршировать.*

Но что онъ въ немъ находишь?
 Бголъ жилище то?
 Весь дворъ заглохъ въ крапивѣ!
 Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
 И на дверяхъ запоръ;
 Все тихо! — лишь на кроватѣ
 Мяучитъ шопчій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
 Идетъ, и въ дверь стучитъ —
 Никто не отвѣчаетъ,
 Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
 И дрожь его взяла;
 Побрелъ онъ, какъ сиротка,
 Находясь назадъ.

Но робкими ногами
 Спустился лишь съ крыльца,
 Холопъ его усердный
 Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
 И шопъ, и шопъ завылъ —
 „Терентъичъ! гдѣ хозяйка?“
 Помѣщикъ спросилъ.

Ужъ онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ міръ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ;

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

„Узнаетъ ли Груняша?

Ворчалъ онъ про себя;
Когда мы расставались,
Я былъ еще румянъ!“

„Спущай, рыжакъ, проворяй!“ —
И шпорою кольнулъ;
Решивый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужъ вишязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ —
И вотъ ужъ онъ въѣзжаетъ
На свой господскій дворъ.

„Вотъ пятый годъ въ исходѣ —
Охти намъ! — какъ обѣ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ канула на дно.“

Что дѣлать? какъ ни больно . . .
Но вѣчно ли шужить? —
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

Сей вишязь и понынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ Судьей.

„Охши, охши, бояринъ!
 Отвѣщивалъ старикъ:
 Охши!“ — и скорчась слезы
 Ушеръ своей полрой.

— Конечно въ домъ худо!
 Мой вишязъ возопилъ;
 Скажи, не дай поминься:
 Жива, иль нѣтъ жена? —

Терентъичъ продолжаетъ:
 „Хозяюшка швоя
 Жива, иль нѣтъ, Богъ знаетъ!
 Да здѣсь ее ужь нѣтъ.

„Пришло тебѣ, бояринъ,
 Всю правду объявить:
 Попуталъ грѣхъ лукавый
 Хозяюшку швою;

„Она держала пристань
 Недобрымъ молодцамъ;
 Одинъ изъ нихъ пойманъ,
 И на нее донесъ.

„Тотъ часъ ее схватили
 И въ городъ увезли;
 Что жь съ нею учинили,
 Узнашь мы не могли.

Побывалъ и я средъ боя!
Видѣлъ смерть не вдалекѣ:
Такъ не стыдно для покоя
Погуляшь и въ колпакѣ.

IV.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

НАДПИСИ къ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Глядите : вотъ Ефремъ , домовый нашъ маляръ !
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ ,
И кисть его всегда надъ смертными играла :
Архипа Сидоромъ , Кузьму Лукой писала.

II.

Какой ужасный , грозный видъ !
Мнѣ кажется , лишь скажетъ слово :
Законы , прокъ , все пасъ гошова. —
Не бойтесь ! онъ на дождь сердитъ.

III.

Смѣйшесь , смѣйшесь , что я щурю
Маленьки мои глаза.
Я ужъ видѣлъ , бранцы , бурю ,
И знакома мнѣ гроза ;

IV.

Подъ хладной кочкой сей Вралева хладный прахъ.
 Богъ съ нимъ! онъ былъ и самъ шакъ холоденъ въ
 стихахъ.

V.

Полѣвка спанъ его возили въ сей юдолъ!
 „И шолько?“ — А чего жь вамъ болѣ?

VI.

Прохожій, стой! во фруншъ! скинь шляпу и чишай:
 Я воинъ, граматы не зналъ за недосугомъ.
 На право кругомъ!
 Сступай!

Э П И Т А Ф И И.

I.

Здѣсь Бригадирѣ лежишь, умершій въ позднихъ лѣ-
тахъ.

Вотъ жребій нашъ каковъ!

Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ

Осталось: *выѣхалъ въ Ростовъ.*

II.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ

И вѣчныхъ за списки наградъ,

Родитель спишь здѣсь Фоліантовъ,

Умершій . . . послѣ чада.

III.

Уны! здѣсь погребенъ мой милый попугай.

Гдѣ красота, и гдѣ даръ слова?

Прохожій-говорунъ! вздохни объ немъ, и знай:

Онъ съ лишкомъ говорилъ, но не во вредъ другова.

К Е Н О Т А Ф І Я.

Покорствуя судебъ уставу,
Здѣсь нѣкшо положилъ опцовской шлемъ съ перомъ,
Мечъ предковъ, ихъ любовь къ опечеству и славу;
А самъ — на козлы сѣлъ и хлопаешъ бичомъ.

ЭПИТАФІЯ ЭПИТАФІЯМЪ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнишь эшотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
По утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Нѣтъ, Хлоя! не могу я спроси побѣдить;
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ахъ! ты даешь мнѣ умъ, воспаменяешь къ славѣ,
Разсѣваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
Годъ жизни я отдаю за эпоху райской часъ,
Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ
твою гласъ,
И часто мысль одна: увижу завтра Хлою —
Уже на цѣлый день веселья мнѣ виною.

II.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвести;
Но что къ тебѣ влечетъ? . . . Загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу, . . . а пріятна!
Тыбъ лучше быть могла; но лучше такъ, какъ есть.

ЭКСПРОМТЪ

на игру Г. Дица.

Что слышу, Дицъ! смычокъ, побой одушевленный,
Поешь и говоришь и движешь всѣхъ сердца!
О сынъ Гармоніи! достоинъ ты вѣнца,
И можешь презирать языкъ обыкновенный (1).

---

(1) Это сказано было въ то время, когда Г. Дицъ пересталъ говорить, но не переставалъ восхищаться своею скрипкою.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Что мнѣ объ ней сказать?
Къ другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать;
Но милую хвалишь, какъ ни хвали, всё мало!

II.

Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать;
Узнавши — будешь обожать.

III.

Вотъ мой тебѣ портретъ; сколь счастливъ бы я
былъ,

Когдабъ ты иногда сказала:
„Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала;
Но кто меня, какъ онъ, любилъ?“

IV.

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
„Мать дочери великъ трудъ его чинила.“

III.

Задумчивали ты, смѣешься, иль поешь,
О Хлоя милая! ты всею меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

КЪ ВЕНЕРИНОЙ СТАТУЪ.

~~~~~

И з ъ А н т о л о г і и.

Парисъ и Марсъ — о томъ ни слова —
И Адонисъ, когда хотѣлъ,
Меня видали безъ покроя;
Но какъ увидѣлъ Праксипелъ?

~~~~~

V.

Вошѣ милый всѣмѣ шворецѣ ! иль сердцемѣ , иль
умомѣ

Грозилѣ тебѣ онѣ плѣномѣ ;
Вѣ Аркадіи бѣ онѣ былѣ счастливымѣ паслушкомѣ ;
Вѣ Аѣинахѣ Демосѣеномѣ.

VI.

Янтарная заря , руганный неба цвѣтѣ ;
Тѣнь роши; вѣ ночь пошокѣ , сверкающій вѣ долиаѣ ;
Надѣ печкой соловей ; шри Граціи вѣ картинѣ —
Вошѣ все его добро , . . . и счастливѣ ! онѣ Поэтѣ.

НАДПИСИ КЪ АМУРУ.

I.

Открытъ, какъ истина; безъ крылъ, какъ по-
сшоянство;

Оружіе его въ невинности одной;

Дитя, но всѣхъ сердца онъ бралъ въ свое под-
данство —

Таковъ былъ, говорятъ, сынъ Лады въ вѣкъ златой!

Гдѣжь нынѣ онъ? Увы! намъ это неизвѣстно;

Мы только чтимъ его, и ищемъ повсемѣстно.

II.

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ!

Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ
твоимъ.

III.

Стрѣлай, о милый врагъ! въ два сердца, не въ одно;

А иначе, навѣкъ несчастливо оно.

Э П И Г Р А М М А.

О т л у д а ж ь.

Леандрѣ, въ послѣдній разѣ возникнувѣ изѣ валовѣ,
Молиаѣ взирающихѣ сквозѣ зарево боговѣ:

„О боги! боги! допустите
Взглянушѣ мнѣ на нее, и послаѣ пошлите!“

КЪ АЛЬБОМУ К. Н. И. К.

Что предъ соперницей Эраты наше пѣнье !
Она лишь голосомъ находитъ путь къ сердцамъ ;
Я лиру положу К. . . . къ ногамъ ,
И буду самъ внимать въ безмолвномъ восхищеньѣ.

КЪ АЛЬБОМУ Е*. С*. О. . . . й.

Поэту ль своего таланта не любить?
Какъ смертный осужденъ къ премьѣ повсечасной,
Онъ спадитъся, но всё принадлежитъ Прекрасной:
Не въ сердце, такъ въ ея альбомѣ будетъ жить!

С Л А Б О С Т Ь.

Мнѣ Хлоя сдѣлала рѣшишелейный отказѣ;
Вѣ досадѣ на нее и горести безмѣрной,
Вчера я говорилѣ: уже вѣ послѣдній разѣ
    Былѣ вѣ домѣ легковѣрной!
А нынѣ по ушпру, не знаю какѣ и самѣ,
    Опянь я шамѣ!

~~~~~

Н Ъ * * *,

которая жотѣла испортить часы.

~~~~~

Ахѣ, Лиза! мнѣ ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испоршить, изломать?
Тѣмѣ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучишься.

~~~~~

ЗАГАДКА.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а всё я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутивъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богашъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно.
Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:
У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сошны двѣ опцовъ представимъ,
И эшо не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

Н А С Л У Ч А И

полученія олѣ неизвѣстной Особѣ вышнелаго на канѣ Генія.

Нечаянный мнѣ даръ цѣлую съ нѣжнымъ чувствомъ!

Лестницѣ сердцу онѣ лавроваго вѣнца.

Ктожь та, кошорая руки своей искусствомъ

Почтила . . . вѣ старости счастливаго пѣвца ?

Не знаю, остаюсь среди недоумѣній !

Такъ будь же отъ меня ей имя : *добрый Геній.*

КЪ ПРІЯТЕЛЮ,

который, по сходству двухъ различныхъ
фамилій, часто принималъ одну вмѣсто
другой.

Два разныхъ, мой другъ, прозванья ты мѣшаешь
Людей, которые не сходствуютъ ни въ чемъ;
И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ:
Одинъ пріятель былъ Писатель,
Другой — ездилъ и читатель;
Одинъ стихи, другой лишь всеселъ писалъ;
Тотъ въ Панову свирѣлъ, а эшотъ въ банкъ игралъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начать до свѣта путь и ощупью идти,
На каждомъ шагѣ спотыкаться;
Къ полднѣмъ уже за шрѣть дороги перебраться;
Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
Но аьснить себя вдали какою - то мечтою;
Опомнѣсь, подѣ вечерѣ вздохнуть,
Искать приспанища къ покою,
Найти его, прилечь, и наконецъ уснуть. . . .
Чишаеми! загадки въ модѣ;
Хотите ль ключъ къ моей имѣть?
Все это значить въ переводѣ:
Родиться, жить и умереть.

А М У Р Ъ   и   Д Р У Ж Б А.

Сестрица душенька! — „Здорово, братецъ мой!“ —
Лешалъ, лешалъ! — „А я шашалась ужъ шашалась!“ —
Гдѣ взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой! —
„Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повспрѣчалась.“ —
Какой ешалъ свѣтъ! — „Давно ужъ это говорятъ“ —
Всѣ кляшны на пескѣ — „Услуги въ общаньѣ!
Подъ именемъ моимъ *Корысть* богопворяшъ.“ —

А подъ моимъ: *Желанье*.

Б Л И З Н Е Ц Ы.

Кого вамъ надобно? — „Я дѣмъ ищу Рухзрата.“ —
Котораго, сударь? Ихъ въ городѣ два брата. —
„Богатаго.“ — Какъ тошѣ, такъ и другой богаты. —
„Не очень складнаго.“ — Не молодецъ и братъ. —
„Онъ крутъ обычаемъ.“ — И тошѣ . . . . избави
Боже! —

— „Жена красавица.“ — И у другаго тоже. —
„Короче: тошѣ рогаты, котораго ищу.“
— Какой же случай! . . . я молчу.

Л Ю Б Л Ю и Л Ю Б И Л Ъ.

---

*Люблю — есть жизнью наслаждаться ,
Возможнымъ щастьемъ упиваться ,
Всѣхъ чувствъ въ обвороженъи бытъ.*

Любилъ же значить : полно жить !

Яснѣ : испытать собою ,

Что кляшвы — словъ какихъ-то звонъ ;

Что нѣжность — хитрости игрою ;

Невинность — маска ; счастье — сонъ !

И С Т О Р І Я Л Ю Б В И.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляетъ;
На завтра, говорящъ: несносно докучаетъ!
На третій, слушающъ не поднимая глазъ;
Въ четвертый, съ робостью отказъ;
На пятый, слабое упорство и смятение;
Въ шестой, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожалѣнье;
Въ седьмой, безъ головы;
Въ осьмой — увы!

КЪ * *

О выгодахъ * быть любовницею Спихо-
творца.

~~~~~

Прелестна, веселись! мой рокъ уже рѣшился.
Внимай и торжествуй: я съ вольностью простился!
Спыжуся слабости, но признаюсь въ томъ,
Что спала ты моимъ опинѣмъ божесивомъ:
Тебѣ и лиру я и сердце посвящаю.
Но что я о твоей побѣдѣ возвѣщаю!
Я падаю къ твоимъ съ признаніемъ ногамъ,
А ты моимъ словамъ
Съ холодностью внимаешь!
Уже ли ты не постигаешь,
Какое счастье, какая слава той,
Которая прельстишь своею красотой
Питомца Музъ и Аполлона?
Или не знаешь ты, что власиенъ дасть онъ тебѣ,
Предъ чемъ богачество, влась, корона,
Всѣ благи міра — вздоръ, ничто?
Поэтъ — примѣромъ я — едва воспламенился,
И вмигъ въ умъ его шьма, шьма чудесъ рождается:

супружняя молитва.

Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье,
Вспавая ото сна и опхотя ко сну,

Такое приносишь моленье :

„Хранишель - Ангелъ мой! спаси мою жену!

Не дай упасшь ей въ искушенье!

А ежели ужъ я . . . не дай про то миѣ знанье!

А естѣли знаю я, то дай миѣ не видать!

А естѣли вижу я, даруй ты миѣ шерпѣнье!“

Ты всѣхъ, Прелеста, ихъ затмишь!
 По ль лилюю ль сидишь,
 Гдѣ тѣнь тебѣ готова,
 Вѣ минушу птички всѣ, не говоря ни слова,
 Слетятся, запоютъ, чтобъ слухъ твой утѣшать;
 Но вздумай только ты къ ихъ пѣнію пристрасть,
 Онъ умолкнетъ вдругъ. Да кто и въ самомъ дѣлѣ
 Столь будетъ дерзновенъ, чтобъ пѣнь при Фило-
 мелѣ?

А что до разума — о! въ томъ повѣрь, мой свѣтъ,
 Что я, который самъ изрядный умъ имѣю,
 Легко найду и въ шой, въ которой въ страсти
 тлѣю.

Мнѣ стоить захотѣть, и вмигъ создашь сонетъ,
 Иль пѣсню . . . что тебѣ угодно;

Все напишу, хотя Поэту и несродно
 Ссужать добромъ своимъ другихъ:

Чего не сдѣлаешь для прелестей твоихъ!

Когда же, наконецъ, Киприда раздражена

За то, что для тебя краса ея забвенна,

Упроситъ Паркъ пресѣчь нить жизни твоея —

Прелеста! не спрашисъ ни мало, будь спокойна;

Не плача смерть твоя, но зависти достойна.

Прелеста! ты умрешь . . . но живъ останусь я.

Любовникъ страстный твой въ Элегіи воспойтъ,

Разтрепетъ волосы и въ морѣ слезъ поплыветъ;

Все скажетъ, что сказать Овидіи могли,

И ты бессмертною пребудешь на земли.

Любовникъ твой себя во храмъ Мнемозины

Между Глицеріи посадитъ и Коринны. —

Въ минушу онъ шебя въ Божию претворивъ,
 И всѣхъ тебѣ сердца на вѣки покоривъ;
 Онъ потчасъ даси тебѣ усмѣшку, взглядъ Авроры,
 Гебеи молодость, прекрасную тѣнь Флоры,
 И всѣхъ умильностей и предестей соборъ,
 Какими Граціи блистающъ и Венера.
 На что ни взглянешь ты, все твоей украсишь взоръ;
 Вездѣ представишся иль Гнидѣ, или Цитера.
 Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобою

Различныя утѣхи,
 Забавы, игры, смѣхи
 Погонятся толпой.

О красотѣ твоей узнающъ всѣ предѣлы;
 Изъ глазъ твоихъ посылающъ стрѣлы,
 Которыя пронзая и у Факира грудь!
 Лишь взглянешь, плѣнникъ кто-нибудь!
 Разпустишь волосы свои предъ туалетомъ,
 Когда бы ни было, зимой ли то, или лѣтомъ,
 Тотчасъ Зефиръ тощевъ ихъ кудри развивать,
 И прохлаждая цѣловать.

Къ источнику ль свой путь направишь,
 Онъ тише потечетъ; ты и его заставишь
 Удерживать свои блестящія струи,
 Чтوبъ долѣе глядѣть на прелести твои.
 На лугъ ли спустишь ты: цвѣты на немъ родятся;
 Лилей нѣжныя и розы возгордятся,
 Надѣясь, что ты, Прелестя, ихъ сорвешь,
 И милому дружку вѣнокъ изъ нихъ сплешь;
 Но вѣрно, на себя они лишь только взглянувъ,
 Съ досады и стыда увянувъ.

К ъ * * * ,

при сообщеніи ей другихъ стиховъ.

Дельфира, вошѣ стихи, которыхъ ты желала!
Но болѣ опѣ меня впередѣ не ожидай.

Ты знаешь, я поплѣ въ Поэты не значай.

Сѣ тѣхъ порѣ, какѣ ты меня узнала,
Тогда я молодѣ былѣ, притворствовашѣ не зналѣ:
Ты показалась мнѣ мила и добродушна;
Такою я тебя въ стихахъ и называлѣ,
И лира завсегда была тебѣ послушна.
Увы! какѣ худо зналѣ тогда я нравы, свѣтѣ!
Я думалѣ, что вездѣ — въ Аркадіи Поэтѣ;
Я думалѣ, какѣ пчела, собираѣ въ собраньяхъ соты,
Учишѣся ловкости, свой разумѣ украшашѣ,
Даваѣ красивые языку обороты,
Чтобѣ болѣе попомѣ въ стихахъ моихъ блисташѣ;
Но что же я нашелѣ? . . Прощайте, лестны виды!

Всѣ стихотворчески мечшы!

Прощайте, Граціи, и Сильфы, и Сильфиды!

Что вмѣсто ихъ, Поэтѣ, увидѣлѣ въ свѣтѣ ты?

Тамѣ къ дарованіямъ холодность иль презрѣнье;

Тутѣ оснороженостѣ, подозрѣнье;

Не лестная ль тебя, Прелестна, ждетъ судьба?
 Ахъ! осчастлививъ же ты любовника, раба,
 Который предъ тобой клянется Аполлономъ,
 Что онъ малѣйшее желаніе твое
 Священнымъ будетъ чпшиъ закономъ!
 Возьми, возьми на вѣкъ ты сердце въ даръ мое;
 Люби меня . . . . хошя для собственныя славы!
 Или — страшись! и жди, что, пересила спрасъ,
     Забывши вѣрности уставы,
 И скучаеъ наконецъ сносить сурову часъ,
 Со равнодушіемъ на вѣкъ тебя оспаваю,
 Другую люблю, другую и прославлю.

Онѣ въ лѣтахъ молодыхъ не слишкомъ намѣ ужа-
сенѣ ;

Но въ зрѣлость дней своихъ
Виною городскихъ бытъ басенъ,
Признаться — тяжело , и легче во сто разъ
Бытъ въ обществѣ иѣмымъ и позабытъ Парнассъ.

Къ кому приснасть и чѣмъ начать свой разговоръ?
 Тамъ цѣлый день молчасть, пошупя въ каршы взоръ;
 Здѣсь заняло умы вчерашне производство;
 Тамъ хвалять бархатовъ Московскихъ превосход-
 ство,
 Иль мысль свою кладуть на именинный пиръ;
 А шамъ одинъ съ другимъ въ пресильномъ жар-
 комъ спорѣ,
 Что новый стараго красивѣе музирѣ!

Пѣвецъ, отъ скуки, въ горѣ,
 Перебѣняетъ кругъ, имѣя го въ даръ
 Живѣе чувствовать прекраснѣйшаго цѣну;
 Поешь онъ Делію, иль Дафну, иль Климену;
 Поешь ихъ острый умъ, любезность, милый нравъ,
 Ни мало не искавъ

Другова награжденья,
 Какъ только съ ними обхожденья,
 Пріятныхъ для него въ ихъ обществѣ минутъ.
 Но чтожь его хвалы и здѣсь произведутъ?
 Мужъ, видя Мадригалъ супругѣ, ужаснется,
 И веѣмъ рассказывать знакомымъ понесется,
 Что нашъ пипомецъ Музъ пѣнень его женой,
 Которая его играетъ простою;
 Безъ памяти отъ ней! — Жена, изъ пошаканья,
 А болѣе боясь отъ мужа увѣщанья,
 Усмѣшкой иногда, иль взглядомъ подтвердитъ —
 И вдругъ нашъ бѣдненькой пѣитъ
 Пойдешь у всѣхъ за Селадона.

Вотъ жребій здѣсь пѣвцевъ и дѣтокъ Аполлона
 Въ награду за хорошій стихъ!

Чувство горести безсилно
 Долго духъ твой возмущать;
 Приголубь тебя умильно,
 И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
 И сердечушко дрожишь;
 А уста уже смѣются —
 О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся;
 Вступишь въ возрастъ ты другой.
 Рокъ и страсти ополчатся,
 И проси твой вѣкъ златой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
 Сколько я сердечныхъ слезъ
 Проливалъ, и проливаю,
 Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ, и сердцу милыхъ,
 Страсти, немощь, хладъ друзей . . .
 Часто въ мысляхъ я унылыхъ
 Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся, и опселя
 Еслии снова загрущу,
 При твоей я колыбелѣ
 Томно сердце облегчу.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаюсь,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь,
И ниже во крашкѣ снѣ
Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаюшѣ,
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ — тебя лобзаюшѣ,
И качаюшѣ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

КЪ А — Г — С . . . . . Й,

на выговъ ея написать стихи.

Ахъ, когда бы въ древни вѣки
Я съ тобой, Климена, жилъ!
На примѣръ: мы былибъ Гречи;
Какъ бы я тебя хвалилъ!

Подъ румянымъ, яснымъ небомъ,
Въ благовоніи цвѣтовъ,
Ожизненныхъ крошкимъ Фебомъ,
Между миршовыхъ кусковъ —

Посреди тебѣ съ супругомъ
Сѣлъ бы твой Анакреонъ,
И своимъ упрошенъ другомъ,
Сшалъ бы лиру строишь онъ,

Выбъ и гости замолчали,
Чтобъ идеи мнѣ скопить,
И малюшки бѣ перестали
Песню бабочку ловить.

Такъ ! твои веселы взгляды ,
 Твой спокойный , милый зракъ ,
 Проліють мнѣ въ грудь отрады ,
 И души разсѣютъ мракъ.

О невинность ! ты какъ Геній
 Шлешь цѣленіе сердцамъ !
 Я хотѣ нѣсколько мгновеній
 Былъ теперь невиненъ самъ.

И давно погибшу радость
 Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ —
 Милый ангелъ мой ! ты младость
 Хотѣ на часъ мнѣ возвратилъ.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Какое зрѣлище для нѣжныя души !

О Грѣзѣ ! дай кисть свою , иль самъ ты напиши :
Въ румяный , Майской день , при солнечномъ вос-
ходѣ ,

Тогда , какъ все цвѣшетъ и нѣжится въ природѣ ,
Все нектаръ пьетъ любви , весной своей гордась :
Климена скромная , на люльку опускась ,

Ни молвишь , ни дышать не смѣя ,
Любуешься плодомъ безцѣннымъ Гименея ,
Любуешься его улыбкою сивозъ сонъ ,
И чуть не говоришь : „какъ милъ . . . и точно
онъ !“ —

И такъ , Климена , ты теперь уже спокойна :
Ты счастлива , ты мать , и ею быть достойна !

Уже любимыхъ ты пѣвцовъ ,
Делила , Коллардо съ Торквашомъ забываешь ,
И въ скромную свою диванну мудрецовъ ,
Бюфона и Руссо и Локка призываешь ;
И даже въ эшотъ часъ , какъ Терпсихора всѣхъ
Зовешь чрезъ Фаула (*) въ свой храмъ забавъ ,
ушѣхъ ;

(*) Бывшій содержатель въ Прѣ. Англическихъ баловъ.

Какъ въ саду швомъ порхала
 Въ маѣ пчелка по цвѣтамъ,
 Такъ рука бѣ моя летала
 Рѣзвой лиры по струнамъ.

Тамъ бы каждый мнѣ цвѣшочикъ
 Къ пѣнью мысли подавалъ:
 Милый, скромный василечикъ
 Твой бы нравъ изображалъ;

Я твою бы милость
 И стыдливость примѣнилъ
 Къ нѣжной розѣ; а невинностьъ
 Съ бѣлой лилею сравнилъ.

Ты бѣ распроталась, вскочила —
 Я увѣренъ точно въ томъ —
 И пѣвца бы заградила
 Поцѣлуемъ и вѣнкомъ.

Но, увы! мой умъ мечтаетъ;
 Сколь далекъ я отъ Аѳинъ!
 Здѣсь не Флора обитаетъ,
 А морозъ, Бореевъ сынъ!

Здѣсь и самымъ Аполлономъ
 Не согрѣлся бы иной;
 Гости заняты бостономъ,
 Иль Нѣмецкою войной.

К Ъ Н Е Й Ж Е,

въ день ея рожденія.

Вступаая въ новый годъ, любезная Климена!
Не бойся, чѣмъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;

Ты будешь навсегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считашь друзья твои не станушъ:
Душой прекрасная — не вянушъ.

Какъ пудры облака покрыли шуалешы ,
Какъ все въ движеніи: флёръ, шляпки и корсеты ,
Картоны , ящики , мужья и сундуки —
Сколь мысли у тебя отъ шума далеки !
Сидишь , облокотясь надъ книжкою смиренно ;
Сидишь , и все твое поняшье вперенно
Въ систему , правила Бришанскаго шворца ,
Который только сухъ для одного глупца .
Вся мысль и все твое желаніе , чтобъ сына
Содѣлашь званія достойнымъ гражданина .
О подвигъ сладостный , священный искони !
Климена ! увѣнчай ты имъ прекрасны дни .
Что болѣе тебя во способахъ обиленъ ?
Не мащери ль одной достоинъ сей предметъ ?
Гласъ мащери всегда краснорѣчивъ и силенъ .
Такъ , умница ! храни , лелѣй ты нѣжный цвѣтъъ
Подъ собственною рукою ,
И удобрай его ученія росю .
Пекись , чтобъ изліалъ онъ райской ароматъ ,
Когда желанный день созрѣнія настанетъ ;
Да усладитъ твое и сердце онъ ѥмъ взглядъ ,
И въ осень дней твоихъ весну твою вспомнитъ !
А ты , дитя , залогъ дражайшій двухъ сердецъ ,
Живи , и усугубь ихъ счастье наконецъ !
Будь честенъ , будь уменъ , чувствителенъ , не-
зlobенъ ,
Пріятенъ , милъ — во всемъ будь маминькинъ подобенъ .

Быть можетъ, что стихи найдешь —
Конечно спрятанны ошибкой —
Прочтешь ихъ съ милою улыбкой,
И спросишь: „гдѣ же мой Поэтъ?
Въ немъ дарованія примѣны.“
Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
„Несчастные не долголѣты;
Его ужъ нѣтъ!“

КЪ МАШѢ.

Я не Архангелъ Гавріилъ,
Но воспоемъ Пермесскимъ шокѣмъ,
Отъ Аполлона быть пророкомъ
Съ издѣшства право получилъ.
И такъ внимай, новорожденна,
Къ чему ты здѣсь опредѣленна:
Ты будешь маминьки съ опцомъ
Оспрадой, счастьемъ, утѣшенъемъ,
Любезна пола украшенъемъ,
И въ добронравьи образѣмъ;
Ты будешь безъ красы пріятна,
Безъ блеска острыхъ словъ умна,
Безъ педантизма учена,
Почтенна и безъ рода знашна,
И безъ кокетства всѣмъ мила,
Какою маминька была —
Вотъ мой урокъ и похвала,
Едва ли не въ послѣдні лѣта! . . . .

Когда ты, Маша, разцвѣтешь
Вступая въ юношески лѣта;

Уже никто судомъ безчиннымъ
 Не можетъ духъ вашъ отправить:
 Изъ чистыхъ, правыхъ сдѣлать виннымъ,
 И въ сердце острый мечъ вонзить.

Нѣтъ! сердце въ васъ уже не бьется,
 Оно спокойно всякой часъ;
 Уже оно не отзовется
 Ниже любезнѣйшей на гласъ.

Чувствительный! вкушай опраду,
 Сверша печенье бурныхъ дней;
 Не бойся сладкаго ты яду
 Обворажающихъ очей;

Не бойся болѣе презрѣнья
 И колкихъ порицаній ты,
 Въ награду твоего смиренья,
 Незлобна сердца простоты.

Ахъ! долго ли и мнѣ, несчастну
 Здѣсь страннику, влачить мой путь?
 Когда пройду я степь ужасну?
 Пора, пора ужъ отдохнуть.

Г Р У С Т Ь.

Влекомъ уныніемъ сердечнымъ,
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даришь Природа вѣчнымъ,
Гдѣ спитъ и скорбь и суесть.

Тамъ добродѣтельной Эльвиры
Надъ прахомъ слезы я пролью,
И съ тихимъ звукомъ томной лиры
Къ безмолвнымъ тѣнямъ воспою:

Миръ вѣчный вамъ! вкушайте сладость
Спокойства въ пристани отъ бѣдъ!
Теперь для васъ печаль и радость
Уже ничто; для васъ ихъ нѣтъ.

Уже вамъ болѣе не ужасны
Удары, пораженья злыхъ;
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье ихъ.

С К А З К И.

Примбромъ въ эшомъ намъ послужитъ Филе-
монъ.

Съ Бавкидой съ юныхъ лѣтъ соединился онъ ;
 Ни время , ни Гименъ любви ихъ не гасил :
 Чешыредесять жашвъ они вдвоемъ ходили
 За всѣмъ въ своемъ бышу , безъ помощи другихъ .
 Все старилсѣ : остылъ любовный жаръ и въ нихъ —
 Однако въ нѣжностіи любовь не ослабѣла ,
 И въ чувствахъ дружества продлить себя умѣла .
 Но добрыхъ много ли ? Развратъ ихъ земляковъ
 Подвигнулъ , наконецъ , на гнѣвъ Царя боговъ :
 Юпитеръ сходящъ къ нимъ съ своимъ крылатымъ
 сыномъ —
 Не съ громомъ , не въ лучахъ , а такъ , просто-
 людимомъ ,
 Подъ видомъ странника . — И чтожь ? вездѣ отказъ ;
 Вездѣ имъ говорящъ : „намъ тѣсно и безъ васъ ,
 Спупайше далѣе !“ — Опринутые боги
 Пошли уже назадъ , какъ въ лѣвѣ ошъ дороги ,
 Надъ свѣшлымъ ручейкомъ , орѣщника въ тѣни ,
 Узрѣли хижину смиренную они ,
 И повернули къ ней . Меркурій поступался :
 Въ минушу на крыльцѣ хозяинъ показался ;
 „Добро пожаловать ! сказалъ имъ Филемонъ :
 Вы утрудилися , дорожнымъ нуженъ сонъ —
 Ночуйше у меня , повечеряя съ нами ;
 Спознайшесъ съ нашими домашними богами ;
 Они скудельные , но къ смертному добры .
 У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры ,
 Но менѣль тогда они въ привольѣ жили ?
 Увы ! теперь его изъ золота мы слили ,

СКАЗКИ.

I.

ФИЛЕМОНЪ и БАВКИДА.

(Съ Лафонленова подражанія Овидію.)

Ни злобо, ни чины ко счастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда со мной заботы въкъ живутъ?
Когда духъ зависти, несчастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его, какъ вранъ у Проміея:
Ахъ, это сущій адъ! Гдѣжь счастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ, воленъ,
Не алча лишняго, и шѣмъ, что есть, доволенъ;
Захочетъ ли за лугъ, за шѣнь своихъ лѣсовъ,
Тѣнь только счастья купишь временщиковъ?
Нѣтъ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ спрадальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не даетъ Форшуна ничего.
Придетъ ли къ цѣли онъ печенья своего?
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ;
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Прости невольнаго минушу заблужденья !
 И могли смертный ждать такого посѣщенья ?
 О гость божественный! гдѣ взять намъ еиміамъ ?
 Приличналь наша снѣдь, шоль скудная, богамъ ?
 Но чѣмъ и самый Царь ихъ угостишь достойно ?
 Простымъ усердіемъ: вотъ все, что намъ пристойно!
 Пусть море и земля имъ пиршество дадутъ :
 Всесильные ему даръ сердца предпочтутъ.
 Бавкида съ рѣчью сей бесѣду оставляетъ,
 И въ огородъ идетъ : тамъ перепелъ гуляетъ,
 Котораго сама взлелѣяла она ;
 Признаніемъ къ богамъ и вѣрою полна,
 Уже она его во снѣдь для нихъ готовишь ;
 Уже дрожащими руками пшичку ловишь ;
 Но пшичка отъ нее ушла къ стопамъ боговъ,
 И милосердый Дій невинной далъ покровъ.

Межь тѣмъ вечерня тѣнь съ горъ пала на
 долины ;
 „Чеша ! иди за мной, сказалъ отецъ судьбины ;
 Сей часъ свершится судъ : на родину твою
 Весь гнѣва моего фіалъ я презю ,
 И смерти все предамъ ! пусть злые погибаютъ ;
 Ни хижинъ, ни сердецъ они не опроверзаютъ.“
 Безсмертный рекъ , и горъ къ хребту направилъ
 пушъ ;
 И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, ужасно началъ душъ ;
 Бавкида , Филемонъ, на посохъ опираясь,
 Подъ тяжкой древностью прясся и задыхаясь,
 Едва , едва идушъ, но съ помощью боговъ
 И страха, обратись на ближній изъ хребтовъ

А онъ уже не такъ доступенъ сталъ для насъ!
 Бавкида! шамъ вода, согрѣй ее .топчасъ;
 Поспавимъ хлѣбъ и соль; мы скудны, но усердны;
 Дай все, что боги намъ послали милосердны!“ —
 Бавкида хворосту сухаго набрала,
 Пошомъ погасшій огонь въ горнушкѣ разгребла,
 И силился раздуть. Вода уже вскипаетъ;
 Хозяинъ пущниковъ успалыхъ оmyваетъ,
 Прося за медленность его не осудить;
 А чтобъ до ужина имъ время сократить,
 Заводитъ съ ними рѣчь не объ любимцахъ счастья,
 Не о вліяніи и блескѣ самовластия,
 Но лишь о томъ, что есть невиннаго въ поляхъ,
 Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ.
 Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ,
 Столъ вѣшкѣй черепкомъ сосуда подпираетъ;
 Разкидываетъ плашъ, кидаетъ горсть цвѣтовъ,
 И спавшихъ хлѣбъ, илеко и нѣсколько плодовъ;
 Пошомъ худой козеръ, которой берегала
 На сѣнѣхъ предвѣдниковъ, по ложу разоспала
 И проситъ на него возлечь своихъ гостей.
 Уже они, среди призошлывыхъ рѣчей,
 За вечерей виномъ усталость подкрѣпляютъ;
 Но сколько ни пѣютъ, вина не убавляютъ!
 Бавкида, Филемонъ, недвижимо стояшъ,
 Со изумленьемъ другъ на друга мещутъ взглядъ,
 И оба съ шепетомъ предъ пущниками пали —
 По чудодѣйствію легко они узнали
 Того, кто вздыметъ бровь, и зыблетъ сводъ не-
 бесъ! —

О Боже! Филемонъ дрожащій гласъ вознесъ:

Въ день нѣкій пущники, въ оградѣ сей божницы,
 Съ благоговѣніемъ стояли вокругъ двоицы,
 И слушали ее о бывшихъ чудесахъ :
 „Издравле, Филемонъ вѣщалъ имъ, въ сихъ мѣстахъ
 Была весь грѣшниковъ, жилище нечестивыхъ ;
 Но дѣй не пошерпѣлъ сихъ изверговъ кичливыхъ :
 Онъ рекъ, насталъ пошолъ, и всѣхъ ихъ попребилъ,
 Остались только мы — такъ Богъ благоволилъ!“
 Тутъ Филемонъ взглянулъ на крошкующую супругу,
 И что? Уже она, простерши руки къ другу,
 Вся измѣняется, пріемлетъ древа видъ!
 Онъ хочеть ей сказать, обнять ее савшатъ;
 Нѣтъ силъ поднять руки; уста его нѣмѣютъ;
 Супруга и супругъ равно деревенѣютъ;
 Пускаютъ опрасли, готовятся цвѣсти;
 Другъ другу говорятъ лишь мыслію: прости!
 Одинъ предѣлъ и срокъ власть божья имъ послала:
 Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой стала,
 И зрители, всѣ въ разъ воскликнувъ: чудеса!
 Въ молчаньи набожномъ глядятъ на небеса.

Преданіе гласитъ, что къ симъ древамъ свя-
 щеннымъ,
 Подъ тяжестью даровъ безчисленныхъ согбеннымъ,
 Супруги на поклонъ шекли изъ дальныхъ странъ,
 По слуху, что имъ даръ чудотворенья данъ;
 И тѣ, которые къ нимъ съ вѣрой приходили,
 Въ цѣлѣ и въ зиму дней другъ друга вѣкъ лю-
 били.

Вдругъ сонмы грозныхъ тучъ подъ ними разразились,
 И съ шумомъ рѣки водъ губительныхъ пустились;
 Валъ гонимъ валъ; и мчитъ все, что ни попадетъ:
 Скопъ, кущи и людей . . . исчезли, слѣда нѣтъ.
 Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвящаетъ,
 И взоромъ, полнымъ слезъ, у бога вопрошаетъ:
 „Пусть люди . . . но почему живошныхъ онъ
 казнишь?“

Но чудо новое внезапно ихъ разитъ:
 Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла:
 Обмазка мраморомъ, солома златомъ спала,
 И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
 Въ минушу вознесли главы ко облакамъ!
 Внутри храма былъ вездѣ представленъ на порфирѣ,
 Въ страхъ будущимъ вѣкамъ, сей дивный случай
 въ мірѣ —

Невидимо ваялъ все это божій перстъ.
 Супруги мнятъ, что имъ Олимпъ уже отверстъ;
 Въ смятеньи, влѣбъ себя, на все кругомъ взираютъ —
 „Богъ, велий въ благости! попомъ они вѣщаютъ:
 Мы видимъ храмъ, но кто служители ему?
 Кто будетъ возноситъ къ престолу твоему
 Молилавы пушниковъ? О естли бы мы оба
 Могли сподобиться въ семъ званьи быть до гроба!
 Ахъ, естли бы припомъ и Геній смерти насъ
 Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
 Чтобъ мы другъ по другъ тоски не испытали!“
 — Да будешь такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы
 желали! —

И было такъ. Теперь дерзнулъ повѣдать вамъ
 О томъ, чему едва могу повѣрить самъ?

Полпомъ вступилъ онъ въ бракъ
 Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
 Была умна, ловка,
 И спарика
 Вертѣла, какъ хотѣла;

А спарикамъ такой законъ:

Что естѣли кто изъ нихъ вскружитъ себя вер-
 тушкой,

То не она уже, а онъ
 Быть долженъ наконецъ игрушкой,
 Хоть радъ, хотя не радъ,
 Но поступать съ женою въ ладъ,
 И рубль подъ часъ считать полушкой.

Пролоазъ, хоть и Пролоазъ, но мужъ, какъ и другой,
 И такъ же, какъ и всѣ, цѣною дорогой

Платилъ женѣ за нѣжны ласки;

Узналъ и онъ, что блонды, каски,
 Что крепъ, линобатиспъ, шамбурна кисея. —
 Однажды бывъ жена — вошъ шутъ бѣда моя!
 Какъ лучше изъяснишь, не приберу я слова —
 Не такъ чшобы больна, не такъ чшобы здорова,
 А такъ, . . . ни то, ни сѣ . . . какъ будто не
 своя,

Супругу говоришь: „послушай, жизнь моя!

Мнѣ къ празднику нужна обнова;

Пожалуй у мадамъ *Бобри* купи шюрбанъ; —

Да слушай, душенька! мнѣ хочется экранъ

Для моего камина;

А онъ нее вѣдь при шага

До Англійскаго магазина; —

II.

МОДНАЯ ЖЕНА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги изписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите въ томъ меня; я молодъ, въпрямь былъ,

Такъ диво ли, что васъ забылъ?

А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ

Подобной вашей ждать судьбины,

И о Циперской сторонѣ

Лишь въ сказкахъ вспоминать; а были, небылицы,

Я знаю, старикамъ разглаживають лица:

Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну

Про модную жену.

Пролокъ въ печеніи полвѣка

Все ползо, да ползѣ, да билъ челомъ,

И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ

Доколѣ до степени извѣстна челоука,

То есть, спадъ съ именемъ — я говорю вѣдь такъ,

Какъ говоришь въ свѣтѣ:

То есть, спадъ ѣздишь онъ шестеркою въ каретѣ;

„А я одна.“ — Оди́? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?

„Кто? мужъ?“ — Вашъ нѣжнѣйшій Купидонъ. —

„Какой, по чести, ты ругатель!“

По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.

Однакожь это вѣдь не ложь,

Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ, —

„То есть, онъ также славъ, хотя не такъ пре-
красенъ.“ —

Нѣтъ! я вамъ докажу, — „О! этакъ трудъ на-
прасенъ.“ —

Безъ шутокъ, слушайте! тотъ слѣвъ, а этакъ
кривъ;

Не сходны ли жь они? — „Ахъ, какъ ты зорѣ-
чивъ!“ —

Простите, перестану. . . .

Да! покажите мнѣ диванну,

Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;

Ужъ вѣрно это храмъ! храмъ вкуса — „Отгадавъ.“

Конечно и . . . любви? . . . — „Увы! еще не знаю.

Угодно поглядѣть?“ — Отъ всей души желаю.

О бѣдный мужъ! сѣщи, иль послѣ не . . .

И отъ дивана ключъ въ карманъ ты держи,

Диванъ для городской вострушки,

Когда на немъ она самъ-другъ,

Опаснѣе, чѣмъ для паслушки

Средь рощицы зеленый лугъ.

И эта выдумка дивановъ

По чести, мѣсть намъ отъ Султановъ!

Но какъ ни разсуждай, а Милозоръ ужъ шамъ,

Разсматриваешь все, любишься, дивишься;

Амуръ же, прикорнувъ на столикъ къ часамъ,

Да естѣлибѣ тамъ еще . . . нѣшѣ, слишкомъ дорога!
 А ужасть какъ мила!“ — Да что, мой свѣшѣ,
 такое? —

„Нѣшѣ, папинька, такъ, такъ, пустое . . .
 По чести, мнѣ самой твоихъ расходовъ жаль.“

— Да что, скажи, откройся смѣло;
 Расходы знаешь мое, а не твое ужь дѣло. —

„Меня . . . стыжусь . . . плѣнила шаль;
 Послушай, ангелъ мой! она такая шочно,
 Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
 Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ былъ.“ —

Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею,
 И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты милъ! —
 — Изволь, изволь, я радъ со всей моей душою

Услуживать тебѣ, мой свѣшѣ!

Былъ мужниной ей отвѣшѣ.

Карету! . . . только вѣдъ поспѣшь ужь мнѣ къ
 обѣду!

Да я . . . въ Дворянской клубъ оттолѣ заверну. —
 „Ахъ, мой жизненчикъ! какъ шѣшишь ты жену!
 Спупай же, Ваничка, скорѣ.“ — Ъду, ъду! —

И Ваничка сѣдой,

Простясь съ женою молодой,

Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ вша-
 щился,

Сѣлъ, крякнулъ, покашлся.

Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на дворъ —

Угодникъ дамской, Милоззоръ,

Взлѣшѣлъ на лѣспиницу и прямо порхъ къ уборной. —

„Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!“ — Слуга по-
 корной. —

Бросаяся шуда, сюда,
 Рѣшились такъ: чѣмъ ей остаться,
 А гостью спрячется хоща позадь дверей. —
 О женщины! могу признаюсь,
 Что вы гораздо насъ хитрѣй!
 Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась прелесть?
 Мужъ, въ двери выставя разцвѣтшіе два рога,
 Бошелъ въ диванную, и видящъ, что жена
 Въ полглаза на него глядишь сквозь тонка сна;
 Онъ ближе къ ней — она проснулась,
 Зѣвнула, пошлянулась;
 Пошомъ,
 Простерши къ мужу руки:
 „Какимъ же, говоришь ему, я крѣпкимъ сномъ
 Заснула безъ тебя ошъ скуки!
 И знаешь ли, что мнѣ
 Привидѣлось во снѣ?
 Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ уповаю!
 Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
 Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ;
 Ну естли эшомъ сонъ не лживъ?
 Позволь мнѣ испытать“ . . . И въ мигъ, не давъ
 супругу
 Придши въ себя, одной рукой
 Закрываетъ ему — здоровый, не кривой —
 Другою же на дверь указывая другу,
 Пролазу говоришь: „что видишь ли, мой свѣтъ?“
 Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ! —
 „Ни крошечки?“ — Ни мало;
 Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало. —

Приспавилъ къ стрѣлкѣ перстѣ, и стрѣлка не вер-
 шится,

Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадный бой
 Не вспоминалъ того, что скоро возвратишься

Вулканъ домой.

А онъ, какъ *въ руку сонъ!* ... судьбы того хотѣли!

На тяжкихъ веревкахъ ворошны заскрыпѣли,

Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ ли-
 цомъ

Явился на коняхъ усшалыхъ предъ крыльцомъ.

Ужъ онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,

Торопится свою обрадовать голубку;

Ужъ онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена

Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.

Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масли,

Не ахайте объ ней и успокойте духъ!

Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждешь напасти?

Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,

Которая лежала,

Свернувшись клубкомъ,

На солнушкѣ передъ окномъ,

Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала

Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,

Приспавила ушко, пошомъ толкъ лапой въ дверь,

Ушла, и возвратилась съ лаемъ.

Тогдажъ другой Пенатъ, зовомый попугаемъ,

Три раза вѣстовой изъ клѣшки подалъ знакъ,

Вскричавши: *кто пришелъ? ... дуракъ!* —

Премила вздрогнула, и *Милосердъ* подобно;

И шомъ, и ша — о время злобно!

О непредвидѣнна бѣда! —

III.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Ушѣнно вспоминая подѣ старость дѣшски лѣшны,
Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣшѣ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаюшѣ, что я взмостился на Парнасѣ; —
А я . . . признашѣ вамъ, игрушкою играю,

Которая была

Мнѣ въ дѣшствѣ такъ мила;

Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ,
И бросаюсь на постель, займусь *Шехеразадой*!

Какъ сказки я ея любилъ!

Чишая ихъ . . . прощай учишель,

Симбирскъ и Волга! . . . все забылъ!

Уже я всей вселенны зришель,

И вижу шамъ и сямъ и карловъ и духовъ,

И Визирей рогатыхъ,

И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,

„Ты шутишь?“ — Право нѣтъ; да дай ты мнѣ
взглянуть. —

„Прелестная мечта! Лукреція вскричала:
За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!

Ахъ, другъ мой! какъ бы я желала,

Чтобы одинъ твой глазъ

Похожъ былъ на другой!“ — *Промазъ*

При нѣжности такой не могъ стоять болваномъ;

Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души

Супругу наградилъ и маляю и шюрбаномъ. —

Промазъ! ты эшотъ день во святцахъ запиши.

Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой! —

Но что записывать? Примѣръ такой не новой.

Всё, всё изъ хрустала! — Складъ въ коробъ весь
товаръ,

И въ лавкѣ на полу поставилъ;

А самъ хозинъ, Альнаскаръ,

Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ

На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:

„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!

И Альнаскаръ пошелъ на спать!

Надежда, счастье и будуща судьбина,

Иль лучше, вся моя казна

Здѣсь въ коробъ погребена. —

Вотъ вздоръ какой мелю! — погребена — пустое!

Она плодился въ немъ, и вѣрно черезъ годъ

Прибудетъ съ барышомъ по крайней мѣрѣ вдвое.

Двѣ сотни — хоть куда изрядненькой доходъ!

На нихъ . . . еще куплю посуды; лучше тише —

И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

И также въ коробъ погребу.

И такъ годъ отъ году всё выше, выше, выше,

Могу я, наконецъ, ужъ бытъ и въ десяти,

И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ

Съ признашелою къ нимъ улыбкою: прости!

И буду . . . ювелиръ! боярынямъ, боярамъ

Начну я продавать алмазы, изумрудъ,

Лазурь и яхонты, и . . . и — всего не вспомню!

Короче: золотиомъ наполню

Не только лавку, цѣлый прудъ.

Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!

Накупитъ лошадей, невольницъ, дачь, садовъ,

Евнуховъ и домовъ,

И дружбу свяжетъ

И въ видѣ Кадіевѣ волковѣ.

Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!

Не лучшеля вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ не важны, бесполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?

Для сказки и того довольно,
Что слушающіе ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайтежь. Во дни иль самага Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣшей — одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ
Послѣдній долгъ опдалъ, какъ говоряшъ, Природѣ,

Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ, пошомъ

Спалъ думашъ и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
„Дай, говоришъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну,

Съ начала въ малый шоргъ, а шамъ — авось и въ
дальной!“

Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ дубковъ,
Построилъ лавочку; пошомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бушелей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —

И я, по свадебномъ обрядѣ,
 На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
 Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ, какъ въ
 огнѣ,
 Побѣду избочась и гордо на конѣ,
 Кошораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
 Унизанъ бирюзою,
 Въ домъ къ пещю Визирю. За мной и предо мною
 Попянушся мои евнухи по два въ рядѣ.
 Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
 Ужь на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
 И въ комнаты введя, сажаетъ
 По праву руку на диванъ
 Среди куреній благовонныхъ.
 Я сѣвши, важно, какъ Султанъ,
 Скажу ему: „Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
 Обѣщанные мной тебѣ за первую ночь;
 И сверхъ того еще вотъ пять во убѣреніе,
 Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
 А съ ними и мое прими благодареніе.“ —
 Потомъ три кошелька большихъ ему вручу;
 И на конѣ спрѣлой къ Земиръ полечу.
 День эшотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
 А завтра . . . о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
 Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
 Вдругъ пробуждаюсь я опъ радостнаго клика,
 И слышу: весь народъ,
 Опъ мала до велика,
 Толпами привалъ на дворъ,
 Кричашъ, составя хоръ:

Съ знаи́мѣйшими людьми :

Ихъ дружба лишь на взглядъ спесива ;
Нѣтъ ! только кланяйся , да хорошо корми ,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива ;

А у меня тогда

Всѣ пропки пороспущъ Персидскимъ виноградомъ ;
Шербетъ польется какъ вода ;

Фонтаны брызнутъ лимонадомъ ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.

А о столѣ уже ни слова ;

Я только то скажу , что нѣтъ такихъ застѣй ,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова ,
Какого у меня не будетъ за столомъ ;

И мой великолѣпный домъ

Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ , кто мнѣ любезенъ ,
Иль властію своей полезенъ ;

Всѣхъ буду угощать : Пашей , наложницъ ихъ ,
Плясавицъ , плясунѡвъ и Кадіевъ лихихъ —
Визирскихъ подлипалъ — и такъ умомъ , шрудами ,
А болѣ съ знаи́мыми водаяся господами ,
Легко могу войти въ чины , и въ знаи́мый бракъ . . .

Прекрасно ! точно такъ !

Вдругъ гряну къ Визирю , который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ ;

Скажу ему : „вступи въ родство со мною ;

Будь теснь мой!“ Если онъ хоть чуть зашеве-
литъ

Противное губами ,

Я вспыхну , и тогда прощайся онъ съ усами !

Но , нѣтъ ! Визирева дочь такъ вѣрно мнѣ жена ,
Какъ на небѣ луна ,

IV.

КАРТИНА.

Ужь ночь на Петербургъ спустила свой покровъ;
Уже на чердакахъ у многихъ изъ творцовъ

Погасла свѣчка и курилась,
И ихъ обѣщая восторгомъ голова

На риѣмы и слова

Сама собой скапиралась:

Козлова ученикъ

Еѣ своемъ уединеньи,

Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размысленьи,

Вдругъ слышитъ шумъ и крикъ:

Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? А! здѣсь? — И видитъ
предъ собою,

Когожь? — Князь Вѣтросъ шаркъ ногою! —

„Слуга покорѣйшій! а я, оставя балъ,

Забхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ,

Я слышалъ, въ городъ васъ всѣ зовутъ Апелломъ;

Не можете ли вы мнѣ кистію своей

Картину написать? да только поскорѣй!

Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть богъ брака,

Исшъ, что пишется у насъ сапунъ, зѣвака,

„Да здравствуетъ супругъ Земиры!“

А въ залѣ знашность: Сераскиры,

Паши и прочіе сшояшъ,

И ждуть, когда войши съ поклономъ имъ веляшъ.

Я всѣхъ ихъ допустишь къ себѣ повелѣваю,

И шущъ - то важну роль Вельможи начинаю:

У одного я руку жму,

Съ другимъ вступаю въ разговоры;

На прешьяго взгляну, да и спиной къ нему.

А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!

Раскаешься тогда, съдой прелюбодѣй,

Что разлучилъ меня съ Фатимой моей,

Съ которой около трехъ дней

Я жилъ душею въ душу!

О! я уже тебя не трошу,

А ты передо мной дрожишь,

Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь —

Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь. . .

Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;

И я, уже владѣшь не въ силахъ сжавъ собой,

Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!

Пинками!“ . . . И въ жару восторга, нашъ мечшашель,

Визирской гордый зящъ, Земиры обладатель,

Ногою въ коробъ шолкъ: шощъ на бокъ; а хрусталь

Запрыгалъ, зазвенѣлъ и — въ дребезги разбился! —

И такъ, мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,

Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлалъ! — разже-

нился.

Какъ вдругъ

Почувствовалъ недугъ ,

И живошворна кисть изъ слабыхъ рукъ упала ;
 Минута между нѣмъ желанная настала :
 Князь Вѣтровъ женился , хотя каршины нѣтъ .
 Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ ;
 Что день , то новый даръ въ возлюбленной Княгинѣ ;
 Мила , божественна , при всѣхъ и наединѣ .

Ужъ мѣсяцъ брака ихъ прошекъ ,
 И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ .

Благодаря судьбину ,

Искусникъ нашъ съ послами вспалъ ,
 Съ усердіемъ принялся дописывать картину ,
 И въ три дни дописалъ .

Божественный талантъ ! изящное искусство !

Какой огонь ! какое чувство ! . . .

Но полно, поспѣвшимъ мы съ нею къ Князю въ домъ :
 Онъ вышелъ въ шлафрокъ , нахлученъ калпакомъ ,
 И сонными взглянувъ на живопись глазами :

„Я болѣе , сказалъ , доволенъ былъ бы вами ,

Когда бы живопись была

Не столь игрива , весела .

Я чувствую , она нѣжна , остра , прекрасна ;

Но для женатаго . . . ужъ слишкомъ любострастна !

Не можно ли ее поправить какъ-нибудь ? . . .

Какой морозъ ! моя ужасно забнeshъ грудь :

Прощайте !“ — Апеллесъ , разставшись съ сумазброд-
 нымъ ,

Засѣлъ картину поправлять

Съ шершнѣемъ , артисту среднимъ ,

Иное въ ней спирать , иное убавлять ,

Иль плакса, иль брюзга; но легкой, милый богъ,
 Который бы привлечь и пруженика могъ —
 Тименъ, и съ нимъ Амуръ, всегда въ восторгъ но-
 вомъ,

Веселый, миленькой, и — живчикъ, однимъ словомъ,
 Взявъ за руки меня, подводяшъ по цвѣтамъ,

Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,
 Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною —
 Я завтра привезу портретъ ея съ собою.

Владычица моя, въ пятнадцатой веснѣ,

Врученъ розу мнѣ;

Вокругъ ея толпой забавы, игры, смѣхи;

Вдалижъ, подъ миршами, престолъ любви, утѣхи,

Усыпанъ розами и весь почти въ шѣни

Деревъ, гдѣ въперокъ заснулъ среди листочковъ...

Да! не забыть припомъ и страстныхъ голубоч-
 ковъ —

Вонъ слабый вамъ эскизъ! — Чрезъ три, четыре дни

Картина, думаю, ужь можетъ быть готова;

О благодарностижь моей теперь ни слова,

Докажетъ опытъ вамъ — прощайте!" И — исчезъ.

Проходишъ ночь; съ зарей, разлившей свѣтъ съ
 небесъ,

Художникъ нашъ за кисть — старается, шу-
 дитъся;

Что ко лбу перстъ, то мысль родинъ,

И что черта,

То нова красота.

Уже творецъ картины

Свершилъ свой трудъ до половины,

V.

П Р И Ч У Д Н И Ц А.

Въ Москвѣ, кошорая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Рускіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жишѣ свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома, иль одна
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольной театрѣ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ *Марьиной* подъ тѣнью отдохнуть —
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтраха* процвѣтала;
Она пригожесшвомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца,

Соображаясь съ послѣднимъ Князя вкусомъ.
Шесть ровно дней пробывъ картина подъ искусомъ,
Представилась опять сіятельнымъ глазамъ.
Но, ахъ! знать было такъ угодно небесамъ:

Сіянье ихъ совсѣмъ зашмилось,
И ужь почти ничто въ картинѣ не годилось. —
„Возможно ль! . . . Это я?“

Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ:
„Вы сдѣлали меня совсѣмъ уже Хоревомъ (1),
Ужь слишкомъ пламеннымъ . . . да и жена моя
Здѣсь самая Венера!

Нѣтъ, не прогнѣвайшесь, во всемъ должна быть
мбра!“

Такъ о картинѣ Князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.
Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла,
Тѣмъ строже переборъ отъ Князя былъ всему:
Уже не взмилелись и Граціи ему,
Потомъ и одръ любви и миршовой кусточки;
Потомъ и нѣжные слезѣлки голубочки;
Потомъ и смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ,
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

---

(1) Дѣйствующее лице въ Трагедіи Г. Сумарокова.

Родня и другѣ ея забывалъ,
 Любовникиѣ разлюбилъ;
 Приѣздѣ къ пригоженькой невѣжѣ
 Часѣ отъ часу спалъ рѣже, рѣже —
 Остпалась, наконецѣ, лишь съ гордостью одной —
 Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
 Надушой, но пустой?

Она лишь пучилъ въ насѣ, а не питаетъ душу! —
 Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не спрушу.
 И такъ *Вѣтра* съ ней сначала ну зѣвашъ,
 Потомъ ужъ и грустнѣшь, потомъ и шосковашъ,
 И плакашъ, и гонцовѣ повсюду разсылашъ
 За крестной матерью — а та, извольте знашъ,
 Чудесной силою невѣдомой науки
 Творила на Руси неслыханныя штуки! —
 О естли бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часѣ,
 Драгунской вишизь мой, о Роммистрѣ Брамербасѣ!
 Ты, бывший сполько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
 Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . Я помню, какъ во снѣ,
 Что ты рассказывалъ еще ребенку мнѣ,

Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ
 Обороща тебя въ драгунскаго коня,
 Гуляла на хребтѣ швоемъ до полуночи,
 Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
 Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
 Съ какой, бывало, ты рассказывалъ размашкой
 Въ колѣтѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
 За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной ча-
 шкой!
 Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Имѣла лестну власть щелчки давать супругу ;
 Имѣла , словомъ , все : большой , песочный домъ ,
 Съ берлинами сарай , изрядную услугу ,
 Гуслишта , карлицу , шуповъ и дуръ содомъ ,
 И даже двухъ сорокъ , которыхъ болтали
 Такъ точно , какъ она — однако меньше знали.

Вѣтрона куколкой всегда разряжена ,

И каждый день окружена

Знакомыми , родней и нѣжными сердцами ;
 Но всѣ они при ней казались быть льстивцами ,
 За шибъ , что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей ,
 То цугу воронихъ коней ,
 То парчевому ея плащю ,

И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.

Одна *Вѣтрона* лишь не вѣдала цѣны

Всѣхъ благъ , какія ей Фортуною даны ;

Ни блескъ , ни дружество , ни пляски , ни забавы ,
 Ни самая любовь — вѣдь есть же на свѣту

Такіе чудны нравы ! —

Не прогали мою надменну красоту.

Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ ,

И всякъ , кто ни былъ ей знакомъ ,

Съ какимъ нибудь да былъ плутомъ ;

„Тотъ глупъ , другой уродъ ; тотъ ужасъ нераз-
 лученъ ;

Сердечкинъ поетъ все , вздыханьемъ гонитъ вонъ ;

Такой — то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ ;

Та все чинится ; та болтлива ;

А эта слишкомъ зла , горда , самолюбива.“ —

Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ ;

Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И бывши розою, какъ липа блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Опшкройся ... — , Машушка! опшквашь она:

Я жизнь мою во скукѣ трати;
Нашапетѣ день, шоскую, плачу;
Покроешъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу.“

— Чего же, свѣшкѣ мой? Или ты нездорова? —
„О! нѣшъ, грѣшно сказать.“ — Иль домѣ вашѣ не
богатѣ? —

„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ.“

— Иль мужѣ обычая лихова? —

„Напрошивъ, врядъ найши другова,
Который бы жену шоль горячо любилъ.“

— Иль онѣ не нравятся? — „Нѣшъ, онѣ довольно
милѣ.“

— Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —

„Я болѣе онѣ нихъ любима, чѣмъ доспойна.“

— Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ? —

„Признашья, машушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣшъ,

И такъ я всё въ немѣ ненавижу,

Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ-нибудь попасть опсель

Хотя за *тридцать* земель;

Да шолько чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,

Все новостію поражало

И рѣдкостью мой умъ и взоръ,

Гдѣ бѣ разныхъ дивностей соборъ

Представилъ быль, какъ небылицу. . . .

Короче: дай свою увидѣшь мнѣ столицу!“

Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
 Въ природной простотѣ взвѣзали по плечамъ!
 Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
 Въ подобномъ твоему я спрахъ былъ и самъ,
 Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
 И что ужъ ты не конь . . . еще тому не вѣрилъ!
 О естъли бы теперь ты, вишнякъ мой, воскресъ,
 Я бѣ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
 Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
 Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и былъ идешь за сказку.
 Просише! виноватъ! немного опешупилъ;
 Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
 Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ Богомъ,
 Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
 И такъ дослушайшежь. Однажды, вечеркомъ,
 Сидишь, облокотясь, *Вѣтра* подъ окномъ,
 И возведя свои уныло - ясны очи
 Къ задумчивой лунѣ, сесприцъ смуглой ночи,
 Грустишь и думаешь: „Прекрасная луна!
 Скажи, не ты ли та счастливая спрана,
 Гдѣ машушка моя ликуешь?

Увы! не ужель ей, копорой небеса
 Вручили власть творить различны чудеса,
 Незѣдомо теперь, что дочь ея тоскуешь;
 Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
 И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
 Ахъ, естъли бы она хоть глазки показала!“ —
 И съ этой мыслью вдругъ *Всегдѣ* ей предстала:
 — Здорово, дитяшко! *Вѣтра* говоришь;
 Какъ поживаешь ты? . . . Но что твоей кажется видъ?

А садъ — повѣришь? — не только описать,

Иль въ сказкѣ рассказать,

Но даже и во снѣ его намъ не видать!

Пожалуй, выдумать непрудно:

Но все то будетъ мало, скудно,

Иль много, много, что во тѣмъ кудрявыхъ словъ

Удастся Сарское село тебѣ представить,

Армидинъ садъ, иль Петергофъ;

Такъ лучше этакъ трудъ оставить

И далѣ продолжать: *Вѣтра*, николи

Диковинокъ такихъ не видя на земли,

Со изумленьемъ всѣ предметы озираешь,

И мыслишь, что мечта во снѣ надъ ней играешь;

Войдя же въ храмины чудесницы своей,

И пуще щуришься: по блескъ отъ хрушталей,

Сребристыя луны сражаясь съ лучами,

Которыебъ почлись за солнечные нами,

Какъ яркой молніей слѣпишь *Вѣтрянн*хъ взоръ;

То перламутръ хрусшишь подъ ней, или фарфоръ —

Ахши! опять понесъ великолѣпный вздоръ!

Но бышь ужъ такъ, когда пущился.

И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,

Лишь къ прешьему пришли, богатый вдругъ чер-

тогъ

Не въ шеркомъ, но самъ собою разшворился!

— Ну, дочка, поживай и веселись здѣсь!

Всегда говоришь: не только дворъ мой весь,

Но даже и Духовъ подземныхъ и воздушныхъ,

Велѣніямъ моимъ послушныхъ,

Дю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,

Старуха хитрая, кивая головой,
 Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ прозьбою такой?
 Желанье дерзко . . . безразсудно,
 То правда; но его исполнишь мнѣ нешрудно;
 За чѣмъ же дурочку отказомъ огорчишь? . . .
 Къ шомужь, я шѣмъ могу ее и поучишь.

— Изрядно! наконецъ сказала:

Исполнишя, какъ ты желала. —

И вдругъ, о чудеса!

И крестница и мать взвились подъ небеса

На лучезарной колесницѣ,

Подобной въ быспрошѣ синицѣ,

И меньше, нежели въ три мига,

Спустились въ новый міръ, отъ нашего отчужденной,

Въ кошоромъ пронъ веснѣ воздвигнушъ неизмѣнной!

Въ немъ рѣки, какъ хрусталь, какъ бархашъ берега,

Деревья яблонны, кусточки ананасны,

А горы всѣ или янтарны, или топасны.

Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ,

То врядъ изобразитъ и Богдановичъ (*) самъ.

Я только то скажу, что всѣ матеріалы,

(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ)

Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,

Дворецъ сей стромоздиль: лишь изумрудъ, опалы,

Порфиръ, лазурь, пиронъ, кристаллъ,

Жемчугъ и лалъ,

Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя Природы,

Какими свадебны набишы Руски оды;

(*) Ипполитъ Федоровичъ, Авторъ Поэмы: Душенька.

Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ пише, пише, пише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтра*ною уснулъ.

Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;

Зефиръ вспорхнулъ,

И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ возкурилась;

Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,

Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья

И съ шумомъ рѣзваго фонтана,

Воспѣлъ: „проснись, проснись, счастливая *Вѣ-*

*тра*на!“

Она проснулась, и спальня ужь садъ,

Жилище райское веселій и прохлады!

Повсюду чудеса *Вѣтра*на обрѣтала:

Гдѣ только ступишь лишь, шупъ роза разцвѣтала;

Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны деревья,

Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава

Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ ошливаетъ;

Тамъ рѣчка по песку златому прошекаетъ;

Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ

Мелькаютъ рыбки золотыя;

Тамъ пшички гимнъ поютъ Природѣ и Веснѣ,

И попугаи голубыя

Со Эхомъ въ запуски твердятъ:

„*Вѣтра*на! насыщай свой взглядъ!“

А къ полднямъ новая картина:

Садъ превратился въ храмъ,

Украшенный по сторонамъ

Столпами изъ рубина;

И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ

Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.

И вдругъ отъ свода опустился

Отправляюсь на мало время —
 Вѣдь у меня заботѣ берема —
 Кѣ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтѣ;
 Она недалеко живетѣ отсюда — вѣ Колѣ;

Да по дорогѣ ужь отшолѣ

Зайду и кѣ брату я,
 Камчатскому Шаману.

Прощай, душа моя!

Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану. —
 Тутѣ коврикѣ *самолѣтъ* она подосплала,
 Сшупила, свиснула, и вѣ мигѣ изѣ глазѣ ушла,
 Какѣ будто бы и не была.

А удивленная *Вѣтра*,
 Какѣ новая Діана,

Осталась между Нимфѣ, исполненныхѣ заразѣ;
 Онѣ потчасѣ ее подѣ ручки подхватили,
 Помчали, и зѣ столѣ роскошный посадили,
 Какого и *видомѣ не видано* у насѣ.

Вѣтра кушаетѣ, а дѣвушки прекрасны,
 Изѣ коихѣ каждая почти, какѣ ты ... мила,

Поджавши руки вѣругѣ стола,
 Поютѣ ей арии веселыя и спрасины,
 Стараясь слухѣ ея и сердце улаждать.
 Потомѣ она едва задумала вспанашѣ,

Вдругѣ — дѣвушекѣ, стола не спало,
 И залы будто не бывало:

Ужѣ спальней сдѣлалась она!

Вѣтра чувствуетѣ пріятну помность сна,
 Спускается на пухѣ изѣ розѣ вѣ сплетенномѣ нишѣ;
 И вѣ томѣ же мигѣ смычокѣ невидимый запѣлѣ,
 Какѣ будто бы самѣ дицѣ за пологомѣ сидѣлѣ;

Ужасна буря заревѣла;
 Все рушится, падетъ вверху дномъ,
 Какъ не бывалъ волшебный домъ;
 И бѣдная *Вѣтра*,
 Блѣдна, безгласна, бездыханна,
 Спремглавъ лепишъ, лепишъ, лепишъ —
 И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
 Средь спрашныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
 Жилища вѣдьмъ, волковъ,
 Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтра возрыдала,
 Когда опомнившись узнала,
 Куда попала она;

Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
 Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна,
 Сквозь чернаго ея покрова не мелькали:

Всё спишъ!

Лишь воешъ вѣтръ, лишь кустъ шумишъ,
 Да изъ дупла въ дупло сова перелешаетъ,
 И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
 Сиротка думаетъ, идти ли ей, или нѣтъ,
 И ждашъ, когда луны забрезжитъ блѣдный свѣтъ?
 Но это часъ воровъ! и такъ она рѣшилась
 Не мѣшкая идти; и такъ перекрестилась,
 Вдохнула, и пошла по вязкому песку

Со страхомъ и шоскою;
 Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступишъ шагъ ногою;
 Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: ху ху!
 Тамъ лѣшій выспавилъ изъ за-дереьевъ роги;
 То слышишся ахъ; то вспыхнулъ огонекъ;

На розовыхъ цѣтяхъ сполѣ круглый изъ серебра
Съ такою жь пищею, какъ вѣчера,

И въ воздухѣ остановился;

А подѣ *Вѣтра*ной очутился

Съ подушкой бархатною тронѣ,

Чтобы съ него ей кушать,

И пѣніе, какимъ гордился бѣ Амфіонѣ,

Тѣхъ Нимфѣ, которыя вѣчера служили, слушать.

„По чести, это рай! ну, ешьте бы теперь,

*Вѣтра*на думаетъ, подкрался въ эту дверь . . .“

И слова не скончавъ, въ пріюмо она взглянула —

Сошла со трона и вздохнула!

Что дѣлала потомъ она во весь томъ день,

Признаться, сказывать и лѣнь,

И не умѣется, и было бы не ксшатъ;

А только объявлю, что въ этой же палатѣ,

Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,

Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,

И что на утро былъ день новыхъ превращеній

И новыхъ восхищеній;

А на другой день томъ. — „Но что это за мѣръ?

*Вѣтра*на говоритъ, гармоніи внимая.

Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:

Всѣ эдакъ, то шоска возьметъ и среди рая!

Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;

Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?

Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!

Веселье веселишь, когда его дѣлишь.“ —

Лишь это вымолвишь успѣла,

Вдругъ набѣжала тѣма, всталъ вихоръ, грянулъ

громъ,

Въ другомъ углу колдунъ *досужій* (*) бормоталъ;
У шкафажъ за столомъ, восчанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ,
Кошорый по Москвѣ считался знаменитымъ,

За шѣмъ, что былъ одинъ.

И все собраніе *Вѣтраны* съ первымъ взоромъ;

Очнулась! возгласило хоромъ;

Очнулась! повпоряешъ хоръ;

Очнулась! — и весь дворъ

Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!

Боярыня жива! нѣтъ горя намъ шеперь!

А въ эту самую превогу

Вошла *Всевѣда* въ дверь.

И бросилась къ *Вѣтранѣ*.

„Ахъ, бабушка! за чемъ явилась ты не ранѣ?

Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?

И что я видѣла? . . . Спрахъ . . . ужасъ!“ — Ты
спала;

А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаетъ;

Прости, развеселясь шаруха продолжаетъ,

Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты

По молодости лѣтъ ударила въ мечты;

И для того, когда ты съ прозьбой приступила,

Трехсуточнымъ тебѣ я сномъ обворожила,

И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,

Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ

И новыхъ благъ желая,

Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

(*) Въ старину ихъ называли *досужими*. См. Ядро Росс.

То вбѣдва кошкою бросается съ дороги,
 Иль кто-то скрылся за пенёкъ;
 То по лѣсу раздался хохотъ,
 То вой волковъ, то конской попошъ.
 Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
 Когда мои стихи въ Журналы отдавалъ;
 Не даромъ и *Вѣтра* плачетъ!
 Ужь въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
 Съ рогашиной въ рукѣ, съ пицалью за плечьми,
 Спой! спой! онъ гаркаетъ, сверкаячи очьми:
 Спой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ;
 Иль свѣта не увидишь болѣ! . . .
 Кто ты? нагнавъ, ее онъ грозно продолжалъ;
 Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
 Беретъ ее въ охапку
 И поперегъ кладетъ сѣдла,
 А самъ, надвинувъ шапку,
 Припавъ къ лукѣ, лешитъ какъ изъ лука стрѣла,
 Лешитъ, исполненный отваги,
 Чрезъ холмы, горы и овраги,
 И *Клязьмы* доскававъ высокихъ береговъ,
 Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ
 словъ;
Вѣтра жъ: ахъ! . . . и пробудилась. —
 Представъше, какъ она взглянувши удивилась!
 Вся горница полна людей:
 Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
 Сестры и пещушки вокругъ ея постели
 Въ безмолвьи сидѣли;
 Въ углу приходской попъ молился и чишалъ;

СОДЕРЖАНІЕ

второй части.

	Стран.
Тибуллова Элегія.	5
Счетъ поцѣлуевъ.	9
Признаніе.	11
Сила любви.	12
Элегія.	13
Горлица и прохожий.	14
Споръ на Олимпѣ.	15
Пѣсни.	16
Къ Ѳ. М. Д. *** сочинившему голосъ на пѣ- сню мою : Голубокъ.	33
Шансы. Къ Н. М. Карамзину.	34
Наслажденіе.	37
Шансы.	39
Быль.	40
Спаринная любовь. Баллада.	42
Меланхоликъ. Романсъ, подражаніе Французскому.	44
Людмила. Идиллія.	46
Мадекасская пѣвница.	47
Спѣвѣдъ.	49
Каррикатура.	52

Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой-жишѣ семьѣ?
И такъ, впередъ страшишь ты покидать ее!

Будь добрая жена и мать чадолюбива,

И будешь всѣми ты почтенна и счастлива. —

Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтра* обнимать

Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всевѣду*.

Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;

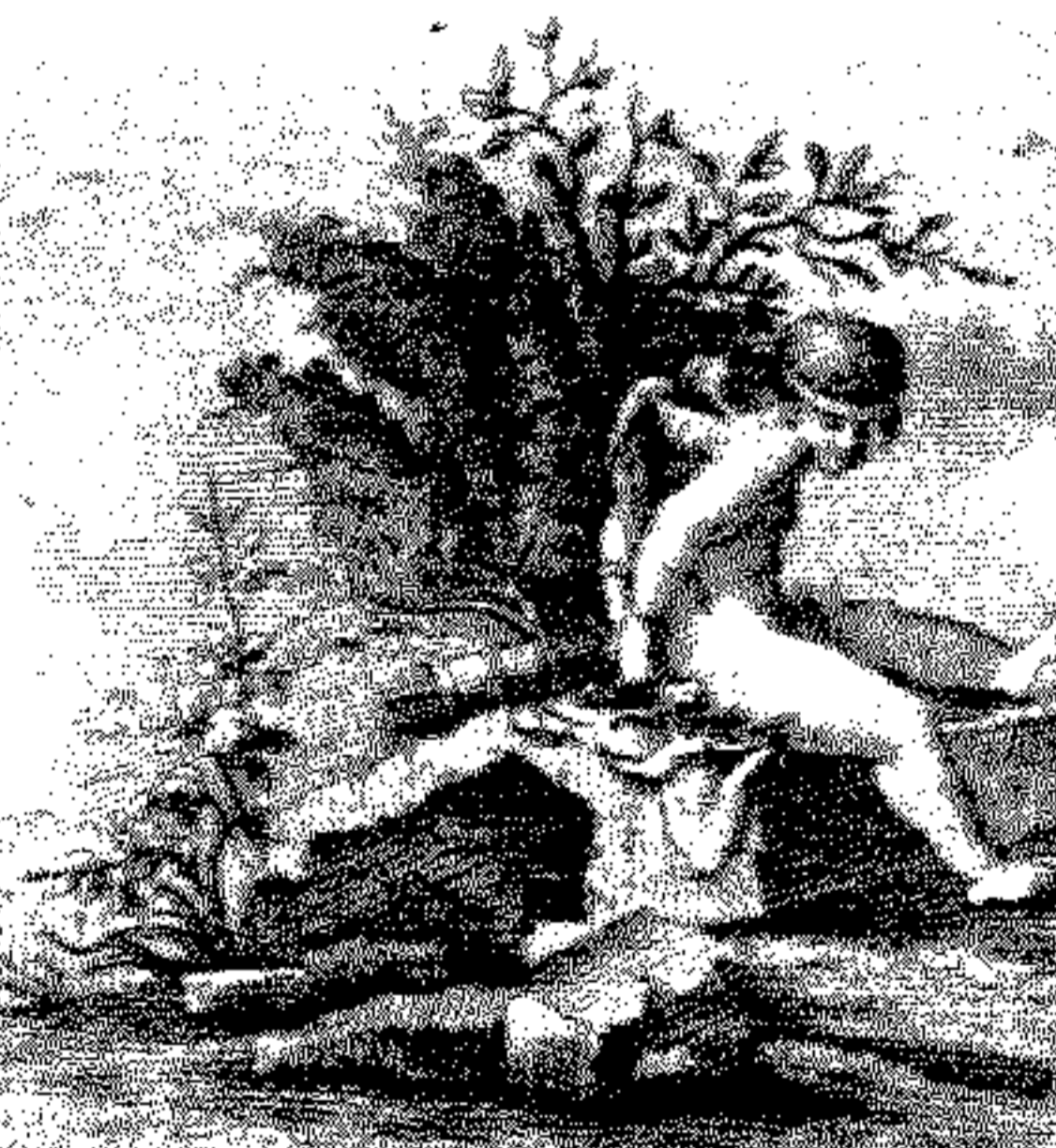
Наѣхали, нашли, и сѣли пировать:

Ужъ лицецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,

Всякъ пьетъ и говоритъ, любясь на бокалъ:

„Что машушки Москвы и краше и милѣе?“ —

На силу досказалъ.

Къ А — Г — С . . . . й, на вызовъ ея напи-			
сать стихи.	-	-	94
Къ ней же.	-	-	96
Къ ней же, въ день ея рожденья.	-	-	98
Къ Машѣ.	-	-	99
Грусть.	-	-	101

С к а з к и.

I. Филемонъ и Бавкида.	-	-	105
II. Модная жена.	-	-	111
III. Воздушныя башни.	-	-	118
IV. Картина.	-	-	124
V. Причудница.	-	-	118

Надписи къ портретамъ.	-	-	57
Эпишафи.	-	-	59
Эпишафія Эпишафіямъ.	-	-	61
Кеношафія.	-	-	62
Экспромшъ на игру Г. Дица.	-	-	63
Мадригаллы.	-	-	64
Надписи къ портретамъ.	-	-	66
Къ Венериной спашуъ.	-	-	68
Эпиграмма.	-	-	69
Надписи къ Амуру.	-	-	70
Къ альбому Е*. С*. О. . . . й.	-	-	71
———— К. Н. И. К.	-	-	72
Къ * * *, которая хотѣла испортить часы.	-	-	73
Слабость.	-	-	74
На случай полученія отъ неизвѣстной Особы вышедшаго на каивъ Генія.	-	-	75
Загадка.	-	-	76
Путешествіе.	-	-	77
Къ пріятелю, который, по сходству двухъ различныхъ фамилій, часто принималъ одну вмѣсто другой.	-	-	78
Близнецы.	-	-	79
Амуръ и Дружба.	-	-	80
Исторія любви.	-	-	81
Люблю и любилъ.	-	-	82
Супружняя молитва.	-	-	83
Къ * *. О выгодахъ быть любовницею Стихо- творца.	-	-	84
Къ * * *, при сообщеніи ей другихъ стиховъ.	-	-	88
Къ младенцу.	-	-	91

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Император-
скаго Московскаго Университета.

СОЧИНЕНІЯ
ДМИТРИЕВА.

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе третіе.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1810.

Б А С Н И.

Часть III.

И гнетъ тебя къ земли,
 Тогда, какъ я — высокъ, осанистъ и вдали,
 Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
 Но даже бурный вихрь и громы презираю;
 Стою, и слышу вокругъ спокойно прескъ и стонъ;
 Все для меня Зефиръ, тебѣжъ всё Аквилонъ.
 Блаженнабъ ты была, когдабъ росла со мною:

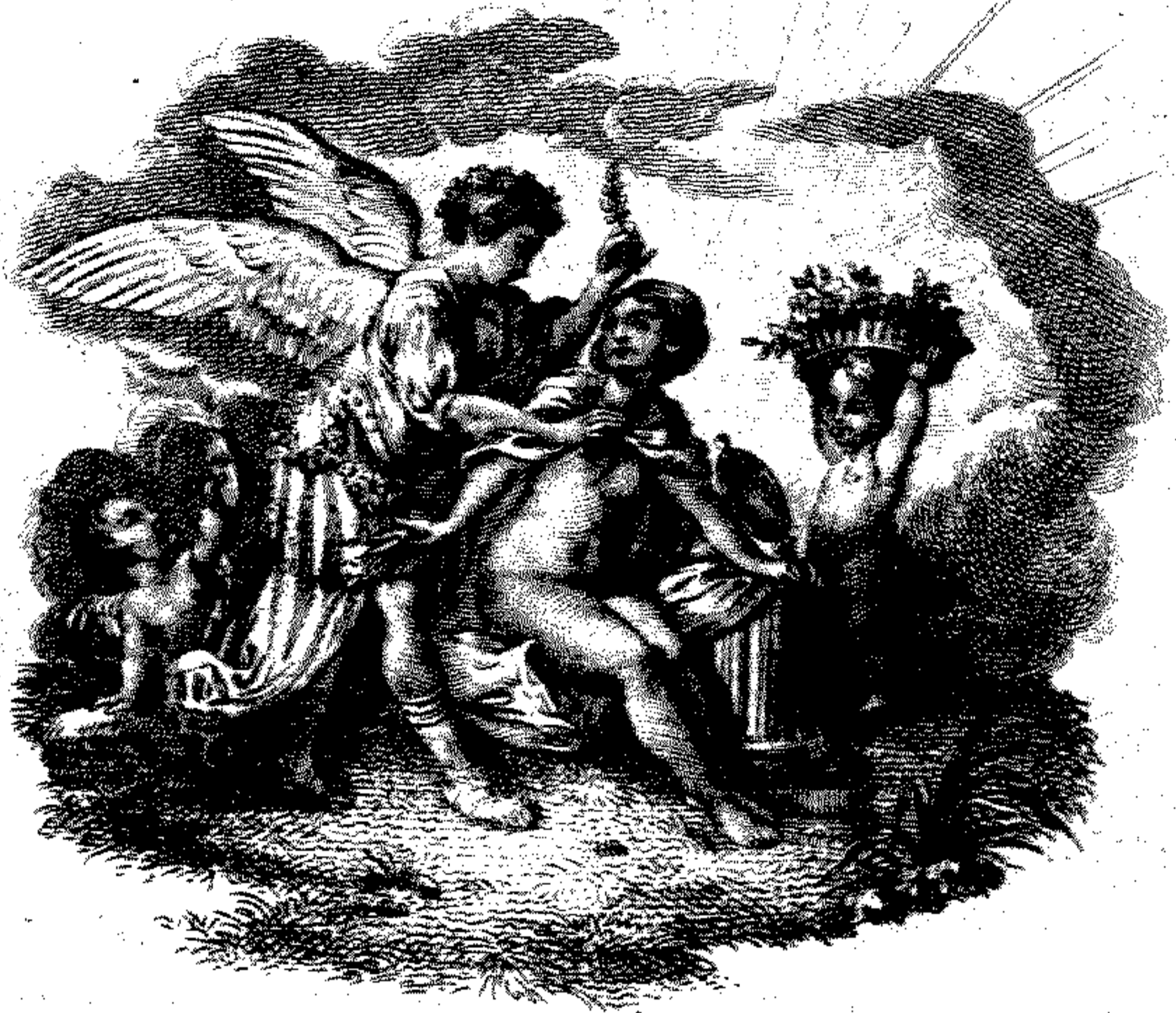
Подъ тѣнию моей густою
 Тыбъ не спрашивалась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
 Расти, намѣсто злчна дола,
 На топкихъ берегахъ владычества Зола.
 По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ,
 „Ты очень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
 Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,

Да не о чемъ и воздыхать;
 Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
 Хошя порывы ихъ ужасны
 И не могли тебя досель поколебать,
 Но подождемъ конца.“ ... Съ симъ словомъ вдругъ
 завыва

Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
 Ударилъ грозный вѣтръ — всё рушишь и валяшь;
 Лешишь, кружишься лисъ, Трость гнется —
 Дубъ стоишь.

Вѣтръ, пуще вооружась, изъ всей ударилъ мочи —
 И топъ, на коего съ шрудомъ взирали очи,
 Къ ада и небесъ едва не досягалъ —
 Упалъ!

Б А С Н И.

К Н И Г А П Е Р В А Я.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Б а с н ь I.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
Жалбю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалбю, Тросточка; обѣ участли швоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду;

Часть III.

Какой - то огненного цвѣта,
 И такъ, какъ двѣ руки, служащи для полета;
 Онъ ими такъ махалъ,
 И такъ ужасно горло дралъ,
 Что я таки не прусъ, а подавай Богъ ноги —
 Скорѣе отъ него съ дороги.
 Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
 Нашелъ наставника и друга;
 Въ глазахъ его была написана услуга;
 Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
 Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
 Смиранны, крошкѣ, но полные огня!
 Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
 Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
 А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
 Что у него должна быть симпатія съ нами,
 Высокородными мышами.“
 — А я тебѣ на то скажу,
 Мышенка мать оешановила,
 Что эшотъ доброхотъ,
 Котораго тебя наружность такъ прельстила,
 Смиранныкъ эшотъ — Котъ!
 Подъ видомъ крошечки, онъ врагъ нашъ, злой
 губитель;
 Другой же былъ Ишухъ, смиренный куръ любитель
 Не только отъ него не видимъ мы вреда,
 Иль огорченья,
 Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
 Впередъ, по виду щы не дѣлай заключенья!

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

Б а с н ь II.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышенокъ, невидавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вошъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:
„Оставя нашу нору
И перебравшись чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжати,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочеть показать,
Что онъ уже не ребенокъ.
Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добрѣ, такъ плавно выступалъ,
Такъ милостивъ былъ собою!
Другой — нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто
съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожжишь наростъ

Работать міру кшо отрекся для Него.

Однажды предъ нее предстало воздыхая
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ:
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ

Противу кошечья народа,

Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И *Крысолозисъ* ихъ въ осадъ ужь держалъ.

„Всеобща бѣдность и невзгода,

Посольство говоритъ, причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;

Что было съ нами, все проѣли,

А путь еще далекъ! и для того посмѣли

Зайти къ тебѣ, и бить челомъ,

Снабдить насъ въ крайности посильнымъ пода-
яньемъ.“

Зашворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ,
И лапки положила на грудь свою крестомъ,

„Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,

Я отъ жишайскаго давно уже отскакала;

Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?

Да низпошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь

Молю Его за васъ готова.“ —

Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кшо, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышъ?

Монахъ? — Избави Богъ и думать! — Нѣтъ, Дервишъ.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Б а с н ь III.

Воспочны жишели, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суешою,
Слѣпаго счастья игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландской сырѣ.

Тамъ, свяшоспью одной своею пишая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:

Ногами

И зубами

Голландской сырѣ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ

Изрядну келейку съ доспапочнымъ запасомъ.

Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ

Развѣлась такъ, что страхъ!

Короче: на порогъ рая!

Самъ Богъ блюдетъ того,

Быкъ, шею выпянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и размешавши гриву,

Ржешъ, пышетъ и лешитъ чрезъ ниву.

И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ!
Со шрескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со гра-
домъ,

И пали пастухи со стадомъ.

Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,

Все стало ярче и свѣтлѣе,

Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —

Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.

О бѣдненькой мой Чижъ! онъ, мокрыми крылами

Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ лешитъ,

И ей со вздохомъ и слезами

Носокъ повѣся говоритъ :

„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ :

Впредь ушро похваляю, какъ вечеръ ужь наступитъ.“

ЧИЖИКЪ и ЗЯВЛИЦА.

Б а с н ь IV.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поетъ:

„Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ,

И съ домикомъ меня заспанетъ?

Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?

Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!

Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!

Ахъ! я такого дня не видѣлъ давно.“

Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлишь!

„Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдъ,

Смирено приклонившей къ вѣшкѣ:

„Что ты задумалась? давай-ка день хвалишь!

Смотри, какъ солнышко...“ — Но солнце вдругъ

сокрылось,

И небо тучами отовсюду обложилось;

Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,

Лишь галки спаями гуляютъ по песку,

И крикомъ бурю вызываяютъ;

Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;

ЛИСА-ПРОПОВѢДНИЦА.

Б а с н ь VI.

~~~~~
Разбитая параличомъ

И одержимая на старости подагрой

И хирагрой,

Всемъ шѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,

И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,

Лисица

Уединилася отъ свѣта и отъ зла,

И проповѣдывать въ пустыню перешла;

Тамъ кроткія свои бесѣды разшворяла

Хвалою воздержности, смиренью, правотѣ;

То плакала, то воздыхала

О братіи, въ мірской утопшей суешѣ;

А братій и всего на проповѣдь собиралось

Пянь, шесть на перечотѣ;

А иногда случалось

И менѣ того, и то Сурокъ да Кротъ,

Да двѣ, три набожныя Лани,

Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подморъ;

Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?

М Ъ С Я Ц Ъ.

Б а с н ь V.

Наспала нѣчь, и скрылся образъ Феба.

„Утѣшьшесь! Мѣсяцъ говоритъ:

Мой лучъ не менѣе горитъ.

Смотрите: я взошелъ, и свѣтъ лию къ вамъ съ неба!“

Пусть переводчики дадутъ ему отвѣтъ:

Какъ мѣсяцъ ни свѣтитъ, но всё не солнца свѣтъ.

Короче вамъ : Лиса вошла и въ честь и славу ;
Царь Левъ , давъ лапу ей , привѣшливо сказалъ :

„Тобой я истину позналъ ,

И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ ;
Чего жь ты потребуешь во мзду твоихъ уроковъ ?

Скажи , безъ всякаго зазрѣнья и стыда ;

Я твой должникъ.“ — Лиса глядь , глядь шуда , сюда ,

Какъ будто созѣвши почувствуя улику :

„Всецѣдный Царь — отецъ !

Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ :

Индѣкѣ . . . *малую - толику* .

Но Лисій дальновидѣнїѣ взорѣ :

Она перемѣнила струны ;

Взяла суровый видѣ , и бросила перуны

На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ ,

На Тигровъ , даже и на Львовъ !

Чтожъ ? слушателей шѣмъ стеклася ,
И слава о ея вишїйствѣ донеслася

До самого царя зѣбрея ,

Который, не смотря, что въ немъ порода Львина,

Былъ смирный, такъ сказать, дѣшина,

И набожный подѣ старость дней.

„Послушаемъ Лису! Левъ молвилъ: что за диво?“

За словомъ въ слѣдѣ указѣ ,

И въ сушки, ежели не лживо

Историкъ увѣряетъ насъ ,

Лиса приезжена, и проповѣдь сказала ;

Какую жъ проповѣдь! изъ кожи лѣзла вонъ !

Въ тирановъ громъ она бросала ,

И шупъ же спонъ

И слезы извлекала ,

Представляя, какъ опъ нихъ

Невинность унываетъ ,

И каждый дѣсъ въ мученьяхъ злыхъ

На небо лишь взираетъ ,

Откуда праведный Судья и Царь царей

Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.

Придворные оцѣпенѣли :

Какъ можно при Дворѣ такъ дерзко говорить !

Другъ на друга глядяшъ, но говорить не смѣли ,

Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить.

Какъ новость, иногда и правда намъ по праву !

Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,

А птичка ту же пѣсню пѣтъ:

„Эй худа бытъ! еще вамъ, птички, предвѣщаю:

Не дайте льну созрѣть;

Воиъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться
лиха!“

— Молчи, злобщая вралиха!

Вскричали птички ей:

Ты думаешь легко высчитывать все поле! —

Еще прошло съ десятокъ дней,

А можетъ и гораздо болѣ,

Ленъ выросъ и созрѣлъ.

„Ну, птички, вотъ ужъ ленъ поспѣлъ;

Какъ хотите меня зовите,

Сказала Ласточка, а я въ послѣдній разъ

Еще пришла наставить васъ:

Теперь шого и ждите,

Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать,

А послѣ съ вами воевать:

Силками васъ ловить, изъ ружей убивать,

И сѣтью покрывать;

Избавишься такого бѣдства

Другаго нѣтъ вамъ средства,

Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не журавли,

Для васъ вѣдь море край земли;

Такъ лучше ближе приютишься,

Забьешься въ гнѣздышко, да въ немъ не шеве-
лишься.“

— Пошла, пошла! другихъ спрашай

Своимъ ты вздоромъ!

ЛАСТОЧКА И ПТИЧКИ.

Б а с н ь VII.

Лешунья Ласпочка и шамъ и сямъ бывала,

Про многое слыхала,

И многое видала,

А пошому она

И болѣ многихъ знала.

Пришла весна

И спали сѣять ленъ. „Не по сердцу миѣ это!

Пичужечкамъ она швердитъ;

Сама я не боюсь, но васъ жаль: придетъ лѣто,

И это сѣмя вамъ напасши породитъ:

Произведетъ силки и сѣшки,

И будетъ вамъ виной

Иль смерти, иль неволи злой;

Спрашитесь вершела и клѣшки!

Но умъ поправишь все, и вошь его совѣтъ:

Слепишься на загонъ и выключишь все сѣмя “

— Пустое! разсмѣясь вскричало мѣлко племя:

Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма нѣтъ! —

ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА.

Б а с н ь VIII.

„Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
И спорожъ и Министръ, и олшарей служишель,
И докторъ, и больной, и самый Государь —
Всѣ чувствующъ, что я важнѣй, чѣмъ Календарь!
Я всякому изъ нихъ минуты означаю,

Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!“

Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,

Хвалилась Стрѣлка часовая,
Межъ тѣмъ, какъ бѣдная Пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!

Пружина Секретарь, а стрѣлка, между нами . . .

Но вы умны; смекайте сами.

Вскричали пташечки ей хоромъ ;

А намъ гулять ты не мѣшай. —

И такъ онѣ въ поляхъ лезали да лезали,
Да въ клѣтку и попали.

Всякъ только своему разуму въ слѣдъ идетъ ;
А вѣруешь бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

А шопѣ и радѣ служить: скотину онѣ взыздалѣ,
 Вспрыгнулѣ къ ней на спину, и сполько рыси далѣ,
 Что прышкой нашѣ Олень въ минуту сталѣ ихѣ
 жертвой:

Наспигнулѣ, пораженѣ и палѣ предѣ ними мершвой.
 Тогда помощника она благодаритѣ;

„Ты мой спаситель! гозоритѣ;

Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;

А между тѣмѣ . . . уже не въ мочь моей спинѣ;
 Не лзяль сойши съ меня? Пора мнѣ въ степь
 отсюду!“

— За чѣмѣ же не ко мнѣ?

Сказалѣ ей Человѣкѣ: въ степи какой ждашь холи?

А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ,

И по брюхо всегда въ овсѣ. —

Увы! что сладкій кусѣ, когда нѣтъ милой воли!

Увидѣлѣ бѣдный Конь и самѣ, что сглуповалѣ,

Да поздно: подѣ ярмомѣ состарѣлся, и палѣ.

ЧЕЛОВѢКЪ И КОНЬ.

Б а с н ь IX.

Чишаптели! кошпшелъ знашь,
Какъ лошадъ намъ покорна спшала?
Когда семья людей за лакомство считала
Коренья, жолуди жевашъ;
Когда еще, не такъ какъ нынѣ,
Не знали ни карешъ, ни шоръ, ни хомушовъ;
На стойлѣхъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочешъ, всей скопшнѣ:
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами;
Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы оппашшш, да на бѣду ногами
Не такъ проворешъ, какъ Олень;
Гоняся за нимъ напрасно, спашъ онъ въ пень.
Что дѣлашь? Мшценіе отъ вѣка
Пружина важная сердецъ;
И Конь прибѣгнулъ, наконецъ,
Къ искусству человека.

Р У Ж Ь Е и З А Я Ц Ъ.

Б а с н ь XI.

Трусливыхъ наберешь не мало,
Отъ скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душою не собрался,
А только сжался,
И, уши на спину, моргая носомъ, ждешь,
Что вмигъ Ружье убьешь.
Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ;
Часъ и еще — перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Пошомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытной взглядъ. —
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ —
И наконецъ къ Ружью подходитъ. —
Такъ это, говоришь, на Зайца страхъ наводишь;
Посмотримъ ближе . . . . да оно
Какъ мертвое лежишь, не говоришь ни слова!

Л Е Б Е Д Ь и Г А Г А Р Ы.

Б а с н ь Х.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
Гагары на него изъ зависти напали,

И крылья шиной замаравъ,
Вкругъ Лебедя шѣснясь, нарочно ошрахаи,

И брызгами его марали ;

Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ :

Онѣ въ воду погрузился,

И въ прежней бѣлизнѣ

Съ величествомъ явился.

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ !

Возитесь, какъ хотите,

Но право, истинный талантъ не помрачите ;

Удѣлъ его : сіять въ вѣкахъ.

ОРЕЛЬ, КИТЬ, УЖЬ и УСТРИЦА.

Б а с н ь XII.

Орель парилъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ, а Ужь ползъ по земли;
И всѣ, что рѣдкость между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долъ;
Однакожь говорить и мыслить въ нашей волѣ.
И Устрица моя ни мало не винна,
Что, глядя на шово, другова,
Возстала на судьбу она.
Тѣфу пропасть! вскрикнула, не ужель никакова
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я! ... нѣтъ, это даръ не мой;
Дай поплыву! — всё идетъ хило;
Хоть пополземъ — ни шутъ-то было!
А что и эшова досады сто разъ:
Подкрался водолазъ,
Который видно что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ ротъ и на здоровье скушалъ.

*

Ага! хозяинъ спитъ — такъ и Ружье равно
Безсильно, какъ лоза, безъ помощи друга.

Сказавши это, Заяцъ мой

Въ минушу сталъ и самъ герой:

Храбрился, и Ружье ужь лапою толкаетъ.

Прочь, бѣдна шварь! Ружье молчанье прерываетъ:

Или не знаешь ты, что я лишь захочу,

Сей часъ тебя въ ничто за дерзость превращу?

Опъ грома моего и Левъ побѣдоносный,

И кровожадный Тигръ съ шрепешомъ бѣгутъ;

Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!

Иль молнии мои тебя сожгутъ.

„Не такъ-то строго!

Опъ Зайца былъ Ружью опавшъ:

Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ;

И между Зайцами трусливыхъ ужь не много:

Ты страшно лишь въ рукахъ стрѣла, а безъ него

Ты ничего.“

Ничто и ты, Законъ! подумаешь чиншатель,

Когда не бодрствуетъ, но дремлетъ Предсѣдатель.

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ

Б а с н ь XIII.

Двѣ Лошади везли карету.

Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:

„Съ какою зависью смотрю на пару эту!

Нѣтъ дня, чѣмбъ гдѣ нибудь ее я не встрѣчалъ,

Всѣ вмѣстѣ: видно очень дружны!“

— Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!

Сказала въ слѣдъ ему одна изъ Лошадей:

Ты только лишь глядишь на признаки наружны;

Диковинкаль всегда въ упряжкѣ бытъ одной,

А розно жишь душой?

Увы! не намъ чеша, живущъ на насъ похоже!“ —

Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ щепнулъ въ Собраньи по же,

Вотъ такъ - то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ!

И рѣдкой человѣкъ

Доволенъ участью бываетъ.

„Изрядно, но ... авось и лучшее найду.“

А смотришь: и нашелъ бѣду!

А сердце въ горести и пуще имовѣрно !

Когда разстанусь я съ тобой,
 То будешь каждый день мнѣ угрожаешь бѣдой :
 То Яспребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками ;
 То Коршунами, то силками —
 Все злое сердце мнѣ на память приведетъ ;
 Ахши мнѣ ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ !
 Здоровъ ли - то мой другъ ? не терпишь ли онъ
 холодъ ?

Не чувствуешь ли голодъ ?

И мало ли чего не вздумаю тогда !
 Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода :
 Журчитъ и мимо прощается.
 Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
 А всё - таки лѣшью желаетъ.
 „Нѣтъ, брашецъ ! шакъ и бытъ, сказалъ онъ, по-
 лечу !

Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу ;
 Не плачь, пройдемъ дни три, и буду я съ тобою

Блещать

И ворковать

Опять подъ кровлею одною ;

Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ —
 Вѣдь все одно да шожь приговорится намъ —
 Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо ;
 Скажу : я шамъ - то былъ, такое видѣлъ чудо,

А шамъ случилось то со мной —

И ты, дружечикъ мой,

Наслушавъ меня, шамъ свѣдущъ будешь къ лѣшю,
 Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣшю.

Д В А Г О Л У Б Я.

Б а с н ь XIV.

~~~~~

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.

Соскучился одинъ всё видѣшь тожь да тожь;
Задумалъ погулять, и другу въ томъ открылся;
Тому вѣсть эта острый ножъ,
Онъ вздрогнулъ, прослезился
И къ другу возопилъ:

Помилуй, брашецъ! чѣмъ меня ты поразишь?
Легколь въ разлукъ быть! . . . Тебѣ легко, же-
стокой!

Я знаю; ахъ! а мнѣ . . . я съ горести глубокой
И дня не проживу. . . . Къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускашься?
Хоть до Зефировъ ты, Голубчикъ, погоди!
Къ чему спѣшишь? Еще успѣемъ мы расстаться!

Теперь лишь Воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнія — спашуся я безмѣрно! —
Какойнибудь изъ птицъ напастъ онъ предвѣщалъ,

Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка,
 Но, къ счастью, шупъ Орелъ съ широкими крылами
 Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ;
 И такъ, благодаря спеченію воровъ,
 Нащъ пушникъ Соколу въ добычу не достался;
 Однако все еще съ бѣдой не развязался:
 Лежа опъ Сокола, опъ страха, или такъ,
 Насунулся избы на уголъ, какъ дуракъ,
 И вывихнулъ крыло; потомъ въ него мальчишка —
 Знашь голубиный былъ и въ томъ еще умишка —
     Кирпичъ иль камешекъ лукнулъ,
 И такъ его зашибъ, что чупъ онъ ошдохнулъ;
 Потомъ... потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,
 Рѣшился брестъ назадъ, полмершвый, полхромой,
 И прибылъ наконецъ калекою домой,
 Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
 Хотите сшранствовать? Забудьте гордый Нилъ,
 И далъ ближняго ручья не разлучайтесь;
 Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхи-
                                                 щайтесь!

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
 Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
 Бываетъ ли въ любви хоть мигъ, для сердца празд-
                                                 ный?

Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнишь для васъ.
 Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
 Присутствіемъ моей любезной озаренной,
 Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палащъ,

Простижъ! — При сихъ словахъ,
 На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*
 Друзья взглянулись, поклевались,
 Вздохнули и разсѣлись.

Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
 Другой вспорхнулъ, взвился, лешинъ, лешинъ
спрѣлою,

И вѣрнобъ сгоряча край свѣша залешѣлъ;

Но вдругъ покрылось небо мглою,

И прямо спраннику въ глаза

Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать
вамъ словомъ,

Со всею свишою, какъ водится, гроза!

При случаѣ такомъ, опасномъ, хопъ не повѣмъ,

Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,

И радъ еще тому, что только лишь измокъ.

Гроза утихнула, Голубчикъ обсушил сл

И въ пущь опять пустился;

Лешинъ, и видитъ съ высока

Разсыпано пшено, а возлѣ Голубка!

Садится, и въ минушу

Запущался въ сѣти; но сѣть была худа,

Такъ онъ прошивъ ее носкомъ вооружился;

То имъ, по ножкою шланувъ, шланувъ — пробился

Изъ сѣти безъ вреда,

Съ ушрадой перьевъ лишь; но это ли бѣда?

Ко прибавленью страха,

Явился вдругъ Соколъ, и со всего размаха

Напалъ на бѣдняка,

Который, какъ злодѣй, опушанъ кандалами,

Ни царства въ небесахъ! . . . Придешель вы назадъ,
Минушы радостей, минушы восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жишь?
Ужель прошла пора споль милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

Конецъ первой книги.

Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ расчетъ,
 Сирошкаль своего лишается наслѣдства:
 Всѣмъ нужда до его совѣтовъ, иль посредства.
 Какъ важно иногда судилъ онъ у воротъ
 На лавкѣ, окруженъ согласною семьею,
 Дѣтми и внуками, друзьями и роднею!
 „Ты правъ! ты виноватъ!“ бывало скажетъ онъ,
 И эшотъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;
 И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни спороною,
 Скрышь правды предъ его почтенной сѣдиною.

Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
 Пробажій — моралистъ, Натуры испытатель.
 „Скажи мнѣ, онъ спросилъ, какой тебя писатель
 Наспавилъ мудрости? Какихъ Монарховъ дворъ
 Ошкрывъ передъ тобой всѣ тайнства правленья?
 Зенонъ ль строгаго держался ты ученья,
 Иль Пифагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?
 У Эпикура ли бышь счастливымъ учился,
 Или божественнымъ Платономъ озарился?“
 — А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!
 Ошвѣстствуетъ ему смиренно сельскій жителецъ:
 Природа мнѣ букварь, а сердце мой учишель.
 Вселенну населилъ животиными Творецъ;
 Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образцы:
 У крошкихъ голубковъ я перенялъ бышь нѣжнѣмъ;
 У муравья къ труду прилѣжнымъ
 И на зиму запасъ копишь;
 Волкомъ я наученъ шерпѣнью;
 Овечкою смиренью;
 Собакой неусыпнымъ бышь;

К Н И Г А В Т О Р А Я.

М У Д Р Е Ц Ъ и П О С Е Л Я Н И Н Ъ.

Б а с н ь I.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать !

Не знаю, могутъ ли они меня прославить ;

Но мнѣ ихъ тяжело оставитьъ.

Съ животными я радъ всечасно лепетать ,

И вѣкъ мой корошатъ ;

Люблю ихъ общество ! — Согласенъ я , конечно ,

Есть и у нихъ свой плутъ , суната и пролазъ ,

И хуже этого ; но я чистосердечно

Скажу вамъ между насъ :

Опаснѣй шварей всѣхъ словесную считаю ,

И плутъ за плута — я лису предпочитаю !

Такихъ же мыслей былъ покойникъ , мой землякъ ,

Не авторъ , ниже чтецъ , однако не дуракъ ,

Честнѣйшій человекъ , оракулъ всей округи :

Отецъ ли огорченъ , размолвившись супруги ,

МОЛЧАНІЕ СОЛОВЬИ.

Б а с н ь II.

Умолкъ Соловушко! конечно бѣдный боленъ,

Или подружкой не доволенъ,

А можетъ и несчастливъ въ ней!

Миѣ жалокъ онъ! сказалъ печально Воробей. —

— „Онъ жалокъ? Зяблица къ словамъ его приспала:

Какъ мало въ сердцѣ ты чишалъ!

Я лучше отгадала:

Любилъ онъ, такъ и пѣлъ; сшалъ счастливъ,

замолчалъ.“

А естѣлибѣ мы дѣтей невольнѣ не любили,
 То куры бы меня любилѣ ихѣ научили;
 По мнѣ же такѣ легко и всякаго любилѣ!

Я зависти не знаю;

Доволенѣ тѣмѣ, что есть — богатый пусть богатѣ;
 А бѣднаго всегда, какѣ брата, обнимаю,

И съ нимѣ дѣлаться радѣ;

Спешаюсь, наконецѣ, разсудка быть подѣ власною,
 И только — вошѣ и вся моя наука счасною!

„Мнѣ въ деньгахъ нѣтъ нужды, сказалъ имъ прес-
спачокъ :

А съ домомъ ни за что не можно мнѣ разстаться;
Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
Хочу, чѣмъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ конецъ.

Калифъ конечно самовластенъ,
И каждый подданный къ нему подобострастенъ ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
Развѣять въ мигъ гнѣздо мое, какъ прахъ ;
Но чѣмъ послѣдуешь? Несчастливымъ слезы въ пищу:
Я всякой день приду къ родиму пепелищу ;
Возсяду на кирпичъ съ поникшей головой
Небеснаго подъ кровомъ свода ,
И буду предъ Отцемъ народа
Оплакивать мой жребій злой !“

Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ ,
А токъ спѣшилъ объ немъ Калифу донести.
Тебѣ ли, Государь , отказъ такой снести ?
Ужель останется рабъ дерзкой не наказанъ ?
Калифу говорилъ Визирь наединѣ.

„Да! подхватилъ Калифъ, отвѣтъ угоденъ мнѣ ;

И я тебѣ повелѣваю :

Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
Исправишь хижину на счетъ моей казны ;
Я съ нею только жить въ попомкахъ уповаю ;
Да скажешь имъ Дворецъ: такой-то пышно жилъ ;
А эта хижина : онъ правосуденъ былъ !

КАЛИФЪ.

Б а с н ь III.

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна вешхая и близкая къ паденью,
Едвадь приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ шрудился,
Ни злыхъ, ни совѣспи ни мало не страшился,
И *тихимъ вечеромъ* своимъ доволенъ былъ.

Но хужиной его Визирь спалъ недоволенъ:
„Терпимъ ли, онъ своимъ расчитывалъ умомъ,

Видъ бѣдности передъ Дворцомъ?
Но развѣ Государь сломашъ ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не бытъ.“
На эшотъ разв Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ.
Докладъ подписанъ такъ: „*Бытъ по сему; но*

прежде

Строенье ветхое купить.“

Послали Кадія съ сосѣдомъ торговашься;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонными
мѣшокъ —

АМУРЬ, ГИМЕНЬ и СМЕРТЬ.

Б а с н ь V.

Амуръ, Гименъ со Смертью спрогой
Когда-то шли одной дорогой,
Изъ свѣта по своимъ домамъ,
И вздумалось молодцамъ

Впащись старуху въ разговоры.

Признайся, говорящъ, ты, Смерть, не рада намъ?

Ты ненавидишь насъ? — „Я? выпараща взоры,

Спросила Смерть ихъ: да за что?“

— Ну, какъ за что! за то,

Что мы въ намбреньяхъ согласны не бываемъ:

Ты всё моришь, а мы раждаемъ. —

„Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:

Я зла на васъ? . . . Перекреститесь!

Людьми снабжая свѣтъ,

Вы для меняжь шрудитесь.“

ОСЕЛЬ, ОБЕЗЬЯНА и КРОТЬ.

Б а с н ь IV.

Не диво ли? Осель вдругъ ипохондрикъ сталъ!
Зарюмилъ, зарычалъ;
За чемъ неправосудны боги
Быкамъ крутые дали роги,
А онъ рожденъ безъ нихъ, а онъ безъ нихъ умретъ?
Дуракъ дурацкое и вретъ;
Онъ видно думалъ, что въ народъ
Рога въ великой модъ.
Какъ Обезьяну намъ унять,
Чтобъ ей чего не перенять?
Ну, и она богамъ пеняетъ,
За чемъ, къ ея стыду, печали,
Они ей хвостъ короткой дали?
„А я и слепъ! — Зажмищежь ротъ!
Сказалъ имъ, высунясь изъ норки, бѣдный Крошъ!“

Д В А Д Р У Г А.

Б а с н ь VII.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,
И каждый часъ

Другъ съ друга не спускали глазъ;
Всѣ вмѣстѣ, только ночь одна ихъ разводила;
Но, нѣтъ, и въ ночь душа съ душою говорила.
Однажды одному приснился страшный сонъ;
Онъ вмигъ изъ дому вонъ,
Бѣжишь встревоженный ко другу,
И будишь — тошнѣ вскочилъ,
Какую требуешь услугу?
Смушаясь онъ говорилъ:

Такъ рано никогда, мой другъ, не пробуждался!
Что значишь твой приходъ? Иль въ карты про-
игрался?

Вотъ вся моя назна! Иль кѣмъ ты огорченъ?
Вотъ шага! я бѣгу — умру, иль ты опмщенъ! —
„Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое,
Другъ нѣжный ошвѣчалъ: останься ты въ покоѣ;

П Р О Х О Ж І Й.

Б а с н ь VI.

~~~~~

Прохожій вѣ монастырь зашедши на пуши,
Просилъ у братій позволенья
На колокольню ихъ взойши.

Взошелъ, и спалъ хвалишь различныя явленья,
Которыя ему открыла высота :

„Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!
Вдругъ вижу горы, лѣса, озера и долины!

Великолѣпныя картины!

Не правда ли? вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ братій съ нимъ стоящихъ.“

Да! шруженикъ, вздохнувъ, отвѣщивовалъ ему :

Для проходящихъ.

~~~~~

С О В Ъ С Т Ь.

Б а с н ь VIII.

Не шитръ, а человекъ — и сынъ убилъ ... отца!
Убилъ, но никому невѣдомо то было;
Однакожь сердце въ немъ уныло,
Завянулъ цвѣтъ лица,
Спалъ робокъ, одичалъ, и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса.
Однажды, между шѣмъ, какъ онъ бродилъ, помился,
Попалося ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ камень
И началъ въ нихъ лукашь;
Прохожій, видя то, и выйдя изъ шерѣнья,
Кричитъ ему: почто невинныхъ убивать? —
„Какъ! онъ отвѣтствуетъ, легка ли небылица? —
Проклятые кричатъ, что я опцеубійца!“
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;
Онъ весь трясется и блѣднѣетъ;
Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу яснѣетъ,
Винится, и вкусилъ со смертію позоръ.

Проклятый сонъ всему виной!
 Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,
 И я . . . . я столько щѣмъ смутился,
 Что тотчасъ пробудился,
 И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоить духъ.
 Какой безцѣнный даръ, прямой, сердечный другъ!
 Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства;
 Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдства;
 Его бездѣлка, сонъ, ничто приводитъ въ
 страхъ —
 Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ, — и онъ же
 на устахъ!

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ.

Б а с н ь IX.

„Возможно ли, какъ въ тридцать лѣтъ
Перемѣнилось все! . . . ей ей другой сшалъ свѣтъ!
— Подагрикъ размышлялъ, на креслахъ няньча ногу —
Бывало въ наши дни и помолишься Богу,

И погулять, всему былъ часъ;

А нынѣ . . . что у насъ?

Повсюду скука да заботы,

Ни пляшутъ, ни поютъ — нѣтъ ни къ чему охоты!

Такая въ старину бывала и весна?

Гдѣ нынѣ красны дни? гдѣ слышно пшичекъ пѣнье?

Охъти мнѣ! знать пришли послѣдни времена;

Предвижу я свое, Природа, разрушенье!“

При этомъ словѣ вдругъ, съ восторгомъ на лицѣ:

Племянница къ нему вбѣжала!

„Простите, дядюшка! насъ мапушка послала

Съ мадамой въ лѣтній садъ. Есб, всб ужъ на
крыльцѣ,

Какой же красный день!“ И въ мигъ ее не спало.

О Совѣсть ! добрыхъ душъ послѣдняя подруга !
Гдѣ уголокъ земнаго круга,
Куда бы не проникъ твой гласъ ?
Неумолимая ! вездѣ найдешь ты насъ.

Д О Н Ъ К И Ш О Т Ъ.

Б а с н ь Х.

Надсѣвшись Донъ Кишотъ съ баранами сражаться,
Рѣшился лучше ихъ пассти,
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.
Проворнымъ долголь снаряжаться?
Обломокъ дрошика пошелъ за посошокъ,
Кошомкой съ табакомъ мѣшокъ,
Фуфайка спальная пастушечьимъ камзоломъ,
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,
У козюшницы своей соломенную взялъ,
И лентой розоваго цвѣта
Подъ блѣдны щоки подвязалъ
Узлами на манеръ букета.
Спустилъ на волю кобеля,
Которой къ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И сшадю онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу;
И началъ воспѣвать зимой весеннюю розу.
Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому все въ ладъ,

— Какая вѣтреность ! Вотъ модные умы !
Мудрецъ нашъ заворчалъ : какими ли , бывало ,
Воспитывали насъ ? Мой Богъ ! все хуже стало. —
Чишапели ! подагрикъ — мы.

И, къ счастью, въ глазъ, а не въ високъ.
Тупъ ибжрый, вбрый паспушокъ,
Смекнувъ, что это вбавъ убвче, не проказа,
Чрезъ поле рысакомъ во весь пушился духъ,
И съ этой сталъ поры ни вишазъ, ни паспукъ;
Но просто : дворянинъ безъ глаза.

Ахъ! часто и въ себъ я это замбчалъ,
Что глупости ббжа, въ другую попадалъ.

И пусть играетъ всякъ любимую игрушкой ;

А вошъ что не вѣ попадѣ :

Идетъ коровница — почтя ее паслушкой ,
Согнулъ нашъ паслушокъ колѣна передъ ней ,

И размахнувъ руками ,

Пустился пѣть эклогу ей :

„Аглая ! говоришь , прелестная Аглая !

Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ !

Всегда ли будешь ты , мой пламень презирая ,

Лелѣять и любишь овечекъ лишь своихъ ?

Послушай , милая ! тамъ , позади кусточковъ ,

На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ :

Прими вѣ подарокъ ихъ отъ сердца моего ;

Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ :

Увы ! мнѣ , кромѣ ихъ , Богъ не далъ ничего !

Они бѣлы , какъ снѣгъ , равны съ тобою цвѣтомъ ,

Но сердце не швое у нихъ !“

Межъ тѣмъ , какъ толстая коровница Аглая ,

Кудрявыхъ словъ такихъ

Сѣдаго паслушка совсѣмъ не понимая ,

Споитъ , разинувъ ротъ , и выпуча глаза :

Ревнивый мужъ ея , подслушавъ Селадона ,

Такого далъ ему шуза ,

Что онъ невольно лбомъ оплѣскалъ три поклона ;

Однакожь головы и шутъ не потерялъ ;

„Паслухъ-невѣжда ! онъ вскричалъ :

Не смѣй ты нарушать закона !

Начнемъ паслушій бой ;

Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ ;

Не бей меня , но пой !“

Мужъ грубый кулакомъ вщоричнымъ оплѣчаетъ ,

ПРИДВОРНЫЙ и ПРОТЕЙ.

Б а с н ь XII.

Издавна говоряшъ, что будто Царедворцы
Для пользъ опечества худъе рашеборцы;
А я ѣб защищу ихъ скажу, что въ старину
Придворный именно спасъ цѣлую страну,

А вотъ какъ это и случилось :

Былъ моръ, изъ края въ край все царство заразилось;
И рабъ, и господинъ, и попъ, лейбмедикъ самъ,

Все мрешъ; а срокъ бѣдамъ

Зависѣлъ отъ ума Прошея;

Но кто къ нему пойдешъ? Кривляка эшотъ богъ

И прыжкихъ дѣлывалъ безъ ногъ,

Различны виды брашъ умѣя.

Изъ тысячи гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,

Хотя онъ при дворѣ возросъ и посѣдѣлъ,

Идши на всякой страхъ, во что бы то ни спало.

Увидя рыцаря, Прошей зашрепешалъ,

И вмигъ — какъ не бывалъ,

А выползла змѣя прекрасная, скрывъ жало.

„Куда какъ мудрено!

МУХА.

Баснь XI.

Быкъ съ плугомъ на покой шавился по трудахъ;

А Муха у него сидѣла на рогахъ,

И Муху же они дорогой повстрѣчали.

— Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. —

А ша, поднявши носъ,

Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали!

Отъ басни всегда

Нечаянно дойдешь до были.

Случалось ли подѣ часъ вамъ слышать, господа:

„Мы сбили! мы рѣшили?“

КОКЕТКА и ПЧЕЛА.

Б а с н ь XIII.

Прелестная Лизета

Лишь только что успѣла встатьъ

Съ постели роскоши, дойши до туалета,

И дружеской совѣщѣ начатьъ

Съ повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, желаній,

Отрадъ, веселья и спраданій :

Съ уборнымъ зеркаломъ — вдругъ страшная Пчела

Вокругъ Лизеты зажужала!

Лизета обмерла

Вскочила, закричала :

„Ахъ, ахъ! Миссъ Женни, поскорѣй!

Параша! Дунюшка!“ — Весь домъ сбѣжался къ ней;

Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни злоба,

Ни что не отвратишь неумолимый рокъ!

Чудовище крылато

Успѣло уже сѣсть на розовый рошокъ,

И Лиза въ обморокъ упала.

Не дамъ торжесшествовать тебѣ надъ Госпожой!

Сказалъ съ усмѣшкою Придворный:
Я ползашъ и колошъ ужъ выученъ давно. —

И кинулся герой проворный
Ловишь Прошея — тотъ вдругъ обезьяной сталъ,
Тамъ волкомъ, тамъ лисою.

— Не хвастайся передо мною!

И этому гораздъ, Придворный говорилъ,
А между тѣмъ его веревкою крушилъ;
Скрупя же, говоришь легко его заславилъ;
И цѣлую страну отъ мора тѣмъ избавилъ.

ГОРЕСТЬ и СКУКА.

Б а с н ь XIV.

Бѣднякъ, не бѣвши день, отъ глада
Лилъ слезы и вздыхалъ;
Богачъ отъ сытости скучалъ,
Зѣваячи средь сада.

Кому тяжелѣе? Чѣмъ это разрѣшить,
Я долженъ мудреца здѣсь слово приложить:
Отъ скуки самое желанье оплешаешь,
А горести слезу надежда опираешь.

Вскричала Дунюшка, и смѣлою рукой

Въ минушу Пчелку поймала;

А пѣнница, въ слезахъ, въ отчаяньи жузжала:

„Клянуся Флорою! хотѣла ли я зла?

И аленькой рошкѣ за розу приняла.“

Споль жалостная рѣчь Лизету воскресила;

— Дуняша! говоритъ Лизета, жаль Пчелы;

Пусти ее; она почти не уязвила.“

Какъ сильно дѣйствуетъ и крошечка хвалы!

М О Л И Т В Ы.

Б а с н ь XVI.

Благочестивый мужъ стоялъ въ преддверьи храма

Во ожиданіи жреца ,

Чтобъ горстью фимиама

Почтишь вселенныя Творца

И вознести къ Нему смиренные обѣты :

Онъ въ море опустилъ пять съ грузомъ кораблей,

Ошправилъ на войну любимыхъ двухъ дѣшей .

Въ цвѣтущія ихъ лѣшы ,

И ждалъ часъ отъ часу отъ милая жены

Любови новаго залота.

Довольно и одной послѣднія вины

Къ тому , чтобъ вспомнить Бога.

Увидя съ улицы его одинъ мудрецъ ,

Зашелъ въ преддверіе и ешалъ надъ нимъ смѣяться :

Возможноль , говоришь , какой ты образецъ ?

Тебѣ ли съ чернію равняшься ?

Ты умный человѣкъ , а вѣришь въ шомъ жрецамъ ,

Что наше пѣніе доходишь къ Небесамъ !

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ и ГВОЗДИКА.

Б а с н ь XV.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что же? онъ нее душистымъ сжалъ и самъ!

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

СЛѢПЕЦЬ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

Б а с н ь XVII.

„И ты несчастливъ! . . . дай же руку!

Начнемъ другъ другу помогать.

Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;

А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —

И легче будетъ намъ.“

Такъ говорилъ мудрецъ Востока,

И вошъ его же припча вамъ:

Два были нищѣ, и оба власною рока

Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;

Одинъ былъ слѣпъ,

Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;

Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждуть и гроба:

На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.

Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ

На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ;

Всего же чаще голодъ,

И нечувствительность румяныхъ богачей.

Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ;

Невѣдомый, Кто сей громадой міра правитъ,
 Кто взглядомъ можетъ все творенье изтребить,
 Восхочетъ ли на то вниманье обратишь,
 Что непримѣтный червь Его жузжаньемъ славить?
 Подите прочь, ханжи, вы съ ладаномъ своимъ!

Вы истинныя вѣры чужды.

Молишвы! ... нѣтъ Тому въ нихъ нужды,

Кто мудрыми боготворимъ.

„Постой! здѣсь набожный его перерываетъ:

Не истощай ты силъ своихъ;

Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякой знаетъ;

Но можноль намъ прожить безъ нихъ?

Томъ могъ, хошя въ дали, въ день лѣтній видѣшь
поле ;

А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей !

Вся жизнь глубока ночь, и скороль разсвѣтаешъ,
Увы ! не знаешъ.

Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ,

И шу какіе-то злодѣи, не укради,

А нагло онъ его веревки отвязали
И увели съ собой.

Слѣпецъ случайно очутился

На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный помился ;

Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ ;

„Товарищъ ! говоришь, несчастныхъ сводишь Богъ :

Намъ должно побрататься,

Имѣть одну суму

И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться !“

— Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему ;

Но, добрая душа ! какою мы подмогой

Другъ другу можемъ быть ? Я слѣпъ, а ты без-
ногой !

Чтожь будемъ дѣлать мы ? я и еще скажу. —

„Какъ ! подхватилъ слѣпецъ, ты зрячь, а я хожу :

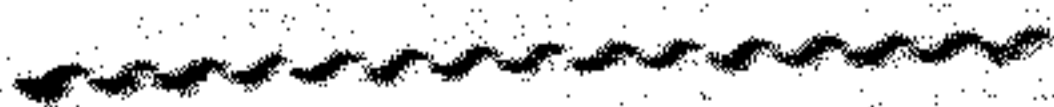
Такъ ты ссужай меня глазами,

А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами ;

Ты за меня гляди, я за тебя пойду —

И будемъ каждый шакъ служишь въ свою чреду.“

Конецъ книги второй.

Для сына въ Менторы достойнѣйшаго звѣря.

Вспалъ Тигръ и говоритъ :

„Война, война Царей великими шворитъ ;
Твой сынъ, о Государь ! бышь долженъ страхомъ
свѣща ;

И такъ образовашъ его младя лѣша

Лишь шомъ способенъ изъ звѣрей,
Которой всѣхъ, по Львѣ, ужаснѣй и страшнѣй.“ —
— И ошорожнѣе, Медвѣдь къ шому прибавилъ,
Чтобъ онъ младаго Льва наставилъ

Умѣшъ и храбростью своею управлять.

Прошиву мнѣнья двухъ Лисѣ идти не можно ;
Однакожь, такъ и сякъ начавъ она виляшъ,

Замѣшила, что дашькѣ должно
Знашъ и полишику, бышъ хитраго ума,
Короче : какова сама.

За нею шомъ и шомъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хошя себя не называли,

Но ясно намекали,
Что въ дашьки лучше ихъ ужъ не кого избрать.
Совѣшы и вездѣ почти на эшу спашъ.

„Позволенош и мнѣ сказать чешыре слова ?

Собака, наконецъ, свой голосъ подала :

Полишики, войны нѣщъ слѣдствія другова,
Какъ много шума, много зла.

Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью ?
Какъ подданныхъ своихъ сосшавишъ щасшье онъ ?
Какъ будешъ ихъ ошцемъ ? чѣмъ ушвердишъ свой
шронъ ?

Любовью.

Вошъ шайнство, вошъ ключъ къ высокой и свяшой

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

Баснь І.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ
Потѣшныя огни, веселья, жертвы, оды;
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:

„Скачи земля! разыграйте воды!

У Льва родился сынъ! — И въ правду, кто не радъ?
Межъ тѣмъ, когда всякъ звѣрь восторгомъ упивался,
Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ предавался,
Кому бы на руки дитя свое опдасть:

Наставникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незлобенъ!
Ктобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?

Не шушка скоро отгадать.

Царь въ нерѣшимости велѣлъ созвать собратъ;
Въ благоволеніи своемъ его утѣря,

Препоручилъ избрать ему,

По чистой созвѣсти, по долгу своему,

Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
„Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣденья Царева?

Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“ —
— Какъ можешь доходишь? Собака отвѣчаетъ;
Его одна толпа щастливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого свѣдятъ,

Не говорятъ —

И такъ нашъ Львеночикъ, безъ дальнихъ размы-
шлений
О томъ, въ чемъ доброшу и мудрость ставишь
свѣтъ,
И добрѣ сталъ и уменъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезныя наставлений.

Онъ, въ доброй школѣ той возрастая, получилъ

Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожь все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему открылъ:
Однажды на пути Собака захопѣла
Взять отдыхъ, и легла подъ тѣнию деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ страшный
звѣрь,

И прямо къ ней — но Левъ,

Закрывъ ее собою,

Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой головою,
Взревѣлъ — и Тигръ уже разтерзанный лежишь!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ
И вопишь: побѣдилъ! благодарю судьбину!

Но яль то былъ, иль нѣтъ? . . . Повѣришь ли,
отецъ,

Наукѣ добраго правленья !

Ктожь Принцу лучшія подасѣ въ ней наставленья?
Никто, какъ самъ отецъ.“ — Тигръ смотриѣ,
какъ шальной,

Медвѣдь, другіе тожь; а Левъ, отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимашь:

„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?

О добрый звѣрь! тебѣ вручаю

Я счастье мое и подданныхъ моихъ;

Будь сыну моему наставникомъ. Я знаю,

Сколь пагубны льстецы! укрой его отъ нихъ;

Укрой и отъ меня — въ швоей онъ полной волѣ.“

Собака отъ Царя идешъ съ дищей въ поле,

Лелѣешъ, пѣснуетъ и учиѣ между шѣмъ.

Урокъ бывъ первой тошъ, что онъ Щенокъ, не
Львенокъ,

И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день
за днемъ,

Уже питомецъ не ребенокъ,

Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,

Которыя въ удѣлѣ отцу его даны;

И Львенокъ въ первый разъ узналъ наслѣство
власти,

Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти;

Лиса ѣстъ Кроликовъ, а Волкъ душитъ Овецъ,

Оленя давитъ Барсъ; повсюду, наконецъ,

Могучіе богаты,

Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,

Быки работаютъ безъ пашы,

А Обезьяну золошатъ.

БАШМАКЪ, МЪРКА РАВЕНСТВА.

Б а с н ь II.

„Да что ты, долгой, возмечталъ?
Я за себя и самъ, брашъ, стану,
Грудцою наскоча, вскричалъ
Какой-то Карликъ Великану:
Твои, мои — права одни!“
— Не спорю, что равны они,
Тотъ отвѣчаетъ безъ задору;
Но мой башмакъ тебѣ не въ пору.

Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ
конецъ,

Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу Львицу;
Я точно . . . былъ какъ Левъ! — „Ты точно Левъ
и есть,

Наставникъ отвѣчалъ, облившия слезами;

Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:

Опшныя . . . кончилось равенство между нами;

Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.

Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;

Но ты . . . и радости и грусти мнѣ причина!

Проси, о Государь! невольно слезы лью. . . .

Опечесству отца даю,

А самъ . . . теряю сына!“

Т Р И Л Ь В А.

Б а с н ь IV.

Его Величештво, Левъ сильный, Царь звѣрей,
Скончался.

Народъ совѣтовать собрался,
Когобъ изъ трехъ его дѣшей
Признать наслѣдникомъ короны.

— Меня! сынъ старшій говорилъ:
Я сдѣлаю народъ наперсникомъ Беллоны. —
„А я обогащу, середній подхватилъ.“

А лѣвъ его любилъ,
Сказалъ меньшей съ невиннымъ взоромъ —
И шупъ же нареченъ Владыкой всѣмъ соборомъ.

ЧЕЛОВѢКЪ и ЭХО.

Б а с н ь III.

Ругатель, клеветникъ на Эхо былъ сердитъ,
За чемъ, кого онъ ни поноситъ,
О комъ ни говоритъ,
Оно вездѣ разноситъ.
„Чтобъ громъ пришибъ! кричалъ въ досадѣ кле-
ветникъ,

У Эха злой языкъ!

Возможно ли? Скажи ты слово:

Уже оно пошчасъ гошова
За мною повторитъ

И новыхъ на меня враговъ вооружитъ.

Теперь ни въ клеветѣ, ни въ брани нѣтъ успѣха!

Никто не слушаетъ меня, и всё отъ Эха.“

— Напрасно ты меня винишь,

Съ усмѣшкой Эхо возразило:

Не хочешь ты, чтобъ я слова твои швердило,

За чемъ же говоришь? —

СУПЪ ИЗЪ КОСТЕЙ.

Б а с н ь VI.

„О времена ! о времена !

Собака , выходя изъ кухни , горько выла :
Прощайся и съ костью ! будь вѣчно голодна ,
И околѣй за то , что съ вѣрностью служила !

Вотъ дождались какихъ мы дней !

Безвременная смерть ! ужъ нѣтъ намъ и костей !“

— Да гдѣжь онѣ ? вопросъ ей сдѣлала другая ,

Собака пожилая ,

Прикованна подлѣ воротъ . —

„Въ котлѣ , да не для насъ , а для самихъ господъ :

Какой - то выдумщикъ , злодѣй собачью розу ,

И вѣрно ужъ французъ , пустилъ и кости въ моду !

Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить ,

И хочешь имъ людей кормить ;

А намъ уже ни кости !

Я тресну съ голода и злости !“

— А мой совѣтъ , сказалъ на привязи мудрецъ :

Въ молчаніи терпѣшь , пока судьба сурова ;

Вѣдь эшотъ случай намъ не первый образецъ ;

Большой всегда живешь на счетъ меньшова . —

Д В Ъ Л И С Ы.

Б а с н ь V.

Вчера, подслушалъ я, двѣ разныхъ свойствъ Ли-
сицы

Такой имѣли разговоръ :

„Тыль эшо, кумушка! давно ли изъ столицы?“

— Давноль оставила я дворъ?

Съ недѣлю. — „Какъ же ты развѣблась, подобрѣла!

Знашь при дворѣ у Льва привольное житье?“

— И очень! до сына всего пила и ѣла. —

„А въ чемъ шамъ ремесло главѣйшее швое?“

— Бездѣлица! съ утра до вечера таскашься;

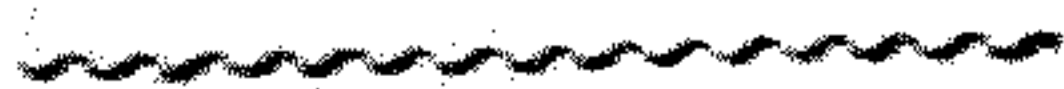
Гдѣ шакнуть, гдѣ польститься; предъ сильнымъ
унижаешься,

„И больше ничего. — „Какое ремесло!“

— Однакожь мнѣ оно довольно принесло :

Чинѣ, мѣсто. — „Горькій плодъ! чины не возвыша-
ють,

Когда ихъ подлости цѣною покупають.“

ПУСТЫННИКЪ и ФОРТУНА.

Б а с н ь VIII.

Какой-то добрый человекъ,
Не чувствуя къ чинамъ охоты,
Не зная страха ни заботы,
Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
Съ Плутархомъ; съ Лирой
И Пальмирой,

Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
Однажды, подѣ вечеръ, какъ солнца лучъ погасъ
И мать качашъ дитя уже переславала,
Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
И въ двери ну спучашъ.

— Кто тамъ? Пустынникъ окликаешъ. —

„Я! я!“ — Дѣ кто, могу ли знашъ? —

„Я! та, кошорая тебѣ повелѣваетъ

Скорѣе опперешъ.“ — Пустое! онъ сказалъ,

И замолчалъ. —

„Ошопрешъ ли? еще Фортуна закричала;

Я въ вѣкъ ни ошъ кого опказа не слыхала;

МАЛЬЧИКЪ НА СТОЛѢ.

Б а с н ь VII.

Какъ я великъ! съ стола мальчишка всѣмъ кричалъ.
А нянька говоритъ: сойди, такъ будешь малъ.

Кто въ этой Баснѣ намъ изображенъ мальчишкой?
Богачъ съ надменною и подлою душишкой.

ОТЕЦЪ СЪ СЫНОМЪ.

Б а с н ь . IX.

„Скажице, батюшка, какъ счастья добились?“
Сынъ спрашивалъ Отца. — А тошъ ему въ отвѣтъ :

Дороги лучшей нѣтъ,
Какъ шѣломъ и умомъ трудиться,
Служа отечеству, согражданамъ своимъ,
И чаще бытъ съ перомъ и книгой,
Когда бытъ дѣльными хотимъ. —
„Ахъ, эшо шажело! какъ легче бы?“ — Иншригой,
Вширашся жабой и ужомъ
Къ тому, кшо при дворѣ Фортуной вознесется. —
„А эшо низко!“ — Ну, шакъ просто . . . . бытъ
глупцомъ;
И этакъ многимъ удается.

Пусти Форшуну ты со свитою къ себѣ,
Съ Богатствомъ, Знанью и Чинами. . . .

Теперь извѣстналь я тебѣ?“

— По слуху, . . . но куда мнѣ съ вами?

Поди въ другой ты домъ,

А мнѣ не помѣстишь, ей ей! такой содомъ. —

„Невѣжа! да пусти меня хоть съ половиной,

Хоть съ прешью, слышишь ли? . . . Ахъ! сжалъ-
ся надъ судьбиной

Великолѣпія . . . оно ужь чуть дышитъ;

Надъ гордой Знанностью, которая дрожитъ,

И стоя у порога мерзнетъ;

Тронись хоть Славою, мой миленькой дружѣ!

Еще минуша, все исчезнетъ! . . .

Упрямый! дай хоть Желанью уголокъ.“

— Да ошвяжися ты, лихая пустомѣля!

Пустынникъ ей сказалъ: ну, право! не могу.

Смотри: одна и есть пошееля,

И шу я для себя съ Пѣвирой берегу. —

К Н И Г А Р А З У М Ъ.

Б а с н ь XI.

~~~~~  
Въ началѣ мірозданья,  
Когда соборъ боговъ,  
Не требуя себѣ ни агнцевъ, ни цвѣтовъ,  
Всѣхъ тварей упреждалъ желанья,  
Въ то время — слухъ дошелъ преданіемъ до насъ —  
Юлишерь въ милосливый часъ

Далъ книгу чловѣку,  
Кошора замѣнитъ могла библіотеку.  
Титулъ ей *Разумъ*, и она  
Самой Минервою была сочинена  
Съ той цѣлю, чшобъ въ ней всѣ возрасты узнали  
Пусть къ добродѣтели, и счастливѣе стали;  
Одвѣкожъ въ даръ томъ небесномъ на земли  
Не много прибыли нашли.

Чиняя сочиненье,  
Младенчество однѣ въ немъ видѣло черны;  
А Юность — только заблужденье;  
Вѣкъ зрѣлый — поздно сожалѣнье;  
А Старость — выдрала лишны.

~~~~~

Ш А Р Л А Т А Н Ъ.

Б а с н ь Х.

Однажды Шарлатанъ во весь горланилъ рошъ :
„Сступай ко мнѣ народъ !

Смотри , и покупай : вотъ порошокъ чудесный !

Онъ умъ даетъ глупцамъ ,
Невѣждамъ знаніе , красенокъ шарикамъ ,
Сшарухамъ прелести , достоинства плутамъ ,
Невинность преступленью ;

Вотъ первый способъ къ полученью
Всѣхъ благъ , какія насъ удобны только льстятъ ;

Повѣрьте , говорю неложно :

Чрезъ этотъ порошокъ возможно

На свѣтѣ все достать , все знать и все творить ;

Глядите !“ — И народъ стекается толпами.

Вѣдь любопытство не порокъ !

Бѣгу и я . . . но чтожь открылось передъ нами ?

Въ бумажкѣ — золотой песокъ.

ПЧЕЛА и МУХА.

Б а с н ь XIII.

„Здорово, душенька! влети въ окно Пчела,

Такъ Мухъ говорила:

Скажешь ли вѣсточку? Какой я сошь слѣпила!

Мой медъ прозрачнѣе стекла;

И какъ душистѣ! какъ сладокъ, вкусенъ!“

— Повѣрю, Муха ей отвѣтствуетъ: вашъ родъ

Природно въ шомъ искусенъ;

А я хотѣлабъ знать, каковъ-то будетъ плодъ,

Продавшись ли жары? — „Да! что-то будетъ съ
медомъ!“

— Ахъ, эшотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдаш-
нимъ бредомъ! —

„Да для того, что медъ“ . . . — Глупъ? нѣтъ: слава
теряешь,

Какое малодушье!

„Я, право, получу отъ словъ твоихъ удущье . . . —

„Удущье? ничего! сѣбѣ медъ, да вспомнѣть,

И все пройдетъ; мой медъ . . .“ — Чтобъ бытъ
тебѣ безъ жала!

Съ досадою Муха ей сказала:

Скройся въ улей свой, вралиха! иль молчи! —

Д В А В Ъ Е Р А.

Б а с н ь XII.

Въ гостиной на столъ два Вѣера лежали ;
Не знаю я , кому они принадлежали ,
А знаю , что одинъ былъ въ блескахъ, новъ, кра-
сивъ ;

Другой изломанъ весь , и очень тѣмъ хвастливъ.
„Чей Вѣеръ ? онъ спросилъ сосѣда горделиво“

— Такой - то , сей ему отвѣстиваетъ учтиво. —

„А я , сказалъ хвастунъ , красавицѣ служу ,
И какъ же ей служу ! смотри : нѣтъ кости цѣлой!
Лишь чушь къ ней подлещитъ молодчикъ съ рѣчью
свѣлой ;

А я его и хлопъ ; короче , я скажу

Безъ всякаго , повѣрь мнѣ , чванства

И прочимъ не въ укоръ ,

Что каждый мой махоръ

Есть доказательство Вѣщраны поспоянства.“

— Не лучше ли ея кокетства и жеманства ?

Сосѣдъ ему сказалъ : Розалин моей

Довольно бросишь взглядъ , и всѣ учтивы къ ней. —

С Л О Н Ъ и М Ы Ш Ъ.

Б а с н ь XIV.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ ,

Однако же и онъ

Поиманъ мудростью людскою :

Превосходительный тяжелою сполою

Ступилъ по хворосу , и провалился въ ровъ.

Чрезъ часъ потомъ и Мышь подверглась той же долъ ;

Но Мышь тамъ просторъ ; она, не тратя словъ ,

Пошла карабкайся, и выпрыгнула въ поле ;

А великанъ мой , спавъ по нуждѣ философъ ,

Не могши въ западѣ ниже пошевеливаться :

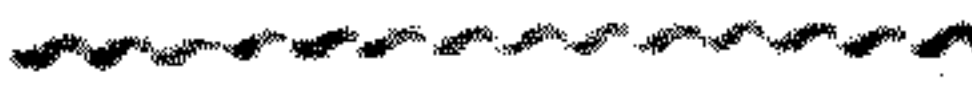
„Увы ! кричишь , къ чему ведетъ насъ полщина ?

Что въ ростѣ ? мѣлочнымъ не страхъ и провалишься ,

И Мышка въ западѣ свободнѣе Слона !“

О Згоисшы - риемачи !
Я васъ не называю ,
Но Басню эту вамъ ошъ сердца посвящаю.

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Б а с н ь XVII.

Одинъ охотникъ жишъ, не снарѣ ста лѣшъ,
Предъ Смертію дрожишъ и вопишъ,
За чемъ она его поропишъ
Въ располхъ оставишъ свѣшъ,
Не давъ ему свершишъ, какъ водишся, духовной,
Не предвара его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умрешъ.

— Увы! онъ говоришъ, а я лишь въ подмосковной
Палашы заложилъ; хотя бы ихъ докласъ!

Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправишъ,
И правнуковъ женишъ! а шамъ... швоя ужъ власъ!
Гоповъ, дерекресшясь, я бѣлый свѣшъ оставишъ. —
„Неблагодарный! Смерть отвѣшсшвуешъ ему:
Пускай другіе мрушъ въ весеннемъ жизни цвѣшъ;

Тебѣ бы одному

Не умирашъ на свѣшъ!

Найдешъ ли двухъ въ Москвѣ, десяшка даже нѣшъ
Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣшъ.

БЫКЪ и КОРОВА.

Б а с н ь XV.

— Какъ жалокъ ты! Быку Корова говорила;
Судьба тебя на трудъ всегдашній осудила. —
На утро повели Корову на убой,
Къ закланію богамъ. Быкъ, вспомня рѣчь вчерашнюю,
„Гордись, красавица, сказалъ, твоей судьбой:
Ты идешь къ олшарямъ, а я — опашь на пашню.“

Ты сѣшуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле:
 Взгляни на юношей, на эшотъ милый цвѣтъ,
 Кошорые лешятъ на смерть по доброй волѣ,
 На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
 На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
 Но часто тяжкую, при томъ неизбѣжиму! . . .
 Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
 Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

Конецъ книги прелѣей.

Ты думаешь, что я должна бы приготовить
 Заранѣ себя къ свиданію со мной:
 Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
 Духовную свершить, заводъ поправить свой,
 И правнуковъ женишь; а развѣ мало было
 Навѣшокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
 Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
 Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
 Увянулъ цвѣтъ ума, и память пришупилась;

Годъ отъ году хладѣла кровь;
 Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя помиралась,
 И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
 Съ которыхъ лѣтъ уже отовсюду поражаетъ
 Тебя печальна вѣсть: томъ свершникъ умираетъ,

Томъ умеръ, эпомъ занемогъ,
 И на одрѣ мученья?
 Какогожъ болѣе хощѣлъ ты извѣщенья?

Короче: я уже спустила на порогъ,

Забудь и горе и веселье;

Исполни мой успавъ!" —

Сказала, и спарикъ, не думавъ, не гадавъ,
 И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждешь;
 Да какъ бы въ старости спрашиваться умираешь?
 Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажешься, изъ міра
 Такъ должно выходить, какъ гость отходишь
 съ пирѣ,

Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ,
 Пути не миноваешь, къ чему жъ послужить спонъ?

„Миѣ выдѣли вонѣ? она вскричала, вонѣ прекрасно!

Да что за право самовласно?

Кто далѣ тебѣ его? и споймѣли войны
Нора, вѣ которую и самѣ ползкомѣ ты входишь?
Но пусть и царство будь, не всѣмѣ мы здѣсь равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богѣ, создавши свѣтъ, его размежевалѣ?
Богѣ создалѣ Ласточку, тебя, и Дромадера,
А землемѣра

Опшюдь не создавалѣ.

Ктожѣ болѣ права далѣ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну
Филата, Фефела, чемѣ Карлу, или мнѣ?
Пустое, братѣ! земля всѣмѣ служиѣ наравнѣ;
Ты первый захватилѣ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелѣ, я пришла, моею норка спала.“

Петрѣ Кроликѣ приводилѣ вѣ доводѣ
Обычай, *давность* — ихѣ закономѣ,
Онѣ утверждалѣ, введенѣ вѣ владѣніе нашѣ родѣ
Безспорно этимѣ домомѣ,
Который Кроликомѣ Софрономѣ
Отказанѣ, справленѣ былѣ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его

Доспался, вѣ силу права,
Тожѣ сыну, именно мнѣ Кролику Петру;
Но естѣли думаешь, что вру,
Такѣ опсдадимѣ себѣ на судѣ мы *Крысодава*. —
А эшотѣ *Крысодавѣ*, сказать безѣ многихѣ словѣ,
Былѣ постыный, жирный Кошѣ, мужѣ свяшѣ изѣ
всѣхѣ Кошовѣ,

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КОТЪ, ЛАСТОЧКА и КРОЛИКЪ.

Б а с н ь I.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На швейцарскій, вспыснутый росой.

Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,

Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же! — чужь его не подкосились ноги! —
Онъ видитъ: Ласточка разсѣиваетъ тамъ

Своихъ Пенатовъ по угламъ!

Во слѣли я, иль нѣтъ? странноприммы боги!

Изгнанникъ возопилъ

Изъ отческаго дома:

Что надобно? вопросъ хозяйки новой былъ.

— Чтobъ ты, сударыня, безъ грома

Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ,

Пока я всѣхъ мышей на помощь не призывалъ. —

ВЕРБЛЮДЪ и НОСОРОГЪ.

Б а с н ь II.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ :
Во вѣкъ я приложилъ ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой счастливой долѣ?
Васъ держитъ человекъ всегда въ чести и холѣ ,

И кормитъ въ довольѣ и поитъ ,
И ваше разводилъ старается онъ племя ;
Согласенъ , что на васъ нѣрѣдко вьючатъ бремя ,
Онъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ ,
Что крошки вы , легки , при томъ неушомимы ;
Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ ,
Да по рогу еще для случая въ запасъ —

А все мы презрѣны , гонимы ! —

„Дружокъ ! отвѣтствовалъ Верблюдъ :
Покорность иногда достоинствамъ замѣна ;
Чтобъ людямъ угодишь , одинъ ли нуженъ трудъ ?
Умѣй и подгибашъ колѣна.

Пусшынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
„Съ охотой!“ Ласпочка сказала. — И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходящъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: „Помилуй!“ — Разсудите! . . . —
Поближе, дѣшущи, ихъ перервалъ судья:

Не слышу я,
Отъ старости шалъ глухъ; поближе подойдите! —
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,

А онъ
Вдругъ обѣ лапы врозь, царапъ того, друтова,
И въ мигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

*

Не шже ль иногда бываетъ съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгають къ Королямъ?

А далѣе — медвѣдь, раззинувъ пасть багрову,
Ревешъ, и гонится за серной по скаламъ;
А вотъ и люшый волкъ ягненочка шерзаетъ. . . .
„Ахъ, полно, полно! Крошъ болтунью прерываетъ:
Ушѣшноль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ.“

РЫСЬ и КРОТЪ.

Б а с н ь III.

Когда-то Рысь, найдя лежащего Кроша,
Изъ жалости ему по-свойски говорила:
Увы, мой бѣдный Крошъ! несчастье слѣпоша!
И рошица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
Тебѣ какъ шемная могила!

Какая жизнь твоя!

Съ утра до вечера ты спишь, или збываешь,
И ни о чемъ не разсуждаешь;

А я

Теперь же, будто на ладонѣ,
Все вижу на верснѣ вокругъ,
И все перескажешь гопшова — слушай, другъ:
Вотъ яспребѣ въ облакахъ за коршуномъ въ погонѣ;
Здѣсь ласточка своихъ пшенцовъ
Пишаетъ мухами, добычей пауковой;
Тамъ хитрая лиса цыпленку стройитъ ковъ;
Тамъ кролика поспигъ ружья ударъ громовой;
Здѣсь кошка дазитъ мышъ! а шамъ
Змѣя впила въ корову;

ЖАВОРОНОКЪ СЪ ДѢТЬМИ и ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Б а с н ь V.

Пословица у насъ: *на ближнихъ чинись,*
А самъ ты не лошай!

И правда; вошѣ примѣрѣ. Въ прекрасные дни года,
Въ копорые цвѣшетъ и нѣжится Природа,
Когда все любится, медвѣдь въ лѣсу густомѣ,
Кишы на днѣ морскомѣ,
А жаворонки въ полѣ,
Не вѣдаю шого, по волѣ иль неволѣ,
Но самочка одна

Изъ племя жаворонковъ лешала да гуляла,
И о вліяніи весны не помышляла,
А ужъ давно весна!

Сдалася, наконецъ, Природѣ и она,
И машерью еще назваться захотѣла:

У пшичекъ много ли затѣй?
Свизла во ржѣ гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла,
И вывела дѣшей.
Рожь выросла, созрѣла,

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Б а с н ь IV.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣшилъ тамъ Змѣю, ползущую по траву.
Зависливая шварь
Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
Чшожь дѣлаетъ пернатыхъ Царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

✠

Такъ Геній своему хулителю отмицаетъ.

И матери во слѣдѣ всѣ въ толосѣ разкричались :
 Ахѣ! милая., скорѣй! родима, воротись!
 „Ужъ за родней пошли. — „Молчите, не пугайтесь!
 Ошвѣстствовала мать, и съ Богомѣ оставайтесь.“
 Еще проходишь день; хозяинѣ въ претій разѣ
 Приходитѣ на поле. — Изрядно учашѣ насѣ,
 Онѣ сыну говоришѣ; и дѣльно! впредѣ не спанемѣ
 Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспоманемѣ,
 Чшо всякой самѣ себѣ вѣрнѣйшій другѣ и братѣ;
     Сступай же ты назадѣ,
     И матери скажи съ сестрами,
     Чтобѣ на поле пришли съ серпами —
 А пшичка, слыша то, сказала дѣшамѣ такѣ:
 „Ну, дѣшки! вошѣ теперѣ къ походу вѣрный знакѣ.“
 И дѣши въ шотѣ же мигѣ скорѣй, скорѣй сбирашѣся;
     Разправя крылья, въ первый разѣ
 За маткой кое-какѣ вверхѣ, вверхѣ приподнимашѣся,
     И скрылися отѣ глазѣ.

А пшеньчики еще не въ силахъ ни порхать ,

Ни корма доставать ;

Все машушка ищи. — „Ну, дѣтушки, прощайте !

Я за припасомъ полечу ,

Сказала имъ она , а вы здѣсь примѣчайте ,

Не соберутся-ль жать , и тотчасъ голосъ дайте ;

Такъ я другое вамъ пристанище сыщу.“

Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле ,

И сыну говоритъ : вѣдь рожь и жать пора ;

Смотри какъ машера !

Спупай же ты , не медля болѣ ,

И попроси друзей на помочь къ намъ придти.

— Ахъ ! машушка , леши ! скорѣе къ намъ леши !

Малюшки въ страхъ запищали. —

„Что, что вамъ сдѣлалось?“ — Ахши ! мы всѣ пропали ;

Хозяинъ былъ , онъ хочетъ жать ,

Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочь звать. —

„А болѣ ничего ? оповѣстивовала мать :

Такъ не къ чему спѣшишь ; *день ночи мудренѣе.*

Вотъ дѣтушки вамъ кормъ : покушайте скорѣе ,

Да ляжемъ съ Богомъ спать!“ Они того , сего

Клевнули ,

Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.

Ужъ день , а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого.

Пичужечка опять пустилась за припасомъ ,

А селянинъ на рожь ,

И мыслишь : на родню сторонній не похожъ !

Подика , сынъ мой , добрымъ часомъ ,

Ты къ дядѣ своему , да свашу поклонись.

Малюшки पुще взводновались ,

Ж Е Л А Н І Я.

Б а с н ь VII.

Сердися Лафоншенъ, иль нѣтъ,
А я съ нимъ не могу разстаться.
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое принимаешь.
Слыхалиль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы домовыми?
Какъ не слыхашь! дѣшей всегда спращають ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы —
Безъ всякой платы, лишь изъ дружбы.
Кто правитъ кухнею, кто холитъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злаго глаза и уроковъ,
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ. —
Одинъ изъ нихъ духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Кранишелемъ его садовъ;
Онъ Госпожу и Господина

ИСТУКАНЬ Ё ЛИСА.

Б а с н ь VI.

Оселъ, какъ снопъ простой,
Глядишь на Истуканъ пустой
И лижешь позолоту;

А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прибъжно раза два,

Пошла и говоритъ: „Прекрасна голова!

Да жаль, что мозгу нѣтъ!“ — Безмозглые вельможи!

Не правдали, что вы съ симъ Истуканомъ схожи?

Сей часъ годовы крылья.

„Ахъ , изобилѣя , изобилѣя!“

Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.

И изобиліе рѣкой

На домъ ихъ полилося :

Въ шкашулы золотомъ , въ анбары ихъ пшеномъ ;

А въ выходы виномъ ,

Верблюдовъ шабуны , — откуда что взялося !

Но сколькожъ и заботъ прибавилося съ тѣмъ !

Легко ли усмотрѣшь за всемъ ,

Все счестъ , все записать ? Минуты нѣтъ покоя :

Въ день доброхотовъ угощай ,

Тому въ часъ добрый въ долгъ , другому такъ давай ;

А въ ночь дрожи и жди разбоя.

„Нѣтъ , духъ ! они кричатъ , возьми свой даръ назадъ ;

Съ богатствомъ не жишье , а въ живъ сущій адъ !

Приди , спокойствія подруга неизмѣнна ,

Наставница людей ,

Посредственность безцѣнна !

Приди , и возврати намъ счастье прежнихъ дней!“ —

Она пришла , и два желанія свершились ;

Осталось преще объявить :

Подумали они , и наконецъ рѣшились

Благоразумія просить ,

Которое во всяко время

Нигдѣ и никому не въ бремя.

Любилъ не меньше, чемъ родныхъ;
 Всегда, бывало, ихъ
 Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
 И въ упражненъи всякой часъ:
 То миршочки сажаетъ, то лучший ананасъ
 Къ столу хозяевъ выбираетъ.
 Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
 Но доброе всегда непрочно;
 Не знаю точно,
 Что было этому виной —
 Полишка, или товарищей коварство —
 Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой,
 Лешбшь въ другое Государство;
 Кудажь? сказать ли вамъ,
 Сердца чувствительны и нѣжны?
 Изъ мѣстъ, гдѣ счета нѣтъ цвѣтамъ,
 Изъ вѣчнаго тепла въ сугробы, въ горы снѣжны,
 На край Норвегiи! вдругъ изъ Индiйца будъ
 Лапланецъ! Такъ и быть, слезами не поправишь,
 А только лишь надсадишь грудь.
 „Прощайте, Господа! мнѣ должно васъ оставить!
 Со вздохомъ добрый духъ хозяямъ говорилъ:
 Я здѣсь ужъ отслужилъ;
 Нашъ Князь указъ насладъ, предписываетъ строго
 Лешбшь на Сѣверъ мнѣ. Хоть грустно, но лешбшь! —
 Недолго, милые, уже на васъ глядѣшь:
 Съ недѣлю, мѣсяцъ много.
 Чтожь мнѣ оставишь вамъ за вашу хлѣбъ и соль
 Въ знакъ моего признанья?
 Скажите, я могу исполнить при желанья.“
 Извѣстенъ человѣкъ: просишь чего? изволь;

С В Е Р Ч И И.

Б а с н ь IX.

Два обывателя столицы безвизанной,
Между собою земляни,
А націей Сверчки,
Избрали для себя кварширой постоляной
Сулейской домъ;

Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетъ,
И каждый день они видались шайкомъ.

„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!

Сказалъ товарищу Сверчокъ:

Какъ гнется, даромъ что высокъ!

Какая крошость въ немъ! какая добродѣтель!

И какъ трудолюбивъ! Я самъ тому свидѣтель,

Какую кучу онъ записокъ отберетъ,

И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;

А всѣ за нимъ тащатъ!“ — На произволъ судьбины,

Товарищъ подхватилъ.

Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только
жилъ,

И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;

НИЩІЙ и СОБАКА.

Б а с н ь VIII.

Большой боярской дворъ Собака стерегла,
Увидя шарика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.

— Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, пошепшомъ бѣднякъ ее молилъ:
Я сушки ужь не ѣлъ . . . отъ глада умираю! —
„За тѣмъ-то я и лаю,
Собака говоришь, чшобъ ты накормленъ былъ.“

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; шомъ ласковъ, а кусаетъ.

ОСЕЛЪ и КАБАНЪ.

Б а с н ь Х.

Въ навозѣ вскормленный и вызрѣвшій Оселъ Храбрился, что вражду съ Кабаномъ онъ завелъ, Съ кошорымъ и нельзя имѣть ему пріязни.

„Что мнѣ Кабанъ! Оселъ рычалъ:
Сей часъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія бояз-
ни!“

— Мнѣ въ бой съ тобой? Кабанъ съ презрѣніемъ
сказалъ:

Несчастный! будь спокоинъ:
Ты славной смерти не достоинъ.

Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
 Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ казаться;

А здѣсь, какимъ родился въ свѣтъ:

Богатому служишь, предъ сильнымъ пресмыкаешься;

А до другихъ и дѣла нѣтъ!

Вотъ нашего ханжи и все твое уложеніе!

Оставь же лишнее къ нему ты уваженіе!

И въ обществѣ людскомъ,

Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,

Умѣй ты различать двухъ человѣкъ въ одномъ!

Парадного съ приватнаго.

РАЗБИТАЯ СКРЫПКА,

Б а с н ь XII.

Скрыпица дюжинна упала и разбилась.

Скрыпачъ ее склеилъ,

И скрыпка изъ дурной . . . прекрасной очутилась.

Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствѣй
былъ!

ЛЕТУЧАЯ РЫБА.

Б а с н ь XI.

Есть рыбы, говорящъ, кошорья летающъ.
Не бойтесъ ; я хочу не Плинія чишатъ ,

А только вамъ сказать ,
Что и у рыбъ бывающъ
Такіежъ мудрецы и прусы , какъ у насъ ;
Вотъ и примѣръ для васъ :

Одна изъ Рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила :

„Ахъ , бабушка ! куда отъ злобы мнѣ уйти ?

Гоненія и смерть повсюду на пути !

Лишь только я летаю , Орлы клюющъ носами ;
Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема Волками!“

Спаруха ей въ отвѣтъ :

Что дѣлать , дитятко ! такое спать нынѣ свѣтъ !

Кому не суждено Орломъ быть или Волкомъ ,

Тому одинъ совѣтъ , чтобъ избѣжать бѣды :

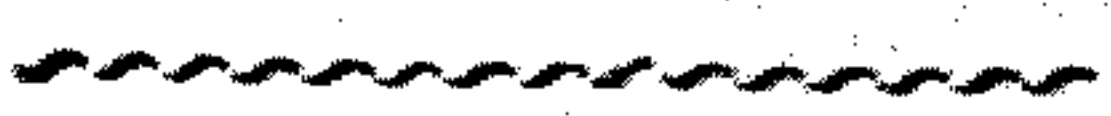
Держись всегда своей пропинки тихомолкомъ ,

Плывя близъ воздуха , летая близъ воды.

Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.
Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ, но прежде въ два кинжала
Товарищи его пронзили на повалъ;
Потомъ, когда въ немъ кровь подъ сердцемъ замирала,
Но пульсъ еще дрожалъ,
Они, наѣвшись хлѣба,
И сами у его простерлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ, а деньги шумъ! — и голосъ грянулъ
съ неба;

Всевидящъ скрытый Богъ!

ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Б а с н ь XIII.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три Пущника нашли съ червонцами мѣшокъ;

Они находку раздѣлили

И съ общаго потомъ согласья положили,

Чтобъ младшему идти за хлѣбомъ на обѣдъ.

Товарищъ ихъ пошелъ, а старшій, глядя въ слѣдъ,

Другому говоритъ: почто его мы взяли!

Не будь онъ, такъ мѣшокъ досталсябъ только
двумъ.

Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищъ, въ умъ?

Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай какъ звали!

— А часъ его въ раздѣлъ, товарищъ подхватилъ. —

Межъ тѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:

„Что есшьли бы вчера, не нынѣ,

Попался мнѣ мѣшокъ! тогда я шелъ одинъ,

Тогдабъ я былъ не въ половинѣ,

А полной суммы господинъ! . . .

Дай хлѣбъ отправимъ!

Товарищей моихъ постигнетъ вѣчный сонъ,

А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ.“

ОРЕЛЪ и КАПЛУНЪ.

Б а с н ь XV.

Юпитеровъ Орелъ за облака взвивался;
Уже онъ къ трону приближался
Властителя громовыхъ стрѣлъ —
И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смотрѣлъ.
„Не даромъ онъ любимъ Юнонинымъ супругомъ!
Въ восторгѣ восклицалъ Пѣтухъ:
Какая быstroша! какой великій духъ!
Какимъ онъ очертилъ свой путь обширнымъ кру-
гомъ!
Не даромъ, повторю, врученъ ему перуны;
Кто равенъ съ нимъ?“ — Кто? Ты и я, сказалъ
Каплунъ:

Конечно; будемъ только смѣлы,
То также обещемъ небесные предѣлы
И къ солнцу возлещимъ;
А это покажу примѣромъ я моимъ. —
Съ симъ словомъ, размахавъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землею и небесами,
И съ верьху вмигъ — онъ брякъ на кровлю, какъ
свинецъ.

З М Ъ Я и П І Я В И Ц А.

Б а с н ь XIV.

Какъ я несчастна !

И какъ завидна часть твоя !

Однажды говоритъ Піявицъ Змѣя :

Ты у людей въ чести , а я для нихъ ужасна ;

Тебѣ охотно кровь они свою дають ;

Меня же всѣ бѣгутъ , и естли могутъ , бьютъ ;

А кажешься равно мы съ ними поступаемъ :

И ты , и я , людей кусаемъ.

„Конечно ! былъ на то Піявицынъ отвѣтъ :

Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ ;

Я , наприкладъ , людей къ ихъ пользѣ уязвляю ,

А ты для ихъ вреда ;

Я множество больныхъ чрезъ это изцѣляю ,

А ты и яе больнымъ смертельна завсегда.

Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ , что я права ;

Я имъ лекарство , ты оправа.“

✽

Смыслъ этой басенки встрѣчается пошчасъ :

Не то ли Кришика съ Саширою у насъ ?

МАГНИТЪ и ЖЕЛѢЗО.

Б а с н ь XVI.

Природу одолѣть превыше нашихъ силъ :
Смиримся же предъ ней , не умствуй нимало.
„За чѣмъ ты льнешь? Магнитъ Желѣзу говорилъ“
— За чѣмъ влечешь меня? Желѣзо отвѣчало. —

Прелесный, милый полъ! чѣмъ кончу я разсказъ,
Легко ты ошгадаешь.
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь ;
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

Всѣ пицы хохоташь! Пѣтухъ же добрыхъ правилъ
На память эшотъ сшихъ по случаю привелъ:
„Опважный безъ ума всегда себя безславилъ!“
Потомъ примолвилъ въ слухъ! „Каплуѣ! ты не
Орелъ.“

Что *завтре* ни мое, ни ваше;
 Что Парка блѣдная равно
 Взираетъ на печенье наше.

Отъ Провидѣнія намъ вѣдать не дано,
 Кому изъ насъ Оно судило
 Послѣднему взглянуть на ясное свѣтило!
 Не можете и вы надежны быть, какъ я,
 Ниже на мигъ одинъ . . . работа же моя

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится!
 Чувствительна душа и въ чужбѣ веселился.
 И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ плодъ,
 Которымъ я могу теперь же наслаждаться,

И *завтра*, можете спать,
 И далѣе . . . какъ знать? быть можете, что и годъ;
 Ахъ! можете быть и то, что вашъ безумецъ жилой
 Застанетъ мѣсяца восходъ

Надъ вашей розами усыпанной . . . могилой!" —
 Шарикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пе-
 скомъ —

Конечно злошымъ — уснулъ на днѣ морскомъ;
 Другой подъ миршами исчезъ въ цвѣтущи лѣща;
 А третій — дворянинъ, за честь къ опмщенью
 скоръ —

Войдя съ пріятелемъ въ театръ въ легкой споръ,
 За креслы, помнился . . . убишъ изъ пистолета.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Б а с н ь XVII.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесятъ, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы спростить, нѣтъ! садить еще хотѣлъ!
А трое Молодцовъ, зевая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. „Какую же охоту

На старости Богъ далъ!

Одинъ изъ нихъ сказалъ.“

— Другой прибавилъ: чшожь? еще не опоздалъ!
Ковчегъ и большаго шерѣвня стоилъ Ною. —
„Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!

Примолвилъ прешій Старику:

Довольно, кажешься, ты пожилъ на вѣку;

Когдажь тебѣ дождатся,

Подъ тѣнью дерева въ Июль прохлаждайся?

Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ

Невѣренъ,

А *застремъ* льстишь себя ославъ уже ты насъ.“ —

Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ

Для мудреца въ шестнадцатъ лѣтъ!

„Повѣрьте мнѣ, друзья, Старикъ сказалъ въ отвѣтъ:

Тогда несчастный Левъ, въ спраданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вокругъ чресла хвостомъ своимъ за-
билъ;

И началъ грызть себя; потомъ . . . лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя на вѣкъ смыкаетъ очи.

Крылатый богатырь шумъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;

Но скоро самъ попалъ

Въ засаду къ Пауку, и съ жизнью распался.

Увы! кто свой предѣлъ чиняетъ на рукѣ?

Зіяютъ хляби, живъ . . . а гибнешь въ ручейкѣ!

Довольны ль правиломъ? Не то, такъ вошъ другое:

Опасенъ всякой врагъ; *малѣйшій* — часто вдвое.

Л Е В Ъ и К О М А Р Ъ.

Б а с н ь XVIII.

Прочь ты, подлѣйшій тадѣ, навоза порожденье!

Левъ гордый Комару сказалъ. —

Пошише! отвѣчалъ Комаръ ему: я малъ,

Но самъ не меньше гордѣ, и не снесу презрѣнье!

Ты царь звѣрей,

Согласенъ;

Но мнѣ нimalo неужасенъ:

Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй.

Сказалъ, и, ставъ трубачъ, жужжишь повѣстку къ
бою;

Попомъ, съ размахкою, приличною герою,

Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву впился:

У Льва глазъ кровью налился;

Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,

Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!

Отъ Комара всеобщій страхъ!!

Онъ въ тысячи мѣстахъ,

И въ гриву, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,

И даже въ глубь ноздри влетаетъ!

Чѣмъ хуже мы егѡ? — Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Форшуна вѣдь безъ глазъ;

А къ этому прибавимъ :

Чинъ стоитъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ старину удѣломъ былъ боговъ ?

Форшуна женщина : умѣрьте вашу ласку ;
Не бѣгайте за ней; сама смягчится къ вамъ.“

Такъ милый Лафоншенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку :

Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,

Одинъ съ другимъ не вдалекѣ

Два друга жили,

Ни скудны, ни богаты были.

Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,

Чтобы нажить огромный домъ,

Деревни, знатный чинъ — то и во снѣ лишь
видѣлъ;

Другой богатствѣ не ненавидѣлъ,

Однакожь ихъ и не искалъ,

А каждую ночь покойно спалъ.

„Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ :

На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ ;

Чегожь и намъ здѣсь ждать? — Со временемъ суммы.

Побѣдемъ лучше мы

Искать себѣ добра ; войши, сказать умѣемъ ;

Авось мы и найдемъ, авось разбогатѣемъ.“

— Сшупай, сказалъ другой,

А я остануся ; мнѣ дорогъ мой покой,

И буду спать, пока мой другъ не возвратится. —

Тщеславный этому дивился

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Б а с н ь XIX.

„Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?

Что, естлибъ силою волшебною какою

Всевидающимъ я спалъ,

И вдругъ открылись предо мною

Всѣ, всѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,

И скачутъ и плывутъ,

Изъ царства въ царство рыщутъ,

И дочери Судьбы отъѣиной красоты,

Иль убѣгающей мечты,

Бѣзъ отдыха споль жадно ищутъ?

Вѣдаяжки! жаль мнѣ ихъ! ужь, нажется, въ рукахъ.

Ужъ сердце въ восхищеньи бьется . . .

Вотъ только что схватили . . . хоть какъ такъ

увернешся,

И въ тысячи уже верстахъ!

„Возможноль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:

Давноль такой-то въ насъ искалъ?

А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!

Онъ въ счастья расшетъ, а насъ за грязь кидаетъ!

Мы смернь ловишь, а къ ней и дома два шага! —
 Синбюшъ между шѣмъ Индійски берега,
 Попутный дунуа вътръ; по крайней мѣрѣ къ
 статѣ

Пришло мнѣ такъ сказать, и онѣ уже въ Сурашѣ!
 „Форшуна здѣсь? его былъ первый всѣмъ вопросъ.“

— Въ Японіи, сказали. —

„Въ Японіи? вскричалъ герой, повѣся носъ.
 Быть такъ! плыву туда.“ — И поплылъ; но, къ
 печали,

Развѣхался и шамъ съ Форшуною слѣпой!

„Нѣшъ! полно, говоришъ, гоняшься за мечтой“ —

И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился.

Завидя издали отеческихъ боговъ,

Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,

Нащъ мореходецъ прослезился,

И отъ души вздохнувъ, сказалъ:

„Ахъ! счастливъ, счастливъ шешъ, кто лишь по
 слуху зналъ

И Дворъ и Океанъ и о слѣпой богинѣ!

Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынь.“

И такъ съ восторгомъ онѣ и въ сердцѣ и въ гла-
 захъ,

Въ отчизну, наконецъ, vstupаешъ;

Летишъ ко другу, — чтожь? какъ друга обрѣ-
 таешъ?

Онѣ спишъ, а у него Форшуна въ головахъ!

И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
 Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напоследокъ встрѣтилъ
 Ту самую страну, куда издавна мѣшилъ:
 Любимый уголокъ Фортуны, то есть Дворъ;

Прислалъ къ нему, и по обряду
 Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
 Тамъ спрѣлкою стоишь, не смѣя и дышать,
 Здѣсь шакаетъ изъ всей онъ мочи,
 Тупъ шепчетъ на ушко — короче: дни и ночи

Нашъ вишязь самъ не свой;

Но все то было впунъ!

„Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,

Да слушай объ одной Фортунѣ,

А самъ всё ничего!!

Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣ всего.

Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,

И впредь меня не ожидайте;

Въ Сурашъ, въ Сурашъ лечу! я слышалъ въ сказ-
 кахъ, тамъ

Форшунъ съ давнихъ лѣтъ курился еиміамъ.“

Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны заблѣли.

Но что же? Не прошло недѣли,

Какъ странствованель нашъ отправился въ Сурашъ,

А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,

На родину свою; корабль то загорался,

То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;

Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;

Бѣднякъ бѣсился, клялъ — извѣстно, люшый рокъ,

Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣша!

Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ

свѣта

Барановъ, тощихъ до костей,
 Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
 Всѣ въ страхъ бѣгаютъ, кружатся,
 А псамъ и нужды нѣтъ; они подъ тѣнь ложатся,
 Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
 То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
 То бросится къ овцѣ, которая отстала,
 То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
 А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
 Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
 Ошчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
 Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
 „Вотъ точный образъ мой! сказалъ Самовластитель;
 И такъ, и смиреннѣйшихъ животныхъ охранитель
 Таковымижъ, какъ и мы, напастями окруженъ,
 И онъ, какъ Царь, поработченъ!
 Я чувствую теперь какую-то опраду.“
 Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ,
 Куда? и самъ не зналъ,
 И наконецъ, пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
 Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
 Баранамъ счоту нѣтъ, отъ жира чухъ идутъ;
 Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью
 ихъ клонитъ;
 Ягняшки, кто кого скорѣе перегонитъ,
 Ко машкинымъ бѣгутъ пашетельнымъ сосцамъ;
 А пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
 И милую свою пастушку воспѣваетъ.
 „Не одобровать, овечки, вамъ!
 Царь мыслилъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
 И пастуху свирѣль худая оборона.“

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Б а с н ь XX.

Какой - то Государь, прогуливаясь въ полѣ,

Раздумался о Царской долѣ:

„Нѣтъ хуже нашего, онѣ мыслилъ, ремесла!

Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое;

Я всей душой хочу, чѣмъ у меня цвѣла

Торговля; чѣмъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;

А принужденъ вести войну,

Чѣмъ защищать мою страну.

Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,

А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;

Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгушѣ.

Бояра лишь чины берутъ,

Народъ мой спонешѣ, я спрадаю,

Совѣтуюсь, шржусь, никакъ не успѣваю;

Полсвѣта власпелишѣ, не веселюсь ни чѣмъ!“

Чувствительный Монархъ подходитъ между шѣмъ

Къ пасущейся скотишѣ;

И что же видишѣ онѣ? Разсыпанныхъ въ долишѣ

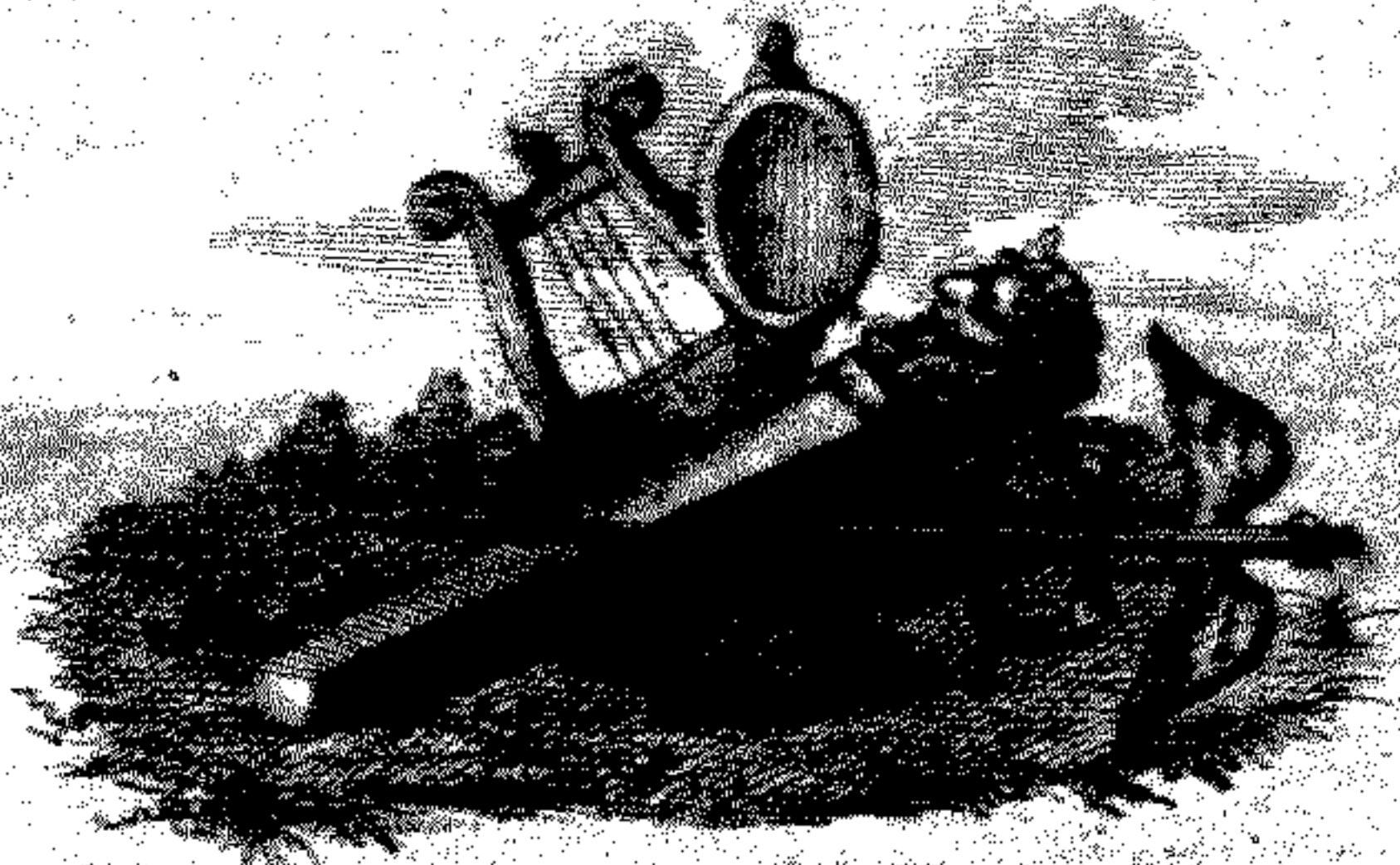
А волкъ и подлинно откуда ни возмись ;
Во всю несется рысь ;

Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили ;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненокъ догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ.
Пасхѣ же всё поешъ, не шевелясь нисколько.
Тогда уже въ Царѣ шепельнѣ не стало :
— Возможно? онъ вскричалъ, здѣсь множество вол-

ковъ,

А ты одинъ ... умѣлъ сберечь большое стадо! —
„Царь, отвѣчалъ пасхѣ, путь хитрости не надо:
Я выбралъ добрыхъ псовъ.“

К о н е ц ъ.

Книга Вторая.

1. Мудрецъ и Поселянинъ.	-	-	33
2. Молчаніе Соловья.	-	-	36
3. Калифъ.	-	-	37
4. Оселъ, Обозьяна и Крошъ.	-	-	39
5. Амуръ, Гименъ и Смерть.	-	-	40
6. Прохожій.	-	-	41
7. Два друга.	-	-	42
8. Совѣсть.	-	-	44
9. Дряхлая старость.	-	-	46
10. Донъ-Кишотъ.	-	-	48
11. Муха.	-	-	51
12. Придворный и Прошай.	-	-	52
13. Кокешка и Пчела.	-	-	54
14. Горестъ и Скука.	-	-	56
15. Полевой Цвѣтокъ и Гвоздика.	-	-	57
16. Молитвы.	-	-	58
17. Слѣпецъ и Разслабленный.	-	-	60

Книга Третья.

1. Воспитаніе Льва.	-	-	63
2. Башмакъ, мѣрка равенства.	-	-	68
3. Человѣкъ и Эхо.	-	-	69
4. Три Льва.	-	-	70
5. Двѣ Лисы.	-	-	71
6. Супъ изъ костей.	-	-	72
7. Мальчикъ на столѣ.	-	-	73
8. Пустынникъ и Фортуна.	-	-	74
9. Отецъ съ сыномъ.	-	-	76
10. Шарлапанъ.	-	-	77

СОДЕРЖАНІЕ

Третьей Части.

БАСНИ.

Книга первая.

	Стран.
1. Дубъ и Трость.	3
2. Пѣшухъ, Котъ и Мышеносъ.	5
3. Мышь, удалившаяся отъ свѣта.	7
4. Чирикъ и Зяблица.	9
5. Мѣсяцъ.	11
6. Лиса - проповѣдница.	12
7. Ласточка и Птички.	15
8. Часовая Стрѣлка.	18
9. Человѣкъ и Конь.	19
10. Лебедь и Гагары.	21
11. Ружье и Заяцъ.	22
12. Орелъ, Котъ, Ужъ и Устрица.	24
13. Карешныя лошади.	26
14. Два голубя.	27

11. Книга <i>Разумъ</i> .	-	-	-	78
12. Два Вѣра.	-	-	-	79
13. Пчела и Муха.	-	-	-	80
14. Слонъ и Мышь.	-	-	-	82
15. Быкъ и Корова.	-	-	-	83
16. Смерть и Умирающій.	-	-	-	84

Книга Четвертая.

1. Котъ, Ласточка и Кроликъ.	-	-	-	87
2. Верблюдъ и Носорогъ.	-	-	-	90
3. Рысь и Кротъ.	-	-	-	91
4. Орелъ и Змѣя.	-	-	-	93
5. Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.	-	-	-	94
6. Истуканъ и Лиса.	-	-	-	97
7. Желанія.	-	-	-	98
8. Нищій и Собака.	-	-	-	101
9. Сверчки.	-	-	-	102
10. Оселъ и Кабанъ.	-	-	-	104
11. Лешчая Рыба.	-	-	-	105
12. Разбитая скрипка.	-	-	-	106
13. Три Путешественника.	-	-	-	107
14. Змѣя и Цѣвица.	-	-	-	109
15. Орелъ и Капунъ.	-	-	-	110
16. Магнитъ и Желѣзо.	-	-	-	112
17. Старикъ и шрое Молодыхъ.	-	-	-	113
18. Левъ и Комаръ.	-	-	-	115
19. Искатели Фортуны.	-	-	-	117
20. Царь и два Пастуха.	-	-	-	121

Спран. Спр.

В м ѣ с т о :

Поставилъ :

61.	13.	Ефратъ	-	-	-	Евфратъ
—	17.	чемъ	-	-	-	чѣмъ
—	29.	Гирпинова	-	-	-	Гарпинова
62.	14.	истинну	-	-	-	испину
63.	20.	съ прозьбой	-	-	-	съ просьбой
64.	2.	несчастливымъ	-	-	-	несчастливымъ
65.	4.	Ты будешь, не				Ты будешь не судь-
		судьей,	-	-	-	ей,
—	13.	чемъ	-	-	-	чѣмъ
67.	10.	И, словомъ,	-	-	-	И словомъ,
79.	2.	не унижать!	-	-	-	не унижать!
—	10.	Вѣпошникъ!	-	-	-	Вешошникъ!
82.	24.	зѣліе	-	-	-	зеліе
84.	5.	прозьбу	-	-	-	просьбу
87.	17.	ни чемъ	-	-	-	ни чѣмъ
—	27.	Аршебуръ	-	-	-	Аштербуръ
88.	22.	всемъ,	-	-	-	всѣмъ,
90.	6.	Эвфраша	-	-	-	Евфраша
—	14.	всемъ,	-	-	-	всѣмъ,
91.	5.	Эпиграммъ	-	-	-	эпиграммъ
93.	14.	скрышной	-	-	-	скрытной
94.	19.	Эпиграммы,	-	-	-	эпиграммы,
96.	1.	Подъ миршою	-	-	-	Подъ митрою
102.	21.	разсѣиваю	-	-	-	разсѣеваю
106.	4.	надмѣнныхъ	-	-	-	надменныхъ

ПОГРѢШНОСТИ

въ первой Часши:

Стран. Стр.

Вмѣсто:

Поставить:

1.	3.	qu'il a chéri.	-	qu'il a chéris.
9.	17.	Русскихъ	-	Рускихъ
11.	29.	вѣрѣ.	-	вѣрѣ,
12.	22.	Что рекъ въ усер-	-	Что рекъ въ усердіи
		діи моемъ!	-	моемъ?
15.	26.	Въ сѣдинахъ, бодрѣ	-	Въ сѣдинахъ бодрѣ
18.	16.	и въ сердцахъ;	-	и въ сердцахъ?
21.	19.	Сайгака	-	сайгака
22.	30.	Белшѣ	-	Бельшѣ
23.	9.	Эфраша	-	Евфраша
32.	1.	надмѣнны	-	надменны
44.	10.	Фракія	-	Фракіи
—	18.	забошы	-	забошы,
49.	2.	истинны	-	истины
—	10.	по всей земли	-	по всей землѣ
57.	26.	мѣли	-	мели
59.	13.	вѣшкіе	-	вешкіе
60.	11.	надмѣнный!	-	надменный!
—	12.	наше	-	наше
—	29.	Камериномъ.	-	Кимериномъ.

Спран. Спр.

В м ъ с т о :

Пославиль :

95.	4.	л'иры	-	-	-	-	лиры
96.	17.	Коллардо	-	-	-	-	Колардо
—	19.	Бюфона	-	-	-	-	Бюффона
114.	1.	гдѣ же онѣ?	-	-	-	-	гдѣ же онѣ? —
124.	11.	ризмышленьи	-	-	-	-	размышленьи
139.	13.	нагнавѣ, ес	-	-	-	-	нагнавѣ ее,
140.	15.	за чемѣ	-	-	-	-	за чѣмѣ
143.	6.	Мадригаллы.	-	-	-	-	Мадригаллы.
144.	12.	118.	-	-	-	-	128.

ПОГРѢШНОСТИ

во второй Частѣ:

Стран. Спр.

Вмѣстѣ:

Поставили:

1.	3.	qu'il a chéri.	-	-	qu'il a chéris.
8.	25.	Готовъ трофеи	-	-	Готовъ трофеи
11.	13.	Всемъ	-	-	Всѣмъ
15.	9.	надмѣнный!	-	-	надменный!
18.	20.	всемъ	-	-	всѣмъ
19.	13.	меньше	-	-	меньше
21.	9.	ни чемъ	-	-	ни чѣмъ
25.	13.	крылошки	-	-	крылышки
27.	2.	спрасно	-	-	спрасно
—	25.	Винишь	-	-	Винишь
34.	13.	и Темиру	-	-	и Темиру,
46.	12.	лѣншы	-	-	леншы
64.	1.	Мадригалы.	-	-	Мадригалы.
65.	3.	всемъ	-	-	всѣмъ
80.	3.	шашалась ужь	-	-	шашалась, ужь
—	5.	не повстрѣчалась	-	-	не повстрѣчалась!
—	6.	говоряшъ	-	-	говоряшъ.
—	7.	на пескѣ	-	-	на пескѣ!
89.	11.	то вко	-	-	только
—	20.	Мадригалъ	-	-	мадригалъ

Стран. Стр.

В м ъ с л о :

П о с т а в и л ь :

71.	14.	унижашься ,	-	-	унижашься ,
72.	22.	живешь	-	-	живешь
79.	8.	горделиво“	-	-	горделиво.“
84.	2.	Баснь XVII.	-	-	Баснь XVI.
—	4.	вопишь ,			вопишь ,
—	5.	за чемь	-	-	за чѣмь
88.	13.	чемь	-	-	чѣмь
94.	15.	дав но	-	-	давно
96.	3.	„ужь за родней по-			ужь за родней по-
		шли. —	-	-	шли. —
—	15.	дѣши	-	-	дѣши
99.	1.	чемь	-	-	чѣмь
100.	10.	за всемь ,	-	-	за всемь ,
101.	4.	сшарика	-	-	сшарика
109.	18.	лекарство ,	-	-	лѣкарство ,
111.	4.	въ слухъ !	-	-	въ слухъ :
112.	5.	говорилъ“	-	-	говорилъ.“
113.	5.	зевая	-	-	зѣвая
117.	3.	„кто на своемь			кто на своемь вѣку
		вѣку	-	-	
122.	22.	счоту	-	-	счешу

ПОГРѢШНОСТИ

въ шрешъей Часши:

Сшран. Сшр.

В мѣсто:

Поставить:

1.	3.	qu'il a chérî.	-	-	qu'il a chérîs.
5.	9.	нашихъ	-	-	нашихъ
7.	17.	миловидѣнъ	-	-	миловиденъ
12.	6.	всемъ	-	-	всѣмъ
13.	1.	дальновидѣнъ	-	-	дальновиденъ
16.	10.	выщипывашъ	-	-	выщипывашъ
17.	3.	лешали да лешали, лешали, да лешали,			
34.	18.	У Эпикура	-	-	У Эпикура
39.	5.	за чемъ	-	-	за чѣмъ
—	14.	за чемъ,	-	-	за чѣмъ,
42.	8.	но, нѣтъ,	-	-	но нѣтъ,
46.	4.	ей ей	-	-	ей, ей,
—	9.	скука да заботы, скука, да заботы,			
54.	11.	обмерла	-	-	обмерла,
61.	8.	злѣди, не украли, злѣди не украли,			
64.	27.	подданныхъ	-	-	подданныхъ
—	—	щастье	-	-	счастье
66.	6.	щастливцевъ	-	-	счастливцевъ
69.	4.	за чемъ,	-	-	за чѣмъ,
—	19.	за чемъ	-	-	за чѣмъ